

МУАРИХ

ИСТОРИК

№ 3

Душанбе
2015

ББК 63.3 (2 рус)+74.263.1
К-78

Главный редактор
доктор исторических наук З.И.Акрами

Основатель и научный редактор журнала
академик Масов Рахим Масович

Члены редакционной коллегии:

*Б.Кабилова, С.Бобомуллоев, А.Гафуров, Л.Додхудоева,
В.Дубовицкий, Х.Пирумшоев, Х. Камол (отв.секретарь), А.Раджабов,
А.О.Чубарьян (Россия), Франсис Ришар (Франция),
Анри-Поль Франкфор (Франция), В. Фролов (отв. секретарь)*

Корректор *М.Хасанова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры
Республики Таджикистан №0228/МЧ от 14 апреля 2015 г.

Учредитель:

Институт истории, археологии и этнографии
им. А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан

ISBN 978-99947-278-10

ISSN 2789294-8

© Институт истории, археологии и
этнографии им. А.Дониша АНРТ, 2015

К ВОПРОСУ О КОНСОЛИДАЦИИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА И ТАДЖИКИСТАНЦЕВ

Р.МАСОВ

доктор исторических наук, профессор, академик,
Директор Национального музея древностей Таджикистана

В статье автор указывает на проблему единения таджикского народа, которая особо остро встала в период независимости и требует своего идеологического, экономического и культурного решения.

Ключевые слова: консолидация, таджикский народ, Республика Таджикистан, история, нация, национальное единство.

После распада СССР и появления новых независимых государств, в том числе и Республики Таджикистан, им пришлось решать многие архиважные экономические, политические, идеологические и культурные вопросы. Однако эти и другие жизненно необходимые проблемы, возникшие в процессе суверенизации, решать самостоятельно, без консолидации, иначе говоря, без внутреннего единения самих народов, в частности таджикистанцев, невозможно. В то же время их реализация требует серьёзной поддержки сравнительно более мощных в экономическом плане ближних и дальних зарубежных стран.

Для таджикского народа, в отличие от другого населения бывшего Союза Советских Социалистических Республик, проблема единения по объективным и субъективным причинам является наиболее сложной, требующей для своего решения длительного исторического периода. Все формирующиеся нации, как таковые, имеют основные классические признаки, а именно по определению великого И.В.Сталина: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры».¹ Кроме того, добавим ещё один важнейший признак: наличие своего собственного национального государства.

Если посмотреть на таджикский народ с точки зрения наличия указанных признаков, то, к сожалению, придётся констатировать, что он ими в полной мере не обладает. Хотя известно исторически, что таджики по времени своего сложения, как народ, опережают многие ныне существующие народы и нации, как в Центральной

Азии, так и в мировом пространстве, и входят в число древнейших аборигенов мира, сохранившихся до настоящего времени.

Однако у таджиков – трагическая судьба, и она продолжалась до недавнего времени, когда в междоусобной войне они убивали друг друга.

Пройдя большой и полный драматизма сложный исторический путь, таджики ещё в период своего первого (династийного и зависимого от Арабского халифата) государственного образования Саманидов IX-X вв. сложились в единый народ на основе общности территории и почти единого современного языка с небольшими диалектическими отличиями. В принципе всё это было определено самим ходом исторического развития. В тех условиях и в феодальной общественно-экономической формации ещё не могли сложиться другие элементы, способствовавшие образованию полноценной нации: в частности, не было условий для экономического единства и общности психического склада, проявляющегося в «общности специфических особенностей национальной культуры», характерных для последующих формаций человеческого общества и требующих длительного, стабильного развития и перехода к наиболее качественному общественному развитию, а именно к взаимосвязанной рыночной экономике, свойственной капиталистическому обществу. После распада Государства Саманидов, в судьбе таджиков наступили времена, полные трагизма. Они во многом стали причиной будущей трагической судьбы таджикского народа и отрицательно повлияли на все консолидационные процессы, которые могли бы привести к образованию развитой нации.

Подвергаясь на протяжении длительного времени непрерывным нападениям и агрессиям со стороны тюркско-монгольских родов, племён и особенно озбаков таджики потеряли не только свою национальную государственность и независимость, но оказались народом-изгнанником, народом бесправным, по существу народом-рабом деспотических режимов и государственных образований, которые сменяли друг друга на территории Средней Азии в ходе различных насильственных действий вплоть до 1924 г.

В период позднего средневековья и нового времени таджики проживали на территории относительно самостоятельных государственных образований Междуречья (Амударья и Сырдарья) с жестким самовластным управлением, под господством чуждой им этнической государственной системы. Территориальная экономическая и культурная разобщённость, рабское бесправное² положение, отсутствие нормальных жизненных условий, постоянные преследования и гонения со стороны тюркских кочевых племен угро-

жали им полным физическим и духовным уничтожением, особенно на равнинах и в предгорных территориях Средней Азии. У таджиков почти не оставалось шансов на создание и развитие своего национального государственного образования, на обладание общей территорией, на развитие экономической и культурной общности, не говоря уже о возрождении единства самого народа. В результате этой национальной катастрофы таджики на долгое время оказались территориально разбросанными, что в значительной мере негативно отразилось на сложении единой культуры единого литературного языка, единой экономической общности, единого психологического склада характера, единого национального уклада. Это, в свою очередь, привело к лингвистическому многообразию в языке и культуре, полной утрате национального самопознания и самосознания, этнического единства, то есть для таджиков, проживающих на своей исторической родине в составе нынешнего Узбекистана³, произошла полная деэтнизация.

Постоянное вытеснение таджиков в труднодоступные или почти недоступные горные массивы неизбежно вело к абсолютной изолированности их друг от друга. Были районы, которые сохранились и поныне, где таджики находились в полной изоляции от остального мира. Всё это значительно усугубляло экономическую и культурную разобщённость людей, живущих на, казалось бы, близких территориях, но разделённых высочайшими горными хребтами, бездорожьем. Таким образом, таджики были лишены одного из важнейших элементов единства – исторически сложившейся устойчивой общности людей, которая образуется на базе общности территории. И даже при единой национальной государственности, какой сейчас обладают таджики современной Республикой Таджикистан, если отсутствует устойчивое пребывание на её территории подавляющей численности таджикского народа, преждевременно говорить о завершении его национальной консолидации. Так было в прошлые времена, так остаётся и в наши дни.

Историческая несправедливость в отношении таджиков не была исправлена и после Октябрьской революции 1917 г., установления Советской власти и проведения социалистического строительства. Ради объективности следует отметить, что за годы Советской власти таджики в значительной степени были избавлены от преследований и гонений на своей территории, от непрерывных кровавых войн, которые вели ханы и эмиры на территории Средней Азии, и от которых больше всех страдало таджикское оседлое население. Однако с образованием вначале Таджикской автономной (1924г.), а затем и союзной «суверенной» республики в (1929г.), существова-

ных изменений в консолидации и единении таджикского народа не произошло. Для того не были созданы необходимые условия.

В результате «топорного» разделения Средней Азии в 1924 г. таджикам отвели лишь горные и предгорные территории, отобрав у них по праву принадлежавшие им исторические и культурные центры, экономически развитые районы и земли, на которых с древнейших времён компактно проживала значительная численность таджикского населения. Хотя за годы Советской власти в Таджикской Республике были построены железные дороги, налажено воздушное сообщение между её центром и районами, областями проблема постоянного доступного общения населения территории республики между собой не была решена полностью из-за сложных горных условий Таджикистана, особенно в осенние, зимние и весенние периоды. Автомобильное и воздушное сообщения между центром республики и большинством горных районов и областей в эти периоды практически прекращались. Таким образом, проблема устойчивого взаимоотношения основной массы населения на территории республики, как до Советской власти, так и с её установлением, не была решена окончательно, хотя значительные перемены по сравнению с дореволюционным временем все же произошли.

Отсутствие постоянной связи, единого экономического рынка, информационного и телевизионного общения на всей территории республики, разделение её на промышленно развитые и аграрно-отсталые части, а точнее на север и юг, не привели и за годы Советской власти к заметной консолидации таджикского народа. Напротив, оторванность и обособленность отдельных районов и областей республики друг от друга, отсутствие экономического единства, неразумный подход к размещению промышленного производства и производительных сил, полное пренебрежение к проблеме единения таджикского народа со стороны бывших союзных и таджикских республиканских органов с первых и до последних дней СССР, препятствовали сплочению таджикской нации. И это даёт о себе знать и сегодня. Дореволюционное разделение таджиков по отдельным регионам и городам, отсутствие общенационального самосознания, рабская психология значительной массы таджикского народа, оставшаяся от прошлого, и многие другие недостатки, которые не были преодолены за годы Советской власти, усилились в период независимости Республики Таджикистан. В итоге после распада СССР это привело к гражданской войне, к тяжелейшему кризису в экономической, хозяйственной и культурной жизни республики. До тех пор пока эти и другие проблемы не будут решены, пока не будут созданы нормальные условия доступно-

сти территории республики для всех таджиков, проживающих в Средней Азии, без выработки законодательных требований знания государственного языка, общности экономической жизни и общности психологического склада, проявляющихся в национальной культуре, условиях для возрождения национальной идентичности, вряд ли удастся достигнуть желаемой консолидации и единства народа.

Замечательный русский исследователь Н.Г.Павлов так сказал о прошлом таджикского народа: «Надо отдать справедливость, что по настоящее время таджики являются народом самым живучим: редкая нация получала столько и таких сильных ударов, как таджики, но достаточно было дать таджикам незначительную передышку, и они снова оживали как птица Феникс из пепла. Эти строки я пишу в то время, когда мы находимся накануне нового воскресения этой способной и живучей нации; до этого воскресения таджики не жили, а прозябали и это прозябание было результатом трёх ударов, нанесённых им Темучином, Тимуром и узбеками».³ И это было написано ещё более века назад.

После трагических событий 1991-1992гг. таджики вновь встали на путь возрождения, единения, экономического и культурного подъема. Начался процесс создания новых промышленных предприятий, строительства гидроэлектростанций, дорог – железных и автомобильных – авторитет Республики Таджикистан поднялся на международной арене.

Иностранные инвесторы начали финансировать совместные промышленные объекты по производству цветных металлов, переработке сельскохозяйственной продукции и других отраслей народного хозяйства.

События, которые происходили в первые годы независимости Республики Таджикистан, были как кость в горле, у тех, кто не смирился и не может смириться с существованием таджикского народа. Внешние тёмные силы, боясь международного осуждения открытой агрессии против Республики Таджикистан, подтолкнули своих сторонников и этнических соплеменников на попытку государственного переворота и свержения законно избранного главы правительства, чтобы свернуть страну с избранного пути возрождения и национальной консолидации таджикского народа и всех таджикистанцев. Но они просчитались!

Приходится сожалеть, что от прошлого нам досталась скверная, просто оскорбительная привычка обращаться друг к другу не по имени или фамилии, а просто по месту нашего рождения: «помири», «кӯлобӣ», «хучандӣ», «мастчоҳӣ» и т.д.

Как-то автор этих строк случайно оказался невольным свидетелем, как один некий базарный торгаш и посредник (далол) другому пониже его рангом приказывал: «Ҳамон помирира пеши ман фиристон!» («Позови ко мне того памирца»). Пока мы будем делить граждан Таджикистана и в целом таджикский народ на выходцев из отдельных регионов, территорий и мест, трудно быть уверенным в том, что консолидация таджикского народа завершена.

В настоящее время таджики должны объединиться на основе новой идеологии – национального единства, любви к Родине, уважения и преклонения перед общей историей, которую таджикский народ создал в прошлом, на равноправии и сотрудничестве с теми народами и государствами, которые хотят мирного сосуществования с Республикой Таджикистан, без какого-либо экономического, военного, культурного и этнического давления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И.Сталин. Сочинения, т.2, с. 296.
2. Логофет Д.Н. Страна бесправия. О Бухарском эмирате.
3. Современные узбеки – это конгломерат тюркоязычных родов, племён, народов, которые к новому своему названию никакого отношения не имеют.
4. Павлов Н.Г. История Туркестана: В связи с кратким историческим очерком сопредельных стран (Персии, Афганистана, Белуджистана, Индии и Восточного Туркестана), стр. 11.

POINT OF VIEW ON CONSOLIDATION OF TAJIK PEOPLE AND TAJIKISTANIANS

Rahim Masov

Doctor of history, Professor, Academician, Director
of the National museum of antiquities of Tajikistan

Tel.: 221 01 08

This article is devoted to the problem of unity of Tajik people which is important in period of independence and demand it's ideological, economical and cultural decision.

Keywords: Consolidation, the Tajik people, Tajikistan, history, nation, national unity.

БОРИ ДИГАР ОИД БА ҚАҲРАМОНИИ АКАДЕМИК БОБОЧОН ҒАФУРОВ

З.И.АКРАМӢ

Директори Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А.Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон,
доктори илмҳои таърих
тел.: 2213742, адрес: Душанбе, хиёбони Рудаки 33.

Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар суҳанронии худ дар маҷлиси ботантана ба ифтихори ҷашни 100-солагии зодрӯзи Бобоҷон Ғафуров 24 декабри соли 2008 иброз намуд, ки «Фаъолияти илмии Бобоҷон Ғафуров, ки аз омӯзиши таъриху фарҳанги миллати тоҷик оғоз шудааст, тадричан хеле густурда ва фароҳ гардида, масоили мухталифи таърихи қавму миллатҳои машриқзамин, зиндагӣ ва осори мутафаккирони бузурги Шарк, рушди илми шарқшиносӣ ва амсоли онҳоро фаро мегирад. Бобоҷон Ғафуров ҳамчун ходими дурандешӣ давлатӣ, сиёсатмадори барҷаста ва олими тавоно ба шарофати донишу хиради ғавқулода, маҳорати баланди ташкилотчиғии худ дар ташаккули ҳаёти нав ва пешрафти соҳаҳои гуногуни иқтисодиёт ва иҷтимоиёти Тоҷикистон хизмати бесобиқа кардааст».¹

Ҷашни 100-солагии зодрӯзи академик, Қаҳрамон Тоҷикистон, ходими давлатию ҷамъиятӣ Бобоҷон Ғафуров дар шароите ҷашн ғирифта шуд, ки дар кишвари тоҷикон рушди ҳама соҳаҳои иҷтимоиёт ва иқтисодиёт пайдор гардида, ваҳдат ва ягонагии милли ба амал омадааст.

Фаъолияти илмӣ-эҷодии Бобоҷон Ғафуров дар шароите оғоз гардид, ки дар афкори ҷамъиятӣ зарурияти исботи саҳми халқи тоҷик дар инкишофи тамаддуни ҷаҳонӣ аз давраҳои қадим то кунун ба миён омада буд. Аз ин сабаб Бобоҷон Ғафуров чун фарзанди фарзонаи миллат вазифа гузошт, ки дар асоси сарчашмаҳои муътамад мавқеи таърихӣ халқи хешро дар пешрафти фарҳанги моддӣ ва маънавии инсоният аз ҷиҳати илмӣ асоснок намояд.

Чунон ки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар суҳанронии худ иброз намуд: «Бобоҷон Ғафуров ҳамчун шахси покзамир ва олими дурандеш аз таърихи гузаштаи халқҳо пеш аз ҳама лаҳзаҳоеро меҷуст, ки ба созандагӣ, дӯстӣ ва қаробати миллатҳову тамаддунҳо мусоидат карда тавонанд».²

¹ Суҳанронии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар маҷлиси ботантана ба ифтихори ҷашни 100-солагии зодрӯзи Бобоҷон Ғафуров, ш.Душанбе соли 2008 //Ҷумҳурият. – 2008. – 25 декабр.

² Суҳанронии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар маҷлиси ботантана ба ифтихори ҷашни 100-солагии зодрӯзи Бобоҷон Ғафуров, ш.Душанбе соли 2008 //Ҷумҳурият. – 2008. – 25 декабр.

Кулли таҳқиқотҳои Бобочон Ғафуров ба мероси фарҳангии халқҳои Осиёи Миёна, саҳми онҳо дар рушди тамаддуни қадими осийимиёнагӣ, ҳамгустурдагии ҳаёти иқтисодӣ, фарҳангӣ ва сиёсии халқҳои минтақа бахшида шудааст. Дар ин масоили серпахлуи таърих мавқеи асосиро нақши халқи тоҷик дар пешрафти ҷомеаи қадим ва асрийимиёнагӣ ишғол менамояд.

Бобочон Ғафуров бе такрор манфиатҳои маънавии тоҷиконро аз ноадолатӣ ва хатонависи баъзе олимони хориҷӣ ҳифз намудааст. Махсусан ба таърихи ташаккул ва инкишофи забони тоҷикӣ диққат дода, дар асоси сарчашмаҳои таърихӣ исбот намудааст, ки адабиёти классикии тоҷику форс маҳз дар манотиқи Мовароуннаҳр ба вучуд омадааст.

Дар асару баромадҳои худ гаштаю баргашта исбот намудааст, ки забони адабии чунин шоирон ба монанди Рӯдакию Фирдавӣ ба хонандаи муосири тоҷик назар ба форсҳо саҳеҳ ва фаҳмотар мебошад.

Дар охири солҳои 30-юми асри ХХ Бобочон Ғафуров дар вазифаҳои хизбӣ фаъолият карда, саҳеҳ дарк намуд, ки барои худшиносии миллӣ омӯзиши таърихи ниёгон нақши бузург мебозад. Соли 1940 зери қалами Бобочон Ғафуров аввалин асари илмӣ-оммавӣ «Сарнагун шудани аморати Бухоро» ба таъби мерасад. Моҳи апрели соли 1941 Бобочон Ғафуров дар шаҳри Москва бо роҳбарии олими шинохтаи арабшинос ва исломшинос Е.А.Беляев рисолаи номзадии худро оид ба таърихи исмоилия дифоъ намудааст.

Дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ баробари фаъолияти худ дар вазифаҳои масъули хизбӣ бо меҳнати пурмашаққати таҳқиқи сарчашмаҳои таърихӣ машғул буд. Асарҳои дар ин давра ҷопшудаи олим марҳилаи муҳими ибтидои таҳқиқи таърихи халқи тоҷик ба ҳисоб рафта ин асарҳо ҳисси ватандӯстии миллиро афзуда, баҳри ғалаба аз болои душман кӯмак менамуданд.

Аз ибтидои фаъолияти илмии худ Бобочон Ғафуров мавқеи принсипиалӣ оид ба инъикоси таърихи этногенези халқи тоҷик баромад мекард. Дар ин ҷабҳа бо бостоншиносии маъруф профессор С.П.Толстов, ки дар Хоразм ҳафриётҳо бурда, муқобили таълифи таърихи халқи тоҷик буд, мувоҳиҷаҳои часурунаи илмӣ мебуд.

Аз ибтидои фаъолияти илмии худ Бобочон Ғафуров саъйю кӯшиш менамуд, ки ягонагии тоҷикон ва мероси таърихӣ онро новобаста аз ҳаритаи ҳудуди маъмурӣ давлатии бамийёномада барқарор намояд ва нақши тоҷиконро дар инкишофи таърих, фарҳанг ва тамаддуни осийимиёнагӣ дифоъ намояд.

Соли 1944 Бобочон Ғафуров ва Н.Прохоров ба ҳукумати марказии Иттиҳоди Шӯравӣ мактуби махсус навишта, зарурияти таълифи таърихи тоҷиконро асоснок намудаанд.

Муаллифони мактуб баҳои ба халқи тоҷикро додаи И.В.Сталин дар рӯзҳои Даҳаи адабиёт ва санъати Тоҷикистон дар шаҳри Москва апрели соли 1941 дода буд ба асос гирифта, зарурияти омӯзиши таърихи халқи тоҷикро ба миён гузошанд.

Таълифи таърихи халқи тоҷик дар солҳои Чанги Бузурги Ватанӣ буд, ки дар натиҷаи он китоби Бобоҷон Ғафуров «Таърихи мухтасари халқи тоҷик» соли 1947 дар шаҳри Душанбе чоп гардид. Минбаъд ин асар се маротиба ба забони русӣ – солҳои 1949, 1952 ва 1955 чоп гардидааст.

Чопи русии «Таърихи мухтасари халқи тоҷик» ба олимони рус низ писанд омад. Бостоншинос ва мардумшиноси маъруф, профессор С. Толстов чунин навишта буд: «Дар дасти мо нахустин асари яклухт ва чамбасткунанда роҷеъ ба таърихи халқи тоҷик аст. Муаллиф таърихи халқи тоҷикро аз таҳрифаҳои шарқшиносии буржуазӣ покиза намудааст ва силсилаи проблемаҳои муҳимро дуруст шарҳ медиҳад».

Б. Ғафуров дар асари худ «Таърихи мухтасари халқи тоҷик» назарияи маъмул ва мақбули марҳилабандии ҷараёни инкишофи таърихи ро дар Осиёи Марказӣ ва Шарқи Миёна асоснок карда, манзараи фароҳу доманадори муборизаи чандинасраи халқи тоҷикро барои таъсис ва ташкили давлати миллӣ тасвир менамояд ва тавассути таҳлили амиқи илмӣ, объективона оқибат ва натиҷаҳои истилои арабро дар тақдирҳои таърихии халқҳои Эрон, Афғонистон ва Осиёи Миёна бозгӯй мекунад.

«Таърихи мухтасари халқи тоҷик» на танҳо падидаи барҷаста дар таърихшиносии тоҷик гардид, балки дар илми таърихнигории СССР мавқеиро низ сазовор соҳиб гашт. Бинобар ин соли 1952 Шӯрои илмии Институти таърихи маданияти моддӣ АИ СССР ба муаллифи ин асар унвони доктори илмҳои таърихро муносиб дид.

«Таърихи мухтасари халқи тоҷик» таҳкурсии ва барномаи тадқиқотҳо ва ҷустуҷӯҳои ояндаи натавон ҳуди Б.Ғафуров, балки дигар низ муаррихон гардид.

Миёнаи солҳои 50-ум Б. Ғафуров дар андешаи таълифи таърихи бисёрчилдаи халқи тоҷик афтод ва соли 1957 бо пешниҳод ва тавсияи ӯ Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии АИ Тоҷикистон бо сарпарастии таърихшинос ва шарқшиноси барҷаста, донандаи моҳири китобҳои қалами Шарқ профессор А.А. Семёнов ба таълифи ин асар оғоз ба қор намуд. «Таърихи мухтасари халқи тоҷик», ки дар се ҷил (иборат аз панҷ китоб) солҳои 1963-1965 ба таърифи Б. Ғафуров аз ҷумлаи муҳарриронии масъули асари номбурда буд. Таълифу таҳияи ин асар таҳти назорати ӯ ҷараёнгирифта вай ҳамеша аз рафти қор огоҳӣ дошт ва ҳар ҷилду ҳар китобро муҳокима мекард, ҳисобот ва гузоришоти ва муаллифон муҳарриронро мешунид, ба ҳаллу фасли

масъалаҳои умда кӯмак мерасонид. Бо ташаббуси устод Б. Ғафуров ҳамаи панҷ китоби асари сечилда дар нашриёти «Адабиёти Шарқ» дар Маскав ба таъб расид.

Дар миёнаи солҳои 50-ум дар таърихи шарқшиносии шӯравӣ марҳилаи сифатан нав шурӯъ гардид. Болоравии ҳаракати миллии озодихоҳӣ дар мамлакатҳои Шарқ, пас аз ҷанги дуҷуми ҷаҳонӣ ба вучуд омадани давлатҳои соҳибихтиёр, афзудани нақш ва мақоми Шарқ дар тақдири инсоният, комёбиҳои бузурги иҷтимоӣ-иқтисодӣ дар мамлакатҳои Осиё ва Африқо нақш ва аҳамияти илмӣ шарқшиносиро афзуданд ва дар назди он вазифаҳои мураккаб ва муҳим гузошанд.

Дар чунин шароит шарқшиносии шӯравӣ аз ҳаллу фасли муҳимтарин вазифаҳои аён дар канор буда наметавонист.

Ҳаёт масъалаи ба тарзу услуби нав ташкил намудани тамоми корҳои таҳқиқотии илми шарқшиносиро дар мамлакат, комилан тағйир додани мавзӯ ва самти пажӯҳиш, ба таври қатъӣ рӯ овардан ба омӯзиши масоили мубрами халқҳо ва давлатҳои машриқзаминро ба миён гузошт. Марҳилаи сифатан нав дар инкишофи илми ховаршиносии шӯравӣ оғоз гардид. Ин марҳила ба номи Бобочон Ғафуров сахт пайванд аст.

Пас аз ба вазифаи директори Институти Шарқшиносии АН СССР таъин гардидан, Б.Ғафуров бо ғайрату суботкорӣ ва мақсаднокии ба худ хос ба кори такмили сохтор ва самаранок намудани фаъолияти институти мазкур шурӯъ намуд. Бино ба суханҳои худи Б.Ғафуров бозсозӣ чунин самтҳои кори таҳқиқотӣ ва илмию ташкилиро дар назар дошт:

- ба таври куллӣ тағйир додани мавзӯи корҳои илмию таҳқиқотӣ;
- бо мақсади самаранок истифода намудани имкониятҳои мавҷуда ва барои боз ҳам беҳтар омӯхтани кишварҳои Шарқ дигаргун намудани сохтори дохилии институт;
- ба роҳ мондани робита ва ҳамкорӣ миёни Институт ва муассисаҳои илмӣ ва донишмандони кишварҳои Шарқи хориҷа;
- таъсис намудани китобхонаи адабиёти Шарқ, ки дорои фонд ва ҳуқуқи мубодилаи байналхалқӣ китоб бошад;
- таъсис додани нашриёти адабиёти Шарқ бо мақсади нашри осори шарқшиносӣ шурави ва ховаршиносони хориҷӣ ба забони русӣ, ба забонҳои хориҷӣ, аз ҷумла ба забонҳои Шарқ;

Бобочон Ғафуров ҳамчунин ташаббускори интишори силсилаи осори хаттии Шарқ буд. Тахти роҳбарии ӯ нашри ин силсила шурӯъ гардид, ки дар натиҷаи он осори зиёде аз ҳазинаи бостонӣ, офаридаҳои беҳтарини шоирон, нависандагон, донишмандони Шарқи қадим ва асрҳои миёна, дастраси ҷаҳониён гардид.

Дере нагузашта, марказҳои нави шарқшиносӣ ва мактабҳои олии на танҳо дар шаҳрҳои марказӣ (Москва ва Ленинград), инчунин дар ҷумхуриҳои иттифоқӣ низ таъсис ёфтанд.

Барои ҳалли вазифаҳои масъул бо ташаббуси Б.Ғафуров тобистони соли 1957 дар Тошкент конференсияи илмӣ умумиттифоқии шарқшиносон даъват гардид. Дар он устод дар мавзӯи «Вазъият ва вазифаҳои шарқшиносии шӯравӣ...» маъруза кард.

Нахустин конференсияи илмӣ умумиттифоқии шарқшиносон бешубҳа, дар роҳи инкишофи илми шарқшиносии қадами ҷиддие буд.

Саҳми Б.Ғафуров дар амри ривочу раванг ва таҳкими робитаҳои байналхалқии шарқшиносони собиқ шӯравӣ, баланд бардоштани обрӯи ҷаҳонии он басо бузург аст. Дар ин ҷода ӯ бо фаъолияти пурсамару истеъдоди ташкилотчиғии худ дар қори тайёр намудан ва гузаронидани Конгресси XXV байналхалқии шарқшиносони байналмилалӣ саҳми арзандае гузоштааст.

Б.Ғафуров вазифаҳои раиси Кумитаи Шӯравӣ оид ба лоиҳаи асосии ЮНЕСКО таҳти унвони «Шарқ-Ғарб» ва президенти Асоштиатсияи байналхалқӣ оид ба омӯзиши тамаддуни Осиёи Марказиро ба ӯҳда дошт. Б.Ғафуров дар конференс ва конгрессҳои байналмилалӣ шарқшиносони ҷаҳон дар мавзӯҳои гуногуни илмӣ сухан карда, таърихи тоҷикон, маданияти бой халқҳои Осиёи Марказиро ташвику тарғиб мекард. Ӯ чанде аз рисолаву мақолаҳои худро ба инъикоси саҳми олимон, шоирон, адибон, арбобони сиёсӣ ва ҷамъиятии Шарқ ба бахшидааст. Таълифоти пураъриш дар бораи Фирдавӣ, Берунӣ, Форобӣ, Хусрави Дехлавӣ, Иқбол, Ғолиб, Аҳмади Дониш, Мехатма Гандӣ, Ҷавоҳирлал Нехру ва ашхоси дигари муътабар аз ҷумлаи онҳоянд, ки тарғиби меъроси эшон муҳтавои ин асарҳо мебошанд. Бояд таъкид кард, ки хизматҳои Б.Ғафуров дар рушди илми шарқшиносии ҷаҳонӣ аз ҷониби ходимони илму фарҳанг чи дар дохили кишвар ва чи дар хориҷи он хеле хуб пазируфта шуданд.

Бо вучуди серкорӣ дар Институти шарқшиносии АИ Иттиҳоди Шӯравӣ дар Москва Б.Ғафуров таърихи халқи худро пайгирона тадқиқу таҳлил мекард. Натиҷаи ин буд, ки баъд аз 10 соли ҷопи таърихи сечилдаи халқи тоҷик аз тарафи қормандони Институти таърих ва дигар олимон, соли 1972 таърихшиносон ва мардуми бошарафи Тоҷикистон ҳадияи шоситаи ин фарзанди фарзонаи миллатро дарёфт намуданд. «Тоҷикон – таърихи қадимтарин, қадим ва асрҳои миёна» – шоҳасари устод Б.Ғафуров дастраси тоҷикон ва халқҳои дигар гашт. Ин асар ҷамъбасти марҳилаи нави инкишофи шарқшиносии шӯравӣ ва қомебиҳои он дар соҳаи тадқиқот оид ба таърихи қадимтарин халқи Осиёи Миёна – тоҷикон буд.

Дар айни замон муҳтавои мундариҷаи китоби Б.Ғафуров бо рӯху

ғояи дӯстию бародарии халқҳои Осиёи Миёна саршор аст. Дар сарсухани китоб дуруст хотирнишин мегардад, ки омӯзиши таърихи тоҷикон саҳми хоси онҳо ба ганҷинаи тамаддуни инсонӣ бо омӯзиш ва таҳқиқи таърихи халқҳои Осиёи Миёна ва бозёфти он падидаҳо, ки онҳоро муттаҳид менамуд, саҳт марбут аст. Ин имкон медиҳад, ки сарчашмаҳои равобити анъанавии халқҳои сокини Осиёи Миёна ва риштаҳои амиқи таърихии ҳамкорихои бародарони онҳо кашф карда шаванд.

Муҳаққиқ на танҳо бо як маҳорати факуллада манзараи доманадори таърихро нигоштааст, инчунин ҳар як соҳаву паҳлӯҳо чараён ва чузъиётҳои онро борикбинона ва бо як тафсилоти ҳайратангез тасвир менамояд. Ин аст, ки пеши назари мо на танҳо тарҳи умумии таърихи чандинасра ҷилвагар мешавад, балки пайкараи зиндаи он бо тамоми мураккабияю муҳолифатҳояш арзи вучуд мекунад.

Б.Ғафуров дар «Тоҷикон» чунин масъалаҳои ниҳоят мураккаб ба мисли масъалаҳои этникӣ ва лингвистии қабилаҳои қадимаи Осиёи Миёна, Ҳиндустони Шимолӣ, Афғонистон, Эрон, даштҳои байни Аврупо ва Осиё, пайдоиши ориёиён ва масъали ориёӣ пайдоиш ва инкишофи ҷамъияти синфӣ, зуҳур ва таҳаввули оини зардуштӣ, будпарастӣ, пайдоиш, ташаккул, хронология (солнома) ва маданияти Кӯшон, омезиш ва таъсири мутақобилан тамаддуни Осиёи Миёна, ҳинду эронӣ ва мардуми Юнони қадимро ба риштаи тадқиқ кашидааст. Саҳми Б.Ғафуров дар омӯختан ва тадқиқи масъалаҳои номбурда басо бузург аст. Афқор ва хулосаҳои ӯ аҳамияти калони илмӣ ва назариявӣ дорад. Б.Ғафуров тавонистааст моҳияти онро возеҳу равшан баён намуда, мулоҳизаҳои санҷидашуда вабо далели худро бо як маҳорати бо ҳудаш хос пешниҳод созад. Маънидод ва тавзеҳоти олим дар бисёр мавридҳо пардозӣ навадоранд ва бори нахуст ба саҳнаи мувоҳисаҳои илмӣ кашида шудаанд.

Бо истифода аз асноди қадимтарин сарчашмаи таърихӣ «Авесто», хатҳои мехӣ, солномаи чинӣ, матнҳои динии буддой, осори асримиёнагӣ, асарҳои муаллифони Юнону лотинӣ, номаҳои ҳокими Суғд, навиштори шоҳони Кӯшонӣ, рисолаҳои муаррихони арабу форсзабон ва дигар маъхазҳои таърихӣ – муаллифи «Тоҷикон» ба тадқиқи сохтори иҷтимоӣ-иқтисодии Осиёи Миёнаи давраи бостон ва қуруни вусторо шукӯҳӣ тозае бахшидааст.

Худи устод эътироф мекарданд, ки бисёр қисматҳои «Тоҷикон» ангегаи мувоҳисавӣ доранд, зеро ба афқори гуногун ва баъзан ба ҳам муқобили донишмандони мухталиф таъя мекунанд ва имкон медиҳад, ки ихлосманди асар бо ақидаҳои гуногун оид ба масъалаи таҳқиқшаванда огоҳ гардад ва ӯро ба андешаҳои тоза водор намояд.

Бобочон Ғафуров то вопасин рӯзҳои худ умри машғули тавсеҳи ва тақмили ин шоҳасар буд. Дар бадали сӣ соли кори эҷодии худ дар бо-

бати таърихи халқи тоҷик, ӯ ҳаҷми ин асарро се маротиба зиёд наму-
да, аз як китоб ба ду китоб расонид. «Тоҷикон» на танҳо ҳаҷман, бал-
ки бештар мазмунан ғанӣ гардид. Худуди хронологии қисмати так-
милшудаи асар давраи аз нимаи дуюми асри XVIII то Инқилоби Ок-
тябрро дар бар гирифт.

Пас аз се соли ғавти Б.Ғафуров китоби басо ҷолиб бо номи «Ис-
кандари Макдунӣ ва Шарқ» аз чоп баромад. Ин тадқиқоти пурар-
зишро, ки охири таълифоти илмии муҳаққиқ метавон ҳисобид.
Б.Ғафуров бо ҳамқлами таърихшиноси Юнон Д.И.Цибукидис ба
анҷом расонидааст.

Дар ин асар як қатор проблемаҳои муҳимтарин, аз қабилӣ моҳияти
сиёсати истилогаронаи Искандари Макдунӣ ва оқибатҳои он, рӯ ба рӯ
ҳамкорӣ ва таъсири мутақобилаи иқтисодӣ иҷтимоӣ маънавиё-
ти Ғарбу Шарқ, мақоми махсусе доранд. Аз асар манзараи доманадо-
ри таърих пеши назар мерасад ва сабабҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ, ки
юнониҳоро макдунӣҳоро ба юриш ба сӯи Шарқ барангехт ва лаҳзаҳои
асосии амалиётҳои шарқии Искандар чун тадқиқоти пурмуҳтаво шоё-
ни таҳсин аст.

Қисмати калони асар ба баррасии масъалаҳои ҳаётан муҳим, аз
қабилӣ таъсири ақидаҳои Арасту ба нақшаҳои истилогаронаи Искан-
дар дар Шарқ бахшида шудаанд. Муаллифон дуруст хулоса мебарор-
анд, ки эҳтиёҷи вочиб ба кишваркушоӣҳои Искандар ва андӯштани
сарватро на назариёти фалсафаи Арасу, на даъвати тақозои Сукрот,
балки шароити иҷтимоӣ ва иқтисодии Юнон муайян намуд.

Масъалаҳои, ки дар рисола мавриди таҳқиқ қарор гирифтаанд, ба-
рои омӯштани бисёр лаҳзаҳои таърихи халқҳои Осиёи Миёна, аз ҷум-
ла тоҷикон, ки дар сарзамини онҳо амалиётҳои бузурги Искандар ба
вуқӯъ пайваستاаст, аҳамияти калон доранд.

Муаллифон дар дебочаи китоби худ намехостаанд, ки «Искандари
Макдунӣ пеш аз ҳама таҷовузкор буд ва бо оташу шамшер мардуми
Шарқро, ки аз ватану аз маъвои худ бо матонат дифоъ менамуданд, ба
зери итоати худ дарорад».

Ҳамчунон ки аз суҳанони худи Б.Ғафуров бармеояд, ӯ ба гузашта
на танҳо ба хотири он таваҷҷуҳ менамояд, ки он моро мафтун ва ғанӣ
мегардонад, балки боз аз он чиҳат, ки гузашта пандомӯз аст ва моро
водор месозад, ки ба имрӯзаи худ ба тарзи нав назар андозем ва инчу-
нин барои фаҳмишу идроки қонунҳои инкишофи таърихӣ кӯмак ме-
расонад.

Роҳи тай кардаи «Тоҷикон» барои муаллифи он осон набуд. Ӯ дар
ин роҳ даҳсолҳо заҳмат кашида, дар дилу дидаи мардуми диёраш
маъво гузоштааст.

Шоҳасари безаволи Бобочон Ғафуров «Тоҷикон» меҳномаи муал-

лиф ба халқи азизаш аст ва хушбахтона, Ҳукумати кунунии Тоҷикистон ба кадри хизмати ин марди шариф расид ва дар радифи абармарди дигари тоҷикон, устод Садриддин Айни ӯро аввалин Қаҳрамони Тоҷикистон эълон дошт.¹

Президенти кишвар мухтарам Эмомалӣ Раҳмон ба саҳми академик Бобочон Ғафуров баҳо дода ибраз намудааст, ки «Агар роҳи пуршарафи тайкардаи ин олим ва сиёсатмадори барҷастаро мухтасар чамъбаст намоем, метавон чунин гуфт, ки ӯ дар ҳақиқат ходими давлатии дар сатҳи академӣ бомаърифат ва академики дорои тафаккури давлатӣ буд. Гузашта аз ин, тамоми зиндагии ӯ намунаи хизмати содиқона ва фидокорона ба манфиати илм ва халқу Ватани хеш аст».²

АДАБИЁТ

1. Суханронии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар маҷлиси ботантана ба ифтихори чашни 100-солагии зодрузи Бобочон Ғафуров, ш.Душанбе соли 2008 // Ҷумҳурият. – 2008. – 25 декабр.
2. Академик Бободжон Ғафурович Ғафуров и его труды //В кн.: Б.Г.Ғафуров. Избранные труды. –М.:Наука, 1985. –С.4-20.
2. Академику Бободжону Ғафурову 85 лет., тезисы докладов научно-теоретической конференции/. –Худжанд, 1994. – 49 с.
3. Бабаев А.Д. Ғозибеков А.Г. Достойный потомок Саманидов. – Худжанд, 1998. – 78 с.
4. Бободжон Ғафурович Ғафуров /библиографический указатель/. – Душанбе: Дониш, 1969. – 93 с. (Вступительная статья И.С. Брагинского. Библиография составлена З.М.Шевченко).
5. Гадоев Абдухамид. Ёднома //В кн.: Севги – сеҳро олами. – Худжанд, 1996. – С.9-13 бет.
6. Ғафуров Б.Г. Тайна минарета кишлака Себзор /Повесть и рассказ/ – Душанбе: Адиб, 1989. – 70 с 2. Шаши Бушан. Академик Бободжон Ғафуров. – Нью-Дели, 1977. – 201 с. (на англ.языке).
7. Ғафуров Усмонҷон. Равшангари таърих. –Душанбе: Ирфон, 1990. – 203 с.
8. Ғафуров Усмонҷон. Бобочон Ғафуров фарзанди фарзонаи миллат. –Ғафуров, 1996. – 56 с.
9. Ливинский Б.А. Бободжон Ғафурович Ғафуров и его труд //В кн.: Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. – Душанбе: Ирфон, 1989. –В 2-х томах. –Т.II. –С.331-383.

¹ С.А.Абдуллоев, Х.Х.Холджураев, О.К.Каримов. Академик Бободжон Ғафурович Ғафуров. _Худжанд, 1998. – С.151-157.

² Суханронии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон дар маҷлиси ботантана ба ифтихори чашни 100-солагии зодрузи Бобочон Ғафуров, ш.Душанбе соли 2008 //Ҷумҳурият. – 2008. – 25 декабр.

10. Мухтаров А., Шарифов Ш. Академик Бобочон Гафурович. – Душанбе, 1979. – 34 с.
11. Мухторов А., Шарифов Ш. Академик Бободжон Гафуров. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 206 с.
12. Мухторов Ахрор. Бобочон Гафуров (Хотирахо). – Душанбе: Дониш, 1992. – 149 с.

ЕЩЕ РАЗ О ГЕРОИЗМЕ АКАДЕМИКА Б.ГАФУРОВА

З.Акрами

Директор Института истории, археологии и этнографии
им. А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан,
доктор исторических наук, профессор

В статье раскрывается вклад академика Бабаджана Гафурова в изучении истории таджикского народа, исторических источников, в анализе историографии народов Центральной Азии. Так же отображается деятельность Б.Гафурова в развитии советской востоковедческой науки. В статье рассматривается методика и методология исторического исследования истории народов Востока, а так же таджиков – как одного из древнейших этносов внесший весомый вклад в мировую цивилизацию.

Ключевые слова: история, источники, таджики, культура, литература, востоковедение, Центральная Азия, античность, мидиистика, археология.

AGAIN ABOUT THE HEROISM OF ACADEMICIAN B.GAFUROV

Z.Akrami

Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography
named after A.Donish, doctor of history

In article the contribution of the academician Babadzhan Gafurov in studying of history of the Tajik people, historical sources, in the analysis of a historiography of the people of Central Asia reveals. Also B. Gafurov's activity in development of the Soviet vostokovedchesky science is displayed. In article the technique and methodology of historical research of history of the people of the East, and also Tajiks – as one of the most ancient ethnoses the made powerful contribution to a world civilization is considered.

Keywords: history, sources, Tajiks, culture, literature, oriental studies, Central Asia, antiquity, midiistika, archaeology.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Р.АБУЛХАЕВ

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан
Тел.: 2212093

В статье рассматриваются вопросы миграции, их социально-экономические причины и последствия для Таджикистана в конце XX – начале XXI вв. Освещается также процесс управления миграционными процессами, проведение миграционной политики правительством Таджикистана. Уделено внимание анализу культурно-бытовых изменений в жизни мигрантов. Освещены основные факторы миграции населения.

Ключевые слова: миграция, социально-экономические причины, миграционная политика, трудовая миграция, процессы.

В целом миграция, в том числе внешняя трудовая миграция на современном этапе развития человечества является одним из определяющих важных и главных вопросов социально-экономических, культурно-бытовых направлений жизни людей. По мнению многих признанных ученых современная миграционная ситуация в мире формируется под влиянием целого комплекса разноплановых факторов, таких как огромный демографический и социально-экономический дисбаланс между развитыми и развивающимися странами, глобализация экономики, расширение экологически неблагоприятных ареалов, нарастание военно-политической нестабильности, гражданские войны, межэтнические конфликты и т.д. В свою очередь, миграционные процессы оказывают глубокое и неоднозначное воздействие на современное общество и ставят перед правительствами стран ряд сложных проблем и задач.

На рубеже второго тысячелетия международная миграция населения стала одной из характерных примет социального развития современных государств. По данным ООН, общее число лиц, проживающих за пределами стран происхождения в 2000 г. достигло 175 млн. человек, что почти в 1,5 раза больше, чем в прошедшее десятилетие. По сравнению с периодом 1965-1990 годов темпы ежегодного прироста численности мигрантов увеличились примерно наполовину, причем в 90-е годы динамика миграций стала опережать рост численности населения мира. В результате доля ми-

грантов среди жителей планеты, составлявшая около 2% в 1965-1990 гг., увеличилась до 2, 9% в 2000 г. [1]

Так как проблема миграции является глобальной и всемирно масштабной, вокруг нее разгораются, острые и противоречивые диспуты и споры среди многочисленных специалистов различных областей общественных наук. При этом следует отметить, что дискуссий о различных аспектах миграции, таких как внешняя трудовая миграция, миграция и безопасность, незаконная миграция, миграция и торговля, защита гражданских прав мигрантов, социальная защита гастарбайтеров, их трудовая интеграция, миграция как один из факторов развития производительных сил и т.д. ведутся споры ученых различных научных направлений.

Политика и практика требует необходимость разработки всеобъемлющего понимания многомерного явления миграции, с тем чтобы управлять им эффективно. Всеобъемлющий и неоперативный подход к международному регулированию миграции следует рассматривать с миграцией давления в этом столетии. Такой подход будет включать в себя политику и программы в области миграции и развития, содействие миграции, регулирование миграции и вынужденной миграции. Чтобы быть успешным, международное регулирование миграции не может быть предпринято правительством в одностороннем порядке.

Имеется ряд глобальных тенденций, которые будут оказывать влияние на миграцию и управления миграционными процессами. Это в частности, демографические тенденции, экономический разрыв между развивающимися и развитыми странами, либерализация торговли, требующая более мобильной рабочей силы, коммуникационные сети, связывающие все части мира, транснациональная миграция.

В области торговли и инвестиционного климата имеется устойчивый приток мигрантов. Повышение спроса на рабочую силу, прежде всего дешевую, в странах с развитой экономикой и ее наличие в слаборазвитых странах приводит глобальные миграции в движение. Огромный рынок труда предлагает работодателям возможность нанимать работников в рамках своих стратегий минимизации издержек.

Кроме того, глобализация и связанные с ней силы возросли. Она усилила движение квалифицированной рабочей силы. Многонациональные корпорации способствуют передвижению рабочей силы, особенно высококвалифицированной. Столкнувшись с острой нехваткой рабочей силы в промышленности развитых стран, оценка миграционной политики предпочитает довольно гибкий механизм.

Как известно, в начале XXI в. наблюдался процесс спада в ми-

ровой экономике. Однако его фактическое влияние, с точки зрения возвращения мигрантов в страны их происхождения, еще предстоит выяснить. Опыт работы с азиатским финансовым кризисом конца XX в. свидетельствует о том, что большинство мигрантов, как правило, остаются в стране назначения, даже если условия ухудшаются. Исторический опыт ярко показал, что временный спад не всегда может привести к срыву основных миграционных потоков.

Демографические изменения влияют на международную миграцию в двух направлениях. Быстрый рост населения в сочетании с экономическими трудностями заставляет людей выйти из их среды обитания и ведет к сокращению и старению населения, давление на страны принимать мигрантов.

В проблеме своевременного эффективного управления миграцией есть целый ряд причин, и не в последнюю очередь потому, что несколько стран имеют определенную и сформулированную миграционную политику. Тем не менее, даже страны, которые имеют согласованную миграционную политику, подкрепленную законодательством, нередко сталкиваются с серьезными трудностями в области управления миграцией.

Незаконная миграция стала одной из главных проблем нашего времени. Незаконный ввоз мигрантов совпадает с незаконным оборотом наркотиков в качестве основного источника доходов для организованной преступности.

Жизнь доказала, что люди всегда перемещаются из одного региона в другой, с тем чтобы улучшить свой жизненный уровень, чтобы дать своим детям больше возможностей для их будущего, или уйти от нищеты, войн и голода.

Противостояние различных тенденций и интересов, сталкивающихся в процессе формирования и осуществления миграционной политики, обуславливает ее противоречивость, непоследовательность, а также непредсказуемость ее последствий. Чтобы быть эффективной и в то же время гуманной, миграционная политика должна опираться на сбалансированную стратегию, согласуемую и реализуемую не только в рамках отдельных государств, но и на межнациональном уровне [2].

Специфика и сложность разнообразных проблем миграции на постсоветском пространстве состоит в том, что во времена существования СССР она попадала под определение внутренней миграции. В начале XXI в. по сути то же явление рассматривается как внешняя миграция между государствами – участниками СНГ. Вместе с тем активизировались и миграционные процессы между странами Содружества и третьими государствами.

Главными факторами, вызывающими перемещение населения, являются экономический, политический, этнический, экологический. Активные, миграционные процессы на территории СНГ сохраняются в течение ближайшего десятилетия. При этом прогнозируется существенная реальная нагрузка на экономические и социальные инфраструктуры государств участников Содружества, конфликтные отношения между коренными жителями и переселенцами и, как следствие, осложнение криминогенной ситуации в местах концентрации мигрантов.

Исторический опыт ясно показал, что в постсоветском периоде наиболее масштабное перемещение мигрантов наблюдалось в Российской Федерации. По экспертной оценке в начале XXI века, в России насчитывался около 1,5 млн. иностранных граждан, правовой статус которых требовал уточнения, и 3,5 млн. иностранных граждан, занимающихся незаконной трудовой деятельностью.

В целях противодействия незаконной миграции в каждом из государств СНГ с учетом национальной, региональной специфики создана определенная нормативная правовая база. Министерствами внутренних дел и другими уполномоченными органами разработаны документы ведомственной компетенции, совершенствующие миграционную политику государств.

Сложности правового регулирования миграционных процессов в государствах – участниках СНГ заключается в необходимости сбалансирования противоположных тенденций. С одной стороны, защита прав и свобод граждан, создание общего экономического пространства, что предполагает беспрепятственное перемещение трудящихся мигрантов, с другой – реальные возможности государств, необходимость усиления борьбы с преступностью и терроризмом, объективно вынуждающих их проводить ограничению миграционную политику [3].

Для эффективного межгосударственного взаимодействия стран Содружества в сфере борьбы с незаконной миграцией, необходима гармонизация национальных законодательств, регулирующих визовую политику и миграционные процессы.

Следует констатировать, что одним из факторов, способствующих распространению нелегальной миграции, является нерегулированность механизмов внешней трудовой миграции.

Таджикистан по масштабам трудовой миграции превосходит все остальные страны СНГ. Сложные экономические условия, низкий уровень жизни населения в первые десятилетия XXI в. продолжают оставаться основной причиной массового оттока самого трудоспособного населения в страны ближнего и дальнего зарубежья в

поисках работы, обеспечивающей нормальной прожиточный минимум для семей.

В декабре 1999 г. был принят закон Республики Таджикистан «О миграции», а апреле 2001 г. Указ Президента Республики Таджикистан «Об усилении борьбы с незаконной миграцией в Республике Таджикистан», которым на пунктах пропусков через государственную границу республики введен миграционный контроль, возложенный на Комитет по охране государственной границы при правительстве Республики Таджикистан [4]. Принятые на высоком уровне решения являются выражением осознания социальной и экономической значимости трудовой миграции и введения мер по её государственному урегулированию.

Исторический опыт свидетельствует о том, что большая часть внешних трудовых мигрантов в среднем ежегодно направляются в Российскую Федерацию (около 85%), в Казахстан (8-10%) [5]. На российском трудовом рынке они четко определялись в структуре вакансий, которая ориентирована главным образом на рабочих, выполняющих в основном физический труд. В других странах ближнего зарубежья таджикские трудовые мигранты также выполняют не самые престижные, малооплачиваемые работы. Например, работают грузчиками, уборщиками мусора, складскими рабочими. Кроме того, большая часть мигрантов – выходцев из сельской местности, занимается в сельскохозяйственном производстве. Определенная часть таджикских мигрантов заняты в строительстве, где постепенно набрав достаточный опыт, неуклонно повышает свою профессию.

Массовая трудовая миграция из Таджикистана стала вынужденной и имеет под собой чисто экономическую почву. После братоубийственной войны 90-х годов прошлого века, в Таджикистане начался глубокий экономический кризис, который охватил все отрасли народного хозяйства.

Многие ученые, историки, социологи и другие представители общественных наук, изучая социально-экономическое состояние Таджикистана в постсоветском периоде, пришли к выводу, что он является беднейшей страной среди бывших республик Союза ССР. Население здесь сталкивается с дополнительными, по сравнению с соседями, трудностями, связанными с развалом инфраструктуры вызванным последствиями гражданской войны 1992-1997 гг.

Поэтому постсоветский Таджикистан является одним из основных региональных экспортеров рабочей силы, и феномен внешней трудовой миграции республики широко признан.

Причины вызвавшие внешнюю трудовую миграцию из Таджики-

стана в другие бывшие советские республики и дальше зарубежье разнообразны. Среди них определяющим является социально-экономическое положение республики. Одним из наиболее важных факторов, способствующих миграции трудовых ресурсов, является безработица. Так, с 1997 по 2002 гг. уровень официальной безработицы колебался от 2,3 до 3,2% составляя в 2002 г. 2,5% населения (47 тыс. чел.). Так как, большинство безработных не регистрируется, поэтому реальный масштаб безработицы по подсчетам специалистов Всемирного Банка равен 30%. Проблема безработицы особенно остра для молодежи и женщин. Женщины составляют в Таджикистане 55% от общей численности безработных. Из 46,7 тыс. официальных безработных в 2003 г. 23,6 тыс. (50,5%) составляли лица в возрасте 18-29 лет [6].

Такое социально-экономическое положение определяло самой низкой заработной платой трудящихся Таджикистана по сравнению с другими республиками. К примеру, средняя заработная плата в Таджикистане по состоянию на 2002 г. составляла 32,55 сомони (\$8-11 соответственно по рыночному и официальному обменному курсам). В период с 1997 по 2002 г. заработная плата здесь выросла более чем в 6 раз. Тем не менее, цифры положительной динамики мало что говорят, поскольку по состоянию на 2002 г. подавляющее большинство занятых в экономике граждан (67,6%) работало в сельском и лесном хозяйстве, включая личное подсобное хозяйство. Более того, данный показатель увеличился с 45% в 1991 г. до 67,7% в 2002 году [7].

Все это свидетельствует о том, что по возрастающей доле экономически активного населения, занятого в сельском хозяйстве, можно судить о высвобождении трудовых ресурсов из сферы экономики, переживающей глубокий кризис. Помимо этого, по некоторым данным в ряде регионов страны заработная плата в колхозах и совхозах чаще всего выплачивалась в натуральном виде.

Помимо экономического фактора, на процесс трудовой миграции из Республики Таджикистан в Российскую Федерацию оказывают влияние еще целый ряд факторов объективного и субъективного характера. По мнению исследователей миграционного процесса, так называемый период раздельного политического существования двух государств представляет собой исторически ничтожный срок и субъективное ощущение общности еще широко распространено в сознании населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цапенко И.П. Как влияет иммиграция на общество. Вестник Российской Академии наук, 2005. Т.75, №1. – С.41.
2. Цапенко И.П. Под натиском мигрантов. Вестник Российской Академии наук, 2002, т.72, №11. – С.108.
3. Миграционный вестник, №25-25 / 2003 г.
4. Народная газета, 10 декабря 2003.
5. Миграционный вестник, №25-25 / 2003 г.
6. Наталья Зотова. Трудовая миграция из Таджикистана. По материалам ИАЦ МГУ. 2006-08-15. – С.1.
7. Наталья Зотова. Указ. раб. – С.1.

SOCIO-ECONOMIK CAUSES OF MIGRATION

Rakib Abulhaev

Doctor of history, Chief researcher A.Donish Institute of History,
archaeology and Ethnography Academy of Sciences of
the Republic of Tajikistan
Tel.: 2 21 20 93

This article deals with the migration of their socio-economic causes and consequences for Tajikistan in the end of the XX – beginning of XXI century. Also, it highlights the process of migration management, Migration Policy of the Government of Tajikistan. Much attention is also paid to the analysis of cultural and social change in the lives of migrants. Highlights the key factors of migration process.

ДИАСПОРА КАЗАХОВ ХАТЛОНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Л. ДОДХУДОЕВА

доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии
Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
Академии наук Республики Таджикистан
ул. Рудаки 33, 734025 Душанбе, Республики Таджикистан
эл. почта lorasdodo@rambler.ru, тел. (+992) 221 37 42

Казахи Южного Таджикистана внесли свой вклад в развитие сельского хозяйства, транспорта, культуры края, способствовали укреплению дружественных связей между таджикским и казахским народами, их активному непосредственному взаимодействию.

Ключевые слова: Таджикистан, Хатлон, Куляб, область, казахи, номады, сельское хозяйство, юрта.

В современной научной литературе достаточно хорошо разработаны проблемы политико-экономических и историко-культурных взаимосвязей Таджикистана и Казахстана в древности, средневековье и современную эпохи. Однако, как правило, модель межкультурных контактов между двумя народами рассматривается в контексте межэтнического, межконфессионального взаимодействия властных структур и интеллектуальных элит общества. Повседневная жизнь представителей социумов редко находит отражение в комплексном исследовании историко-культурного наследия двух народов. Отчасти восполнить этот пробел могут помочь документы Этнографического архива Академии наук Таджикистана, которые свидетельствуют об истории казахов, их миграции и вкладе в экономику, культуру Южного Таджикистана.

Особое значение имеют материалы первой этнографической экспедиции Института истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР (ИИЯЛ ТФАН) в 1948-49 гг. в Кулябскую область (ныне часть Хатлонской области) под руководством выдающегося советского этнолога А.К. Писарчик. Материалы этой экспедиции опубликованы лишь частично, и большая их часть до настоящего времени не введена в научный оборот, остается неизвестной исследователям.¹ Однако сохранившиеся документы и, прежде всего, «Предварительный отчет» экспедиции имеют исключительный научный интерес и важны для этнической идентификации народов не только Таджикистана, но и всей Центральной Азии.

Организованный в 1948г. кабинет этнографии ИИЯЛ сразу приступил к разработке большой темы – «Сплошное этнографическое обследование Таджикистана», материалы которой должны были помочь уточнить границы историко-культурных районов и микро-районов, послужить основанием для составления подробной этнографической карты, а в будущем – и историко-этнографического атласа. Кулябская область, как наименее изученная, стала первым маршрутом таджикских этнографов.²

Эта южная область, расположенная в отрогах Гиссаро-Алая (высота до 4088 м), была образована в Таджикистане Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 октября 1939 г. В ее состав были включены Куляб, который в 1934 г. получил статус города, и такие районы, как Бальджуанский, Дангаринский, Дашти-Джумский, Кангуртский, Кызыл-Мазарский, Колхозабадский, Кулябский, Муминабадский, Пархарский, Сари-Хосорский, Ховалингский и Шуроабадский.

Территория Кулябской долины занимает выгодное географическое положение, а ее речные долины являлись с древних времён основными местами поселения человека. Плодородные почвы, обильно орошаемые многоводными горными реками и их притоками, всегда привлекали сюда оседлое и кочевое население.

Основной вывод, сделанный А.К. Писарчик в «Предварительном отчете», гласит: «Кулябская область представляет «сплошной таджикский массив» при наличии разнообразных этнических групп». Этнические же меньшинства были достаточно разнообразны и включали в себя представителей таких национальностей и племен, как казахи, карлуки, мугулы, хазора, барласы, локайцы, семизы и кесамиры, катаганы, миришкоры, кунграты, сарай, каучины, баташи, белуджи, узбеки, арабы, лархоби, чинаки, обсарина, утабулоки, шомари, афганцы, индусы, татары, русские, украинцы и многие другие.

Наряду со сбором материалов о национальном составе того или иного региона экспедицией фиксировался и этнографический материал, касающийся особенностей жилища, религии, костюма, верований, обрядов, ритуалов и т.п. У казахов, карлуков, хазора, катаганов и ряда других тюркских народов экспедиция зафиксировала деление на роды, у таджиков – наличие *каумов* (объединений жителей по родственным и другим признакам).³

Земледелие в Кулябской области также оставалось в центре внимания этнографов, которые описывали способы обработки земли, типы используемых орудий труда, хозяйственные обычаи и обряды. Оказалось, что здесь преобладали, в основном, богарные,

неполивные земли, зерновые культуры и почти не применялись удобрения. После Октябрьской революции на юге были расширены территории для выращивания хлопка, риса, огородных культур.

Как считала сама А.К. Писарчик, эти сведения при всей их краткости, предоставляют для исследователей, хотя и неоднородную информацию по обследованным группам, но способны служить прекрасным материалом для определенных обобщений и выводов. Можно утверждать, что материалы Кулябской экспедиции 1948-1949гг. – это ценные свидетельства повседневной жизни народов Советского Таджикистана, его микросоциология.

Исследователи зафиксировали сообщения местных жителей о том, что до революции в Кулябской области адаевские казахи жили на территории нынешнего Дангаринского района, в бывшем кишлаке Тошрабат (Тош гузар) Булионского кишлачного Совета. Бавев среди них не было. Они разводили верблюдов и самые богатые из них имели до 20-30 голов этих животных. Основная часть казахского населения собирала и продавала фисташки, выжигала уголь, который сбывался ими в Ховалинге и Бальджуане. Но уже к концу 40-х гг. XXв. кишлак Тошрабат не существовал, поскольку обитавшие здесь казахи покинули свои кочевья. Установить цели и направление их миграции экспедиции не удалось.

Сохранились сведения о казахском населении (1500 человек), которое проживало в Дямликульском и Сарайкамарском туманах Кургантюбинского вилайета Таджикистана. Согласно преданию, они пришли сюда из Мангышлака, который вынуждены были покинуть из-за засухи.⁴

В 1949 г. экспедицией были зарегистрированы казахи в кишлаках Курбанабад, Тугул, Афгон-кишлак, Амир-хал тубек Пархарского района. Согласно зафиксированным материалам, казахское население кишлака Тугул обосновалось здесь в начале XXв. и успело уже несколько «обузбечиться» по языку, но сохранило свои собственные обычаи и быт. Казахи поселений Курбанабад, Афганкишлак и Амир хал тубек пришли в Таджикистан по договору с Таджиктрансом около 1930-31гг. в качестве верблюdochиков из Кенимехского района Узбекской ССР и Кызыл-орды. Сначала они осели в Курган-Тюбе, а потом в Кулябе, где окончательно и обустроили свои хозяйства. Двадцать хозяйств переселились в Южный Таджикистан из Аральска.

Важно, что экспедиция зафиксировала родоплеменную основу казахского массива в Южном Таджикистане. Так, указанные выше казахские поселенцы являлись представителями родов Средней и Малой орды – *чозов*, *чузов*. Они сообщили, что достаточно активно об-

щаются со своими родичами в Кенимехском районе. В колхозе «Сталинабад» Пархарского района проживали казахи Средней орды – *Орта чоз* из Кзыл-орды, Тотманарыка и Чаили. Все они прибыли в Таджикистан в 30-е гг. XXв, как и их сородичи из колхоза «Кзыл Муоджир» Ватанского кишлачного совета. В колхозе им. Ламанова Пархарского района проживали в то время казахи из рода *досок*, мигрировавшие сюда, как и их сородичи, из колхоза «Комсомол», из Кзыл-рабата. В колхозах «Рохи Ленин» и «1мая» проживали и работали казахи рода *альм*, принадлежащие к *Киши джозу*.

По данным экспедиции 1948-1949гг. казахи занимались земледелием, преимущественно хлопководством. Многие из них добросовестно выполняли свои обязательства. Так, казахи из колхоза «Комсомол» приехали по договору с Таджиктрансом сначала в Курган-тюбе, а затем обосновались в Пархаре и начали заниматься хлопководством. Благодаря их усилиям колхоз стал передовым, лучшим в районе.

Проживали казахи в глинобитных домах, в прямоугольных камышевых шалашах, обмазанных глиной, или в камышевых юртах, также обмазанных на зиму глиной. В кишлаке Курбонабад, в котором насчитывалось около 100 хозяйств казахов, в 1948г. сохранились лишь три старые войлочные юрты. Дома отапливались печкой с вмазанным в пол котлом. Печка размещалась у входа в дом, а длинный дымоход в виде неширокой и высокой (около 1,5 м) стенки разделял комнату поперек на две части – жилую и хозяйственную. Члены экспедиции особо отметили, что такая планировка домов была очень удобна. Она нравилась и живущим в одном колхозе с казахами локайцам, которые стремились многое перенять из их быта. Локайцы очень ценили казахские изделия и покупали у казахов юрты и ковровые вещеые мешки – *мафрах* (*мапрамач*).

Как отмечено экспедицией, в 40-х гг. XX в. казахи пекли хлеб на каменных сковородах, а также в котлах или в вырытых в земле очагах типа таджикских *чагдонов*, называемых ими как *тандыр*. Масло они сбивали в деревянной маслобойке – *кобо*, мутовку которой двигали сверху вниз. В Южном Таджикистане, как отмечали исследователи, только казахи носили воду в ведрах на коромысле – *ийнагагач*.

Члены экспедиции описали дом местного учителя-казаха Бектыбаева из Дарган-Аты. Он имел юрту – *кора йу* из куга, *кереге*, которая была привезена им с исторической родины. Сверху она была покрыта *чием* из куга, сделанным уже в Таджикистане. Новых деревянных частей юрты казахи уже не имели и объясняли это обстоятельство тем, что в округе нет мастеров («уста ёк»). В юрте семья

проживала только летом, зимой она переходила в более теплое помещение – там или в камышевый дом, обмазанный глиной – *какра*, который отапливался печью. Тандыром, выкопанным в земле, они не пользовались.⁵

Вопрос миграции казахов из одного района в другой, возможно, был связан с тем, что именно в 40-е гг. XXв. в Кулябской области широкий размах получило добровольное переселение. Только в 1946 г. из числа переселенческих хозяйств внутри области было создано 25 хлопководческих колхозов, что способствовало дальнейшему развитию сельского хозяйства и укреплению экономики этого региона и в целом республики.⁶ Несомненно, что казахское население Южного Таджикистана активно участвовало в этом процессе.

В этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана также хранятся фотографии, подготовленные экспедицией в 1948-1949гг.(фотоколлекция №2). Среди них имеются изображения казахов, их жилища, очагов и ремесленных изделий.

По данным объединения «Таджикистан-Казахстан» Общества дружбы республики в настоящее время в стране проживает 570 человек казахской национальности, на юге республики, в Хатлонской области, которая включает территорию бывшей Кулябской области, их насчитывается 174 человека. Эти цифры свидетельствуют о том, насколько поменялась этническая ситуация в Южном Таджикистане, как в статистическом выражении, так и в этническом плане.

Бесспорно, казахи, проживавшие в советское время в Южном Таджикистане, внесли свой вклад в развитие сельского хозяйства страны, транспорта, культуру, способствовали укреплению дружественных связей между таджикским и казахским народами, их активному, непосредственному взаимодействию.

В этом смысле команда этнографов Таджикистана, участвовавшая в экспедиции 1948-49гг. под руководством А.К. Писарчик собрала важные свидетельства по этнической идентификации таджикского народа и многочисленных национальных меньшинств Кулябской области, в том числе казахов, их историческому опыту взаимодействия. О фундаментальных ценностях межнационального диалога, социальных приоритетах казахов Южного Таджикистана, их культурных традициях, профессиональной специализации, психологии сегодня свидетельствуют неопубликованные результаты исследований, хранящихся в архиве Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Писарчик А. К., Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г// Известия Таджикского филиала Академии наук СССР. – Сталинабад, 1949. – № 15. Писарчик А.К. Кармышева Б.Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области.// Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1953, № 3. Писарчик А. К., Широкова З. А., Музей археологии и этнографии им. М. С Андреева. //Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР. // Сталинабад, 1952, № 2. Додхудоева Л. Полиэтническое общество советского Таджикистана//Центральная Азия. Человек-общество-Государство. – Москва, 2013.
2. Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.)/ подготовка текста к печати Н. Бабаева. – Душанбе, 2002. – С.29.
3. Писарчик А. Предварительный отчет...-С.88-89.
4. Там же. – С.93.
5. Там же. – С.45.
6. Абдурашитов Ф.М. Из истории внутреннего переселения в Таджикистане. Душанбе-2013. – С.40.

KAZAKH DIASPORA OF KHATLON REGION IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

Larisa Dodkhudoeva

Doctor of History, Head of Ethnographic department
A Donish Institute of History, archaeology, ethnography
Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
33 Rudaki av., 734025 Dushanbe, Republic Tajikistan
E-mail: lorasdodo@rambler.ru, phone (+992) 221 37 42

The Kazakhs lived in the Soviet era in Southern Tajikistan, contributed to the development of the country's agriculture, transport, crafts. They have strengthened of friendly relations between the Tajik and Kazakh people, their active, direct mutual interaction.

Key words: Tajikistan, Khanlon, Kulyab, region. Kazakhs, номады, agriculture, yurta

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПУТЕЙ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗОДЧЕСТВА ТАДЖИКИСТАНА

Р.МУКИМОВ

Главный научный сотрудник Института истории,
археологии и этнографии имени Ахмада Дониша
тел.: 907-77-18-02; E-mail: mukimovr@mail.ru

В статье раскрывается современное направление поиска национальных черт в архитектуре Таджикистана, где горный ландшафт наложил отпечаток на определение путей дальнейшего развития таджикской архитектуры. Обращается внимание на понятия, появившиеся в последние десятилетия, такие как регионализм, средовой подход, этноархитектура, ассоциативные восприятия традиций прошлого в сопредельных странах Центральной Азии, в том числе Таджикистане и др.

Ключевые слова: архитектура, градостроительство, ресурсы, архитектурно-художественная деятельность, горный регион, традиция, национальное своеобразие.

Одной из проблем, стоящей перед зодчими Таджикистана в начале XXI столетия, является определение путей дальнейшего развития отечественной архитектуры. Этот процесс в других странах Содружества, в особенности на территории Центральной Азии, начался ещё с середины 80-х годов прошлого столетия, активизировавшись с момента обретения суверенитета бывшими союзными республиками Средней Азии и Казахстана. Гражданская война и преодоление ее последствий заняло почти первое десятилетие независимости Республики Таджикистан. Поэтому в целом здесь поиск собственного развития архитектуры несколько задержался и только с начала нового столетия упрочение мира и согласия дало новый импульс поиску собственных корней, толчок, как научным и творческим исследованиям, так и появлению новых, иногда новаторских, проектных решений, осуществление некоторых из них позволяет дать им предварительную оценку и критически проанализировать характерные черты динамически развивающейся архитектурно-художественной деятельности.

Наиболее яркими приметами времени в архитектуре и градостроительстве Республики Таджикистан стал поиск стилового направления в архитектуре, где ключевое значение приобретает регионализм, чему способствовали современные процессы восста-

новления, которые придали особую актуальность проблеме отождествления региональных признаков архитектуры Таджикистана через обращение к традициям. Исследователи выделяют здесь два основных способа включения региональных традиций в современной архитектуре: формальное использование внешних признаков объектов (орнамент, стрельчатые арки, купола); глубинное осознание композиционно – пространственных закономерностей формо – и средообразования (пространственные приемы защиты от перегрева, ветра, пыли, а также обводнение и озеленение)[1].

В разные периоды развития советской архитектуры было несколько волн интереса к национальному своеобразию архитектур союзных республик. Этот процесс, применительно к опыту республик Средней Азии и Казахстана, наиболее комплексно рассмотрен в указанном труде Ш.Аскарова, который выделяет 5 этапов «ориентализации» в дореволюционной и советской практике проектирования: первый этап (вторая половина XIX-начало XX века) – «узнавание» новых форм первыми русскими архитекторами и инженерами, начавшими работать в Средней Азии после вхождения региона в состав Российской империи; второй этап (1920-е годы) – процесс национального самоопределения республик Средней Азии и зарождение направления, получившего название «национальная архитектура»; третий этап (1930-е – 1950-е годы) – соединение классической архитектуры и местного наследия; четвертый этап (вторая половина XX века) – внедрение методов сборного строительства, интерес к наследию, научные исследования (археология, история архитектуры); пятый, современный этап (с 1990-х до настоящего времени) – распад СССР и обретение республиками Средней Азии и Казахстаном независимости, пересмотр архитектурной эстетики, выявление местной образности[2].

В архитектуре значительных объектов в стиле «национального своеобразия» 1920-х, 1940-1950-х, 1970-1980-х гг. выявлялась связь с наследием путем использования ассоциативных приемов, позволяющих воспринимать здание как бесспорно новое, но не выпадающее из непрерывного ряда целостного исторического развития зодчества. В архитектуре Советского Таджикистана наиболее ярко «национальная» тема проявилась в жилых и общественных зданиях во второй половине 1940-1950-х гг. Из-за малого количества соответствующих памятников в городах, отсутствия архитектурной науки, несистематизированности наследия в Таджикистане первой половины XX века представления о региональном своеобразии архитектуры строились в основном вокруг образа исламской архитектурно-художественной символики (арка, свод, купол, решетка-

панджара и т.п.) и орнаментальных мотивов. Несмотря на последующую критику за перегруженность архитектурными деталями в виде стрельчатых арок, декоративных колонн, накладных орнаментальных элементов, в настоящее время эти здания и сооружения являются частью культурного образа городов Таджикистана (например, Душанбе, Худжанда, Исфары, Канибадама).

1970-1980-е гг. исследователи признают периодом нового осознания региональных особенностей (на тот период декларируемых как национальные), которые особенно ярко проявились в архитектуре крупных общественных зданий в республиках Закавказья и Средней Азии. Однако в большинстве случаев архитектура этих республик развивалась по пути иллюстративного регионализма: основным средством была имитация национальной орнаментики в рисунках железобетонных солнцезащитных решеток на фасадах зданий различного назначения. Несмотря на упрощенность подхода к выявлению национальных (региональных) качеств, архитектура Таджикистана, в частности Душанбе, в то время достигла большого прогресса в выразительности художественного языка, особенно в репрезентативных сооружениях (Дом политического просвещения, гостиницы «Таджикистан», «Октябрьская», цирк, киноконцертный комплекс «Борбад», Дом быта «Садбарг» и др.). Эти объекты стали своеобразным мостом между универсальной для любой страны мира архитектурой (так называемой интернациональной) и региональной таджикской. Не имеющие прямых аналогий с национальной таджикской архитектурой, эти сооружения задали направление творческого поиска для зарождающегося профессионального зодчества республики.

В контексте «средового подхода», получившего широкое распространение в последней четверти XX века, в республиках Средней Азии и Казахстане стали осознаваться недостатки привнесенных европейских приемов планировки, начались поиски самобытных типов пространства с учетом исторического наследия, традиций местного населения.

В Таджикистане, как реакция на обретение республикой суверенитета, в архитектуре общественных, мемориально-культурных зданий 1990-х гг. широко использовались псевдонациональные элементы и формы без глубокого проникновения в суть региональной архитектуры. Наряду с Таджикистаном, поиски региональных концепций пространства и формы в настоящее время происходят и в архитектуре Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана.

В конце 1980-х годов, опираясь на результаты комплексных исследований зарубежных ученых, узбекский зодчий Ш.Аскарлов

впервые на современном уровне поднял вопросы регионального аспекта развития архитектуры применительно к республикам Советской Средней Азии, добавив к уже широко разработанным понятиям национального и интернационального понятие регионального. Расширив понятие региональности за пределы простого копирования форм архитектурного наследия, Ш.Аскарров рассматривал явление регионализации как процесс, в который входит сложение региональных концепций своеобразия архитектуры, развитие морфологии региональных городов, эволюция типологий их пространств и принципы сценарности последних[3].

Большой научно-практический интерес представляет разработанная кыргызским архитектором Д.Омуралиевым методологическая платформа этнокультурного направления (этноархитектуры), синтезирующая ценности исторического наследия кыргызского народа и достижения современной теории архитектуры. В идейно-теоретический базис этноархитектуры Д.Омуралиевым включены философско-культурологические учения; мифорелигиозные, космологические, художественно-эстетические и другие представления этноса, отраженные в национальном языке, народных обрядах, предметах быта; этническая концепция пространств и формы, семантики, художественного образа и т.п.; исторические формообразующие принципы национальной архитектуры, закрепленные в образцах (юрта, кумбез, коргон, кыргыз айыл и т.п.); идея поэтапного возрождения национальной архитектуры на основе научного изучения номадизма и всей истории национальной архитектуры, их творческая интерпретация, синтез достижений концепций «регионализма»; экспериментальные поиски отдельных архитекторов и теоретиков, работающих в этнокультурном направлении и т.д. [4].

В.Л.Воронина, В.Г.Веселовский, М.Х.Мамадназаров, Р.С. Мукимов, С.М.Мамаджанова разработали необходимую для обеспечения региональной концепции научную базу истории архитектуры Таджикистана, выявили закономерности ее развития и формообразования, стилевые характеристики зодчества разных эпох[5].

В исследованиях Г.С.Абдрасиловой на основе анализа эволюции процесса регионализма в архитектуре разных стран и периодов, этапов регионализма в архитектуре Казахстана дано определение региональной архитектуры и градостроительства[6].

Региональная архитектура и градостроительство – это система материальных объектов, обладающая совокупностью устойчивых черт, которые сформировались в результате освоения определенной природно-географической среды, соответствующего ей хозяйственного уклада, исторических условий и народных традиций. Регио-

нальность в архитектуре не ограничивается архаичными формами и методами строительства. Новые материалы и технологии вносят коррективы и диктуют свои условия. Современная архитектура Таджикистана требует новых форм, новой эстетики пространства на основе сохранения достижений предыдущих эпох и осмысления региональных особенностей. Современная архитектура Таджикистана – не изолированное явление: она развивается во взаимодействии с культурами соседних стран, происходит интеграция в мировые процессы, в практику освоения среды внедряются новые архитектурно-градостроительные теории и современные технологии.

Региональные признаки архитектурно-пространственной среды в условиях современного Таджикистана формируются, помимо прочего, в результате согласованного действия факторов, обусловленных профессиональной деятельностью специалистов: градостроительного регулирования среды обитания на принципах устойчивого развития; архитектурного формообразования; научных исследований проблем архитектурного наследия и подготовки специалистов в соответствии с методикой регионального проектирования; учета мнения населения в процессе формирования архитектурно-пространственной среды.

Прежде чем проанализировать конкретную практику проектирования и строительства дадим общий обзор проблемы архитектурно-градостроительной идентичности в соседних странах региона – Центральной Азии. К слову сказать, именно проблемы регионализма вызывают повышенный научный и практический интерес в условиях современной глобализации, обострившей противоречия мира и запустившей механизмы идентификации в разных сферах, в частности, архитектуре, градостроительстве и монументальном искусстве.

Как известно, сопредельные постсоветские страны Центральной Азии в недалеком историческом прошлом составляли в целом единую среду жизнедеятельности родственных народностей и племен – Хорасан, Мавераннахр, Семиречье (Хафтруд) и др. Близкие природно-климатические условия, этнокультурные традиции, историко-культурные события, религиозные воззрения, длительный совместный процесс эволюции выработал определенные близкие черты региональной архитектуры, которые мы видим в древних памятниках региона, а затем и сооружениях советского и постсоветского периодов развития республик бывшего СССР. Поэтому понятно, что архитектурное наследие Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана рассматривалось в контексте общей культуры республик Средней Азии без учета

местных особенностей. Права исследователь казахской архитектуры и градостроительства Г.С.Абдрасилова, говоря о том, что процесс регулирования должен быть сквозным через все уровни среды обитания: регион – город – жилой район – жилой двор. Очень важно при этом, как отмечает Г.С.Абдрасилова, учесть универсальность общих и своеобразие локальных приемов, необходимы также корректировка методики архитектурного проектирования с учетом особенностей региона, общинных взаимоотношений и структуры семьи, изучение и внедрение в практику местных строительных приемов и традиций градостроительства.

Внедрение регионального подхода в архитектуре и градостроительстве возможно с учетом особенностей современного состояния – это недостаточная исследованность региональных признаков архитектуры и градостроительства; исключенность региональных традиций архитектуры и строительства из современной практики; отсутствие научно обоснованного комплекса мер по созданию благоприятной среды обитания на всех таксономических «этажах» (макро-, мезо – и микроуровне); пренебрежение вопросами «философии места», культурными традициями, пространственными предпочтениями местного населения при проектировании объектов архитектуры и градостроительства в регионе; неразработанность вопросов применения местных строительных материалов и т.д. [7].

Говоря о региональных признаках архитектуры, мы опираемся на концепцию регионального проектирования, разработанную в Московском архитектурном институте для подготовки студентов из стран Азии, Африки и Латинской Америки ещё в 70-80-х гг. прошлого столетия. Эта концепция построена на использовании эколого-средового подхода, изучающего жизнедеятельность человека в конкретных условиях региона. Своеобразие архитектуры, культуры и природные особенности регионов отражаются на взаимодействии населения с природной средой и влияют на формирование жилой среды, системы социальных учреждений, на пространственную организацию городских структур и ее отдельных элементов.

Современная архитектура Таджикистана после развала СССР, в условиях независимости, стала обеспечивать преемственное развитие зодчества. Несмотря на сложности переходного периода (1991-1998 гг.), начало XXI века в таджикском государстве ознаменовалось, как и во всем мире, активным развитием не только глобализационных, но и региональных тенденций. Регионализм в архитектуре невозможен без глубины исторической памяти, изучения и возрождения наследия [8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аскарлов Ш.Д. Регион-пространство-город. – М.: Стройиздат, 1988; Мамаджанова С.М. Традиции и современность в архитектуре Таджикистана. – Душанбе: Изд. «Мерос»-«Ирфон», 1993; Абдрасилова Г.С. Тенденции развития региональной архитектуры и градостроительства Казахстана. – Автореф. дисс... доктора архитектуры. – Алматы, 2010. – 48 с.; и др.
2. Аскарлов Ш.Д. Регион-пространство-город, указ. соч.
3. Аскарлов Ш.Д. Регион-пространство-город, указ. соч.
4. Омуралиев Д., Курманалиев К. Современная этноархитектура Кыргызстана (источки, объекты, тенденции). – Бишкек: Изд. «Алабакан-Кеп», 2003. – 1870 с., ил.
5. Воронина В.Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. – М.: Госстройиздат, 1959. – 100 с., ил.; Веселовский В.Г. Архитектура и градостроительство Таджикистана // Архитектура СССР. – 1977. – М. – № 11; Мамадназаров М. Х. Региональные особенности памирского народного жилища // Известия АН Таджикской ССР. Отд. общ. наук. – Душанбе. – 1977. – № 3; Мукимов Р., Мамаджанова С. Зодчество Таджикистана. – Душанбе: Изд. «Маориф», 1990; Мамаджанова С.М. Традиции и современность в архитектуре., указ. соч.; и др.
6. Абдрасилова Г.С. Тенденции развития региональной архитектуры., указ. соч.
7. Абдрасилова Г.С. Традиции формирования архитектурно-пространственной среды в контексте региональных культур // Мировоззренческо-методологические проблемы современной науки и образования: межвузовский сб. науч. трудов КазГАСА. – Алматы, 2000. – С. 68-70; Она же. Региональная архитектура как фактор повышения эффективности пространства // Проблемы архитектуры и строительства в современном мире (образование, наука, производство): материалы международной научно-практической конференции. – Алматы, 2007. – С.3-7.
8. Абдрасилова Г.С. Тенденции развития региональной архитектуры., указ. соч.

**IDENTIFICATION OF WAYS OF FURTHER
DEVELOPMENT OF NATIONAL ARCHITECTURE OF
THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

Mukimov R.S.

Chief researcher of the Institute of history, archaeology
and ethnography named after Ahmad Donish
Tel.: 907-77-18-02; E-mail: mukimovr@mail.ru

The article reveals the current direction of search of national characteristics in architecture of Tajikistan, where the mountainous landscape left an imprint on identifying ways of further development of the Tajik architecture. Attention is paid to the concepts that emerged in recent decades as regionalism, environmental approach, athno-architecture, associative perception of past traditions in the neighboring countries of Central Asia, including Tajikistan, etc.

Keywords: architecture, urban planning, resources, architectural and artistic activity, mountainous region, tradition, national identity.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТАДЖИКСКОЙ МУЗЫКИ

(посвящается 80-летию со дня рождения З.М.Таджиковой)

Б.Т.КАБИЛОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша
Академии наук Республики Таджикистан
Тел.: (+992 37) 221 23 25

Статья посвящена известному ученому-музыковеду З.М. Таджиковой, с именем которой связано становление и развитие музыкальной науки в Таджикистане. В статье приводятся биографические данные, а также освещаются ключевые моменты творческой жизни ученого.

Ключевые слова: З.М.Таджикова, таджикская музыка, музыковед, история, фольклор, культура.

В истории музыкальной культуры Таджикистана есть имена, которые составляют ее гордость. Публикация посвящена человеку, чье имя неразрывно связано со становлением и развитием таджикского советского музыкознания и с которым у автора статьи сохранены в памяти самые светлые, теплые воспоминания. Воспоминания о том незабвенном времени, когда состоялось знакомство и общение с Зоей Михайловной Таджиковой в Институте истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук Таджикистана и когда вместе с ней мы работали несколько лет вплоть до ее отъезда в Нью-Йорк. В годы совместной работы у нас с Зоей Михайловной установился дружеский контакт, несмотря на разницу в возрасте. Общение с ней давало много, как в научном, так и человеческом плане. Зоя Михайловна Таджикова – известный музыковед не только в Таджикистане, но и далеко за его пределами. Диапазон ее исследований широк – от собирания, изучения и расшифровки народной музыки таджиков до современной композиторской.

З.М.Таджикова родилась в г. Сталинабаде Таджикской ССР. Поступив в 1943 году в музыкально-балетную школу она вспоминала позже: «Мне было семь лет, когда я пришла в школу и сказала, что хочу играть на фортепиано. Человек, который меня первым прослушал, был Е.С.Висневский – преподаватель по классу виолончели, приехавший в Таджикистан в 1939 году после окончания Ленинградской консерватории. После прослушивания меня определили в класс фортепиано». С особой теплотой и благодарностью Зоя Михайловна вспоминает и замечательного педагога по специально-

сти Анастасию Васильевну Остроумову, которая заложила прочную основу для формирования ее как будущего музыканта. Инструмента у Таджиковой до седьмого класса не было, и она готовила домашнее задание в музыкальной школе, где всегда ощущала бережное и внимательное отношение к себе. После смерти А.В.Остроумовой Таджикова продолжила обучение у известного музыканта М.С.Муравина, под руководством которого окончила школу. Теоретические предметы вел Л.Я.Левин – главный дирижер Таджикского театра оперы и балета. «Это был большой музыкант, – вспоминала З.М.Таджикова, – он знал блестяще мировую музыкальную литературу, великолепно играл на фортепиано, мог спеть любую оперную партию. Ни один урок по музыкальной литературе в его классе не проходил без слушания и анализа музыки». Конечно, такие уроки не могли не воспитывать в юной ученице любовь к музыке, понимание прекрасного, тем самым способствуя ее духовному обогащению и приобщению к большому и сложному миру искусства.

После окончания семи классов музыкальной школы желающие продолжать обучение автоматически переводились в музыкальное училище. Так, в 1951 году З.М.Таджикова становится студенткой Сталинабадского музыкального училища, обучаясь по двум специальностям: композиции у одного из основоположников таджикской композиторской музыки А.С.Ленского и фортепиано – у М.С.Муравина. После второго курса Таджикова уезжает в Ташкент на двухгодичные подготовительные курсы при консерватории. Успешно пройдя программу за один год, она без экзаменов была принята на первый курс Ташкентской консерватории.

Окончив в 1959 году историко-теоретический факультет Ташкентской консерватории, Зоя Михайловна Таджикова возвращается в Сталинабад, и с этого времени начинается ее активная деятельность в Институте истории Академии наук Таджикской ССР, которую она совмещает с педагогической работой в музыкальном училище, ведя такие предметы, как теория музыки, сольфеджио, анализ музыкальной формы, гармония, музыкальная литература, в том числе и таджикская.

Спустя несколько лет, З.М.Таджикова поступает в аспирантуру Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Под руководством известного музыковеда-фольклориста Ф.А.Рубцова она защищает кандидатскую диссертацию на тему «Песенная культура таджиков (по материалам зеравшанских искусствоведческих экспедиций 1958-1961 годов)». И диссертацию и в дальнейшем все свои научные работы З.М.Таджикова писала на основе материалов,

собранных и расшифрованных ею самой. Помнится, как она умело заправляла ленты в магнитофон и, по нескольку раз прокручивая их, переносила на ноты услышанное. Над любым образцом она работала необычно тщательно, с обостренным чувством ответственности, выверяя каждую ноту, каждый слог, каждый штрих, каждую деталь, что, по сути дела уже не требовало дальнейшей редакции. Таковы ее расшифровки, вошедшие в книги Н.Нурджанова «Театральная и музыкальная жизнь столицы государства Саманидов» (1999г.) и Н.Нурджанова и Б.Кабиловой «Мавриги» (2008г.). Подобный метод скрупулезной работы характерен и для ее научных статей. Работая долгие годы в Институте истории, археологии и этнографии им. А.Дониша, Зоя Михайловна Таджикова практически ежегодно участвовала в искусствоведческих экспедициях в Таджикистане и Узбекистане, собирая материалы по музыкальному фольклору таджиков – сначала под руководством заведующего в то время Отделом истории искусств Института профессора Н.Х.Нурджанова, затем самостоятельно. Весь архив искусствоведческих экспедиций с 1958 по 1990-е годы поныне хранится в Институте истории, являясь уникальным по своему содержанию. Большинство этих материалов легли в основу фундаментальных работ сотрудников Института по музыкальному искусству таджикского народа.

З.М.Таджикова является автором множества статей и исследований по различным вопросам развития таджикской музыкальной культуры, среди которых особо хотелось бы отметить публикации в солидных московских изданиях. Это разделы по таджикской музыке в многотомном коллективном труде «История музыки народов СССР», выпущенном московским издательством «Советский композитор», а также ряд статей – «Свадебные песни таджиков (по материалам зеравшанских экспедиций)», «Становление таджикского музыковедения» в сборнике «История и современность. Проблемы музыкальной культуры народов Узбекистана, Туркмении и Таджикистана», «Песни похоронного обряда таджиков (по материалам Зеравшанских экспедиций)» в сборнике «Проблемы музыкального фольклора народов СССР». В республиканских изданиях нужно отметить такие работы, как «Некоторые особенности таджикской народной музыки», «К вопросу о соотношении метрики стихосложения с метроритмикой напева в таджикских песнях», «Музыкальная культура Таджикистана (1919-1945гг.)», «Музыкальная жизнь Таджикистана (1969–1972гг.)» и многие другие. Зоя Михайловна Таджикова неоднократно участвовала и выступала с докладами на международных симпозиумах, всесоюзных фольк-

лорных конференциях и фестивалях, а являясь членом Союза композиторов Таджикистана – на съездах и пленумах этой творческой организации. Ее яркие выступления в республике и за ее пределами нередко сопровождались демонстрацией таджикского музыкального народно-профессионального искусства. Так, на Самаркандском симпозиуме 1983 года Зоя Михайловна проиллюстрировала свой доклад «О музыкальном искусстве бухарских женщин-созанда» выступлением профессиональных исполнительниц из Бухары, вызвав бурные аплодисменты. В годы работы в Таджикистане З.М.Таджикова успешно совмещала свою научную деятельность с педагогической. Преподавая теоретические дисциплины в Таджикском государственном институте искусств им. М.Турсун-заде, она готовила кадры профессиональных музыковедов. Под ее руководством была защищена кандидатская диссертация С. Худойбердиевым на тему «Функциональные особенности традиционного дутара в музыкальной системе таджиков и узбеков». При этом Зоя Михайловна Таджикова всегда бережно относилась к творческой индивидуальности подопечных, не навязывая им свою точку зрения. З.Т.Таджикова являла собой образец прекрасного пропагандиста таджикской музыки. Выступая с лекциями, докладами перед школьной, студенческой аудиторией, по радио и телевидению, она в доходчивой форме рассказывала как о мировом музыкальном искусстве, так и таджикском национальном. Таджикова всегда живо откликалась на события музыкальной жизни в Таджикистане, отмечая их многочисленными рецензиями.

Находясь вдали от Родины, она и сегодня не перестает интересоваться таджикской музыкальной культурой, охотно помогает своим бывшим коллегам в сборе материалов для «Музыкальной жизни Таджикистана», публикует статьи в еженедельной газете «Бухариан таймс», выходящей в Нью-Йорке.

Это небольшое эссе хотелось бы завершить словами уважения и любви к Зое Михайловне Таджиковой, за ее прекрасные душевные качества и принципиальную позицию в музыкальной науке, а также пожелать ей здоровья, благополучия и многих лет творческой жизни.

RESEARCHER OF TAJIK MUSIC
(devoted to 80th anniversary of Z.M.Tajikova)

Bahriniso Kabilova

Candidate of Historical Sciences, a leader scientific worker Institute of History, Archeology and Ethnography named after A.Donish Academy of Sciences Republic of Tajikistan
Тел.: (+992 37) 221 23 25

Article is devoted to the famous scientist-musicologist Z.M.Tajikova. The formation and development of musical science in Tajikistan is associated with her name. Biographic dates are provided in article, and also the key moments of her creative life.

Keywords: Z.M.Tajikova, Tajik music, musicologist, history, folklore, culture.

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ В КОНЦЕ XX-НАЧАЛЕ XXI вв.

Ф. АБДУРАШИТОВ

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
Академии наук Республики Таджикистан.
Эл.почта: fozil-62@mail.ru, тел: 935 70 02 05

В этой статье обсуждаются вопросы реорганизации колхозов в Таджикистане и их последствия. Также рассматривается процесс создания дехканских хозяйств. Больше внимания уделяется анализу сельскохозяйственного производства в СССР и постсоветского периода.

Аграрный комплекс Таджикистана имеет особое значение в экономике страны. Он относится к числу основных народнохозяйственных комплексов, определяющих условия поддержания жизнедеятельности общества. Значение его не только в обеспечении потребностей людей в продуктах питания, но и в том, что он существенно влияет на занятость населения и эффективность всего национального производства.

Исторический опыт свидетельствует, что колхозы, как унифицированный мощный институт управления сельским хозяйством, генерировал экономику районов. Они имели четкую структуру и методологию организации сельскохозяйственного производства.

Социалистичность колхозов заключалась в том, что была установлена гарантированная оплата труда каждому члену колхоза. Кроме того, применялась дополнительная оплата за качество продукции. Для стимуляции и мотивации труда были внедрены различные формы материального и морального поощрения. Колхозники получали достойную и достаточную пенсию по старости, инвалидности, по случаю потери кормильца, путевки в санатории и дома отдыха за счет средств колхозных фондов социального страхования и обеспечения.

Несмотря на преобладающую роль государства в колхозно-совхозном движении здесь был внедрен основной инструмент института демократии. Ранее высшим органом управления всеми делами колхоза являлось общее собрание его членов (в крупных хозяйствах – собрание уполномоченных). Основу организации управления коллективным хозяйством составляла колхозная демократия. Это означало, что все производственные и социальные вопросы

развития колхоза решали члены этого хозяйства. Общие собрания колхозников проводились, согласно Примерному уставу колхоза, не менее 4 раз в год. Органы управления колхозом и его производственными подразделениями избирались открытым или тайным голосованием.

В целях дальнейшего развития колхозной демократии, коллективного обсуждения наиболее важных вопросов жизни и деятельности колхозов очень большую помощь их руководству оказывали партийные, профсоюзные, комсомольские организации. Не менее важно было и то, что сама общественность колхоза принимала участие в обсуждении и проведении мероприятий по выполнению плановых заданий, улучшению условий труда и быта всех его тружеников.

В 30-е годы в Таджикистане была осуществлена сплошная коллективизация. Основной формой коллективного хозяйства стала сельскохозяйственная артель (колхоз). Ее преимущество было в том, что: а) в ней были обобществлены основные средства производства – земля, рабочий и продуктивный скот, машины, инвентарь, хозяйственные постройки; б) правильно сочетались общественные и личные интересы членов артели; в) колхозникам принадлежали жилые постройки, часть продуктивного скота и т. д., в пользовании членов сельхозартели находились небольшие приусадебные участки. Эти основные положения были отражены в Примерном уставе сельскохозяйственной артели, принятом, Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников (1935г.).

Колхозы в Таджикистане были созданы в труднейших условиях гражданской войны, борьбы против басмачества и установления советской власти. В результате почти десяти лет сложнейшей борьбы Советской власти удалось объединить крестьян в колхозы. Если вначале, в 1932г., было организовано 2,1 тыс. колхозов, то к 1937г. их количество достигло до 4.0 тыс. А по охвату посевных площадей она составила в 1932 г. 65%, а в 1937 г. – 98%. Из общего количества колхозов 3846 в 1938 г. – 2553 были ТОЗы[1] (Товарищества по обработке земли). Уже к 1940 г. в Таджикской ССР колхозное строительство было завершено.

Особое место в жизнедеятельности колхозов занимали машинотракторные станции (МТС). Они были унифицированными предприятиями.

В 1937г. в республике насчитывалось 45 МТС, технический парк которых состоял из 3217 тракторов, 759 хлопкосеялок, 49 зерновых сеялок и 386 грузовых автомашин [2].

Доминирующая роль в аграрном секторе Таджикистана была от-

ведена хлопководству, особенно тонковолокнистому сорту этого сырья. Это исходило из аграрной стратегии молодой советской страны, приоритетной задачей которой было достижение хлопковой независимости от других стран.

Несмотря на амбициозность проекта «хлопковой независимости» СССР медленно, но уверенно шел к ней. Еще в 1937г. план хлопкопроизводства был выполнен на 105%. В Таджикистане тогда было засеяно под хлопчатник на 106,1 тыс. га, а было собрано 172,4 тыс. тонн хлопка[3].

Уже в начале постсталинского периода, несмотря на значительные достижения колхозов и совхозов, были попытки их ликвидации. В масштабе СССР только за 1954-1959 гг. количество колхозных дворов сократилось более чем на I млн.[4]. Интенсивно шла ликвидация «неперспективных» сёл и в Таджикистане. Так, за 1956-1964 гг. было переселено население 850 малочисленных горных кишлаков в долины. В результате было ликвидировано около 175 колхозов[5]. Даже реорганизация малых горных колхозов, в конечном счете, привела к падению темпов роста сельскохозяйственного производства, резкому обострению зерновой проблемы, снижению продуктивности скота, ухудшению продовольственного снабжения и т. д.

С развитием ирригационного строительства и освоением новых земель расширились и площади под хлопчатник. Это способствовало увеличению производства хлопка-сырца. Так, в 1961г. в республике было собрано 483,6 тыс.т. хлопка – сырца, а в 1980 г этот показатель достиг до 1млн. тонн. Если в 1961г. урожайность составила 23,7 центнера с каждого гектара, то в 1985г. – 30 [6].

Сопоставляя продовольственные рынки городов и тех же аграрных районов 80-х и нынешних годов, никто не отрицает, что колхозная система была наиболее гарантированной формой аграрного производства и обеспечения продовольственной безопасности. В 70-80-е годы почти во всех колхозах специалисты аграрного сектора имели высшее образование. Престижными были профессии сельского агронома, зоотехника, бухгалтера, экономиста, инженера, комбайнера, тракториста, даже поливальщика и простого колхозника. Республика не ввозила сельхозпродукты, а экспортировала их. Колхозы сами производили пшеницу, мясо, молоко, овощи и фрукты, корма для животных. Полностью обеспечивая себя овощами и фруктами, Таджикистан вывозил их за пределы республики.

В начале 90-х годов XX в. в Таджикистане была начата аграрная реформа. Основу преобразований составила земельно-водная реформа. Это привело к появлению новых сельскохозяйственных,

экономических, производственных субъектов. Одним из важных направлений аграрной реформы является создание правового механизма регулирования деятельности сельскохозяйственных организаций и эффективной защиты их экономических интересов. Законодательная регламентация рыночных отношений в сельском хозяйстве осуществляется с учетом специфики аграрного сектора экономики, и в первую очередь отношений, связанных с использованием земли.

В конце XX – начале XXI вв. в сфере земельных правоотношений в Республике Таджикистан были приняты ряд законодательных актов. Среди них Закон Республики Таджикистан «О земельной реформе» от 21 июля 1994г., Земельный Кодекс Республики Таджикистан от 12 декабря 1997 г., с последними дополнениями и изменениями от 18 июня 2008 г. и Закон Республики Таджикистан «О дехканских (фермерских) хозяйствах» от 19 мая 2009 г. Другим важным нормативно-правовым актом концептуального регулирования землепользования является Постановление Правительства Республики Таджикистан «Об утверждении Концепции использования земель в Республике Таджикистан» от 31 августа 2004 года №349. Данное постановление определяет государственную стратегию использования земельных ресурсов на период перехода аграрного сектора к рыночным отношениям в период земельной реформы.

В 1991 г. на волне демократии возникла тенденция к дезинтеграции. Из существовавших около двести колхозов и совхозов было образовано пятьдесят шесть тысяч мелких фермерских хозяйств. Не существовавшее ранее в рамках государственно-планового народного хозяйства фермерское движение слишком быстро привело к развалу и аграрного, и индустриального секторов.

Что касается конкретных показателей преобразований в аграрном секторе, они не дали ожидаемых результатов. В течение нескольких лет сохранился низкий спад производства. Снижение сельскохозяйственного производства было отмечено в 1996г., а для производства хлопка-сырца в 1999г. С 1997г. началось постепенное увеличение производства сельхозпродукции. Так, прирост объема продукции в 1997г. составлял – 3,6%, в 1998г. – 6,5, в 1999г. – 20, в 2000г. – 3,8 и в 2001г. – 4,9%. Эффективность реформ наблюдалось в негосударственном секторе, где повысилась доля объема произведенной продукции, составил до 70%.¹ Однако, по материалам статсборника, годом наибольшего спада в сельском

¹ Соибназарова С. Развитие разнообразных форм собственности в сельском хозяйстве Таджикистана. – С.56;

хозяйстве является 1995-й, с 1996 г. начинается рост объема продукции по сравнению с 1995 г. на 2%¹.

Таджикистан располагает ограниченными земельными ресурсами, но даже и это крошечное национальное богатство страны используется крайне неэффективно. Заменявшие колхозы и совхозы дехканско-фермерские хозяйства все еще находятся в стадии становления. Форсирование земельно-водной реформы оказалось порою контрпродуктивным: тысячи гектаров земли пустуют, часть из них выведены из хозяйственного оборота, другая часть деградирована.

Особенно непредсказуемым оказалось положение в хлопководстве. Сегодня эта отрасль, ранее доминировавшая для Таджикистана источником доходов, приносит одни убытки из-за крайне низкой урожайности и плохого качества хлопко-волокна. Таджикистан уже перестал быть базой тонковолокнистого хлопка. Более того, многие созданные, вместо реорганизованных колхозов дехканско-фермерские хозяйства имеют огромные долги перед фьючерскими компаниями, которые после реформирования системы управления взяли финансировать производство хлопка.

С ликвидацией колхозов аграрный сектор потерял свою институциональность. Бесхозными осталась вся инфраструктура села, которая находилась на балансе колхозов. Это социальные и водохозяйственные объекты, и парк техники и др. Землю получал каждый желающий, без необходимых знаний и опыта. В результате на продовольственных рынках стали дефицитными дыни и арбузы Вахшской долины, раштские яблоки, джиргатальская картошка и многое другое. Вместо них рынки городов республики заполнили сельхозпродукты из Китая, Пакистана и других стран.

Если до начала ликвидации колхозов в 1990г. пахотные земли в Таджикистане составляли 914 тыс. га, то после реорганизации в 2003г. их стало 822, 6 тыс.га. А к октябрю 2006 г. посевная площадь Таджикистана сократилась до «рекордного» показателя – 800 тыс. га [7]. Это стало результатом реорганизации, деколхозизации сельского хозяйства республики.

Тем не менее, земельная реформа была продолжена полным ходом. В 2003 году вместо 350 колхозов и совхозов появились тысячи мелких дехканских хозяйств [8]. В 2006 г. количество вновь созданных дехканских хозяйств достигло 29 тысяч [9].

Сельское хозяйство всегда играло важную роль в экономике Та-

¹ Сельское хозяйство Республики Таджикистан в цифрах. Госкомстат РТ. – Душанбе, 2003. – С.3.

джикистана. От его состояния зависели, зависят и будут зависеть возможности повышения благосостояния народа и обеспечение продовольственной безопасности республики. Решение проблемы устойчивости сельского хозяйства имеет свои особенности. Дело в том, что для этой отрасли характерна неустойчивая и соответственно сравнительно низкая доходность производства. Это касается, прежде всего, земледелия, что связано даже сегодня, в техническом и технологически развитом XXI веке, от погодных условий. С другой стороны, повышение устойчивости сельского хозяйства положительно сказывается и на развитии перерабатывающих отраслей промышленности, работающих на сельскохозяйственном сырье, обеспечивая тем самым устойчивость и эффективность всего аграрно-промышленного комплекса республики.

В этой связи исчезновение целой системы, имеющей материально-техническую базу, научную методологию и модернизированную структуру, весьма трагично. С ликвидацией колхозов вся инфраструктура сельского хозяйства в Таджикистане было почти полностью разрушена. Была уничтожена целая сеть объектов жизнеобеспечения сельского хозяйства. Сотни тысяч жителей села остались без работы. Бесперспективная сельская молодежь вынуждена была выбрать трудовую миграцию. Была парализована структура народного хозяйства. Исчез самый народный и демократичный институт управления сельскохозяйственным производством.

Что касается перспективы дехканско-фермерского хозяйства, то как показывает уже четвертьвековая история в условиях малоземельного Таджикистана, оно здесь малоперспективно или почти бесперспективно. Индивидуальные и семейные дехканские (фермерские) хозяйства могут оправдать себя только в горных и предгорных районах страны со специфичным в этих зонах сельскохозяйственным производством без интенсивного использования техники и ограниченности системы орошения. С начала 90-х годов XX в. укрупнение сельского хозяйства постепенно превращается в мировую тенденцию ассоциированного землепользования. Так, к 1992 г. во Франции число крестьян и фермеров за счет укрупнения сократилось в 2,5 раза[10]. На родине фермерского движения – в США, где в 1959 г. число фермеров составляло 4,1 млн., в 1985г. оно уменьшилось до 2370 тыс. Если в Австралии в 50-е годы прошлого столетия было 210 тыс. фермеров, то в начале 80-х годов их число уменьшилось до 173 тыс.[11]

Кстати, аналоги колхозов в самых аграрно развитых странах – Израиле, Китае – в XXI веке не только сохранились, но и тенденционно доминируют в их экономике. Так, кибуцы (аналоги колхо-

зов в Израиле), продолжали увеличиваться за счет молодежной алии (контингента) из Европы и Америки, а также притока городских уроженцев страны. Благодаря этой кооперации аграрное производство Израиля ныне является одним из ведущих. А «народные коммуны» Китая дали возможность обеспечению «большого скачка» этой крупнейшей экономической державы.

«*Восточный больной*», как называли долгое время Китай в Европе, очень быстро поднимался на ноги. В период с 1954 по 1957-й гг. рост производства здесь составлял 12% в год[12]. К этому Китай пришел в начале века. Теперь он на мировом рынке товаров вне всякой конкуренции.

В Таджикистане остро стоит проблема реанимации колхозов и совхозов. Еще при Советской власти, здесь все поля были засажены, засеяны. Практически не было пустующих земель, более того не было и безработных на селе. Сегодня десятки тысяч жителей аграрных районов, имеющие колоссальный опыт по садоводству, виноградарству и овощеводству находятся в трудовой миграции, тогда как многие тысячи гектаров плодородных земель Вахшской, Бешкентской, Дангаринской долин, Дильверзина, Ашта пустуют из-за нехватки трудовых ресурсов. И исторический опыт колхозного производства в Таджикистане, который был накоплен в советский период в области пропорционального размещения трудовых ресурсов, мог бы способствовать развитию сельскохозяйственного производства, обеспечению продовольственной безопасности республики.

Сегодня, как никогда, в Таджикистане с ее очень ограниченным земельным фондом и демографическим ростом, более целесообразно было бы использовать исторический опыт кооперации таджикского народа, возродить систему колхозно-совхозного производства. Это важно также для сохранения преемственности в условиях переходного периода суверенного государства. На базе тех же колхозов и совхозов можно создать Ассоциации дехканских хозяйств или сельскохозяйственных кооперативов. А индивидуальные и семейные дехканские хозяйства можно было бы оставить в некоторых пилотных районах, где имеются для того благополучные условия. Именно усилиями колхозов и совхозов в Таджикистане были освоены сотни тысяч гектаров пустующих земель. И именно в колхозах и совхозах трудились миллионы сельских тружеников, обеспечивая практически население, как села так и города,

Таким образом, можно сделать выводы, что аграрная реформа в Таджикистане обусловленная, в основном, реорганизацией сельскохозяйственных предприятий, пока не полностью соответствует

целям и задачам стратегии по обеспечению продовольственной безопасности и сокращению уровня бедности. Несмотря на малоэффективность преобразований в аграрном секторе, раздробление хозяйств идет полным ходом. Таково одно из условий земельной реформы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История таджикского народа. – Душанбе, 2011, т-5, с. 564-568.
2. Там же, с.571.
3. Там же, с.572.
4. Конференция ученых-аграрников// Вопросы истории КПСС, 1968, № 9, с.52.
5. Там же.
6. Подсчеты сделаны автором на основе материалов архива МСХ Таджикской ССР. ФД, оп 2, д.126, 134, 143, л.14-110, I – 79, 73-85.
7. Социально-экономическое развитие Таджикистана.
8. История таджикского народа. – Душанбе, 2011, т.6, с.521.
9. Там же, с.518.
10. Там же, с.518.
11. Известия. 1992, 27 апреля.
12. Вестник статистики. 1991.№6. С.45.

AGRARIAN REFORMS IN TAJIKISTAN AT THE END OF TWENTY AND BEGINNING OF TWENTY-FIRST CENTURE

Fozil Abdurashitov

Doctor of history, Chief researcher A.Donish Institute of History,
archaeology and Ethnography Academy of Sciences of
the Republic of Tajikistan
Tel.: 93 570 02 05

This article discusses the issues of reorganization of collective farms in Tajikistan and their consequences. Also covers the process of creating dehkan farms. More attention is paid to the analysis of agricultural production in the Soviet and post-Soviet periods.

Keywords: agrarian reforms, Tajikistan, private farms, collective farms and state farms.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЛИЧНЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ ЦГА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Д.МИРСАИДОВА

кандидат исторических наук, начальник Главного архивного
Управления при Правительстве Республики Таджикистан

М.ТАБАРОВА

аспирантка Института истории, археологии и этнографии
им. А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан

В годы независимости Республики Таджикистан государством уделяется большое внимание развитию архивного дела, в частности собранию, созданию и экспертизе ценных документов личного происхождения. Так, в настоящее время собрано 438 фондов личного происхождения и 6 фондов коллекций, которые включают материалы участников гражданской войны и борьбы с басмачеством в Таджикистане, заслуженных учителей школ, героев десятой пятилетки, участников Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: фондообразователь, архив личных фондов, ЦОЭПМК-экспертно-проверочная комиссия.

С обретением суверенитета Республикой Таджикистан государством уделяется большое внимание вопросам сохранения и приумножения документального наследия современной истории и пополнения Национального архивного фонда.

Государственные архивы ведут большую работу по сбору документов личного происхождения, являющихся ценными историческими источниками.

Архивным фондом личного происхождения называют архивный фонд, состоящий из документов отдельного лица, семьи или рода. Архивные фонды личного происхождения делятся на личные, семейные и родовые. Личный фонд состоит из документальных материалов, появляющихся в результате жизни и деятельности отдельного лица.

Отдел комплектования личных фондов был организован в Центральном государственном архиве Республики Таджикистан в 1975 году под руководством начальника Главного архивного Управления при Совете Министров республики А.К.Кахарова

Большой вклад в сборе и созданию личных фондов внесла

М.М.Базарбаева – заведующая отделом по комплектованию личных фондов Центрального государственного архива Таджикской ССР.

Основной задачей отдела комплектования Центрального государственного архива республики являлось создание государственных архивов видных общественных деятелей, участников Великой Отечественной войны, работников литературы и искусства, ученых, врачей, педагогов, передовиков и новаторов производства и т.д.

Процесс научно-технической обработки состоит из нескольких этапов. Обработка и экспертиза ценности документов личного происхождения – процесс сложный и требует дифференцированного подхода. Это означает применение различной степени систематизации и описания материалов в зависимости от научной и практической ценности документальных материалов фонда, независимо от значения фондообразователя.

В проведении экспертизы каждой группы документов, составляющих личный фонд, а именно научных трудов и материалов, отражающих общественную и научную деятельность фондообразователя, его переписок, а также трудов других лиц попавших в состав данного фонда имеются свои трудности и особенности.

В процессе подготовке к работе с владельцами личных архивов сотруднику Госархива необходимо:

- изучить сведения о фондообразователе, его биографию и этапы творчества, установить принадлежность его личного архива к профилю государственного архива;

- установить: имеются ли в государственном архиве документы данного фондообразователя;

- установить: хранятся ли документы данного фондообразователя в других государственных хранилищах;

- уточнить, кто является владельцем документов личного архива данного фондообразователя, установить точный адрес, телефон, родственные (или иные) связи к фондообразователю, если владельцем архива является не сам фондообразователь.

В процессе переговоров сотрудник Госархива должен ознакомиться с составом и содержанием документов личного архива, разъяснить фондообразователю или владельцу документов порядок приёма документов на государственное хранение и уточнить условия, на которых фондообразователь или владелец документов намерен их передать на государственное хранение.

Документы личного происхождения поступают от граждан в государственные архивы безвозмездно.

При приеме документов личного происхождения, которые, как правило, поступают в государственный архив в неупорядоченном состоянии, владельцу документов выдается расписка, где фиксируется от кого получены документы и в каком объеме.

В процессе первичной разборки документов личного происхождения проводится их систематизация. Внутри разделов документы объединяются в группы по номинальному, тематическому и другим признакам их классификации.

При первичной разборке документы, явно не представляющие научной ценности, чистые анкеты, дублетные экземпляры возвращаются владельцу архива.

Материалы к биографии фондообразователя при небольшом количестве (до 20-30) могут быть объединены в одну группу, при большом количестве их можно разбить на несколько групп.

Рукописи художественных произведений систематизируются в группы по жанрам, а внутри группы каждое произведение вкладывается в отдельную обложку. Большая по объему рукопись и варианты к ней составляют отдельную группу.

Письма и телеграммы фондообразователя и к фондообразователю объединяются в группы в зависимости от значимости корреспондента или адресата.

Сдаточная опись заканчивается итоговой записью, в которой цифрами и прописью проставляется количество документов, указываются должность и фамилия сотрудника их принявшего и дата составления описи.

После экспертизы ценности и научно-технической обработки документов фондообразователя создается опись дел постоянного срока хранения, которая передается на рассмотрение комиссии ЦОЭПК Главного архивного Управления. После утверждения описи дел фонда личного происхождения на ЦОЭПК Главного архивного Управления документы передаются на постоянное государственное хранение в Центральный государственный архив Республики Таджикистан.

Вначале опись фонда личного происхождения рассматривается на ЦОЭПК Главного архивного управления и после его одобрения составляется 3 экземпляра описи дел постоянного срока хранения, один экземпляр описи передается владельцу документов, два экземпляра описи остаются в государственном архиве для дальнейшего использования.

Вместе с документами фонда личного происхождения передает-

ся дело фонда, включающее переписку с владельцем его заявления о приеме документов на хранение, опись, описания документов, а также 3 экземпляра описи фонда, если она составлялась.

Документы личного происхождения, хранящиеся в Госархиве, используются с соблюдением норм авторского права и условий, на которых они переданы владельцем. Документы личного происхождения выдаются исследователям только с разрешения лица передавшего их в архив(4).

Выявление и сбор документов личного происхождения – одна из важных сторон работы по комплектованию госархивов. От её правильной организации зависит сохранения для истории ценных материалов лиц, внёсших определенный вклад в развитие республики. Насколько разнообразны личные фонды, можно судить по собранным фондам: это партийные и государственные деятели, депутаты Верховных Советов СССР и Таджикской ССР, Заслуженные деятели науки и культуры, участники Великой Отечественной войны, академики, профессора, доктора и кандидаты наук.

Фонды личного происхождения подразделяются на личные, семейные и родовые. В состав фондов личного происхождения входят личные документы фондообразователя, материалы научной, творческой, служебной и общественной деятельности, фотографии и другие документы. Государственные архивы Республики Таджикистан ежегодно пополняются фондами личного происхождения. Личные фонды Центрального государственного архива Республики Таджикистан разнообразны и многопрофильны.

В ЦГА РТ хранятся фонды государственных деятелей республики, ветеранов войны и труда, участников борьбы за установление советской власти в республике, участников Великой Отечественной войны, известных писателей, заслуженных врачей, композиторов, художников, артистов, известных ученых и др.

В личных фондах Центрального государственного архива республики находятся документы видного государственного и партийного деятеля, кавалера ордена Ленина Миновара Шагадаева, Народного героя Таджикистана, борца за становления Советской власти в республике Мукума Султанова, Героя Советского Союза А.С. Гордеева, дважды Героя Социалистического Труда Саидходжи Урунходжаева, знатной прядильщицы Саиды Ахадовой, Народной артистки СССР Туфы Фазыловой, Народных артисток Таджикской ССР Хайриннисо Назаровой, Азизы Азимовой, Гулчеры Бакаевой, композитора Шарофиддина Сайфитдинова, Заслуженного деятеля

искусств Таджикской ССР, художника В.М. Боборыкина и др. (1).

Состав документов личного происхождения характерен типовым и видовым многообразием.

В Центральном государственном архиве Республики Таджикистан с 1975 года до сегодняшнего дня собраны и созданы 438 фондов личного происхождения(2). Кроме того, в Центральном государственном архиве Республики Таджикистан созданы 6 фонд – коллекций. Это:

1. Участники гражданской войны и борьбы с басмачеством в Таджикистане;
2. Заслуженные учителя школы Таджикской ССР;
3. Герои десятой пятилетки;
4. Учителя – борцы за организацию народного образования в Таджикистане;
5. Воины-интернационалисты;
6. Участники Великой Отечественной войны;

Материалы личного происхождения могут составлять коллекции, которые приравниваются к фондам личного происхождения. Фонд-коллекция – это совокупность материалов, относящихся по своему происхождению к разным фондам и объединенных по тематическому, хронологическому или другой деятельности (3).

Материалы личного происхождения, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Таджикистан широко используются в научных и агитационных целях при написании статей, организации фотовыставок, радио и телепередач.

В то же время архивные учреждения заинтересованы только в тех личных архивах, в которых имеются ценные документы.

Материалы, поступившие в Госархив, проходят научно-техническую обработку. Этой работой, как правило, занимается сотрудник, который поддерживал связь с фондообразователем. Обработка материалов производится в соответствии с правилами по научно-технической обработке документальных материалов.

Работа по выявлению и сбору материалов ведется различными способами. Сотрудники Госархива встречаются с интересующими их людьми, беседуют, рассказывают о важности использования документов, которыми располагают владельцы и предлагают сдать их на хранение в архив.

Порой фондодержатель без особого желания передает в Госархив интересные документы, оставляя у себя более важные. Поэтому проводится необходимая работа, в результате которой фондодер-

жатель осознает, что сохранность материалов в архиве более обеспечена.

Некоторый опыт по сбору материалов личного происхождения в Центральном государственном архиве Республики Таджикистан позволяет сделать вывод, что вопросам фондирования документальных материалов личного происхождения необходимо уделять серьезное внимание. Концентрация в Госархиве документальных материалов личного происхождения является важным и ответственным участком работы архивных учреждений.

Собранные документы личного происхождения не должны лежать мертвым грузом в Госархиве. О новых и интересных поступлениях необходимо рассказывать на страницах местных газет, по радио, телевидению.

Пока проделана только некоторая часть работы по комплектованию архива документами личного происхождения, и многие заслуженные деятели культуры и науки, видные люди республики, имея свои личные архивы, не сдают их на государственное хранение в архивы республики.

Государственные архивы республики должны пополняться не только документами министерств, ведомств и государственных организаций, но и фондами личного происхождения граждан, которые внесли свой определенный вклад в дело развития нашего государства.

Центральному государственному архиву Республики Таджикистан и другим госархивам республики предстоит наладить и восстановить связи с архивистами стран СНГ и зарубежья для дальнейшего сотрудничества в области архивного дела, в том числе по вопросам создания фондов личного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственные архивы Таджикской ССР. Душанбе, 1982 г, с.12.
2. Путеводитель по личным фондам ЦГА РТ постоянного срока хранения. 1999.
3. Инструкция по научно-технической обработке документов, материальных фондов личного происхождения. Москва, 1958. – С. 10.
4. Основные правила работы ведомственных архивов. Москва, 1986. –С.93.

THE HISTORY OF FOUNDATION OF OWN ARCHIVE FUNDS IN REPUBLIC OF TAJIKISTAN

D.Mirsaidova

Candidate of history sciences
, Chief Head of the Central Archives Department

M. Tabarova

Aspirant of Institute of History. archeology and ethnography
Academy of Sciences Republic of Tajikistan

In the Years of Independence Tajikistan pay a great attention to development of archive work as well as collection, creation and expertise of rear documents of own appearance. Till now has collected more than 438 funds of own appearance and 6 funds the participants of civil war in Tajikistan, Honored teachers, Heroes of 10th five year plane, participants of Great Patriotic War.

Keywords: fundercreator, archieve of own funds, expertise-testing comission.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ РЕСТАВРАЦИИ

САЙЁРА МУКИМОВА

доктор архитектуры, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук РТ.

Адрес: г.Душанбе, пр.Рудаки, 33.Телефон: 2213742.

В статье рассматривается процесс формирования теоретических концепций реставрации. Реставрация есть укрепление памятника архитектуры и восстановление его исторического и художественного значения, т.е. общей целью всякой реставрации становится выявление и утверждение культурно-исторической роли и значения зданий-памятников.

Ключевые слова: архитектурные сооружения; реставрация; памятник архитектуры; реконструкция.

В истории архитектурного творчества на территории распространения таджикского народа с эпохи древности до времени установления советской государственности общей теории формирования теоретических концепций реставрации, охраны и использования архитектурных сооружений прошлого не было. Оставшиеся от предыдущей эпохи архитектурные сооружения применялись по назначению или под новые функции без каких-либо оценок их художественно-эстетических достоинств (например, храмы буддийские могли использоваться при частичной или капитальной перестройке под нужды храмов другой религии, в частности, храмов огня или храмов, посвященных греческим богам и т.д.). При смене государственного строя часто официальные дворцовые здания, храмы, крепости грабились и разрушались. Однако по давним традициям на фундаментах разрушенных зданий и сооружений вновь появлялись постройки, которые служили новым социальным, идеологическим или политическим потребностям очередной властвующей династии. Так было после прихода на среднеазиатские земли арабов, которые, следуя догмам ислама, разрушали храмы других религий или в лучшем случае после незначительных перестроек приспособляли их под свои нужды. Так, храм идолов Бунджиката в VIII-IX вв. путем устройства приставного глиняного михраба на западной стене была превращена в мечеть.

Монголы редко использовали захваченные здания и сооружения под свои нужды. Так было и при Тимуре, который во время походов за пределами своего государства просто грабил и разрушал

здания, а непокорившихся жителей уничтожал (кроме ремесленников, мастеровых, ученых и т.п., которых он вывозил в центральные города Мавераннахра и Хорасана).

Отношение к архитектурным сооружениям не было оценкой их как памятников архитектуры, т.е. как носителей специфической ценности, свидетелей культуры и искусства прошлого. Это в определенной мере связано с тем, что культуре ранних периодов, включая античность, в целом не было свойственно ощущение историчности, поступательного общественного развития, а историзм мировоззрения средневековья был весьма специфичен и ограничен областью эсхатологии, т.е. учения о развитии мира в чисто религиозном понимании от сотворения человека и его грехопадения до ожидаемого конца света.

Иногда ради композиционного единства мастера подвергали изменениям сохраняемые части старого здания. Так было, например, с Кой-крылган-кала на территории Хорезма (IV-III вв.), который за весь период существования несколько раз перестраивался и менял своё назначение (династический храм хорезмийских царей, памятник астрального культа, обсерватория, казнохранилище) [1]. Но чаще всего обветшавшее здание попросту ломали и возводили на его месте новое (например, крепость Калаи Боло в нынешнем Исфаринском районе Согдийской области Таджикистана, которую несколько раз разбирали и заново строили на старых фундаментах, начиная с раннего средневековья и до XIX века) [2]. Уже в позднеантичный период в римской империи элементы убранства, скульптурные горельефы переносили с одного сооружения на другое. Так же поступали мастера раннего средневековья в Средней Азии, используя детали античных зданий при строительстве новых зданий или модифицируя, например, доисламские храмы под мечети или иные здания исламского культа.

С XV в. в сферу интересов гуманистов входят скульптура и архитектура. Классические ордерные формы на несколько столетий становятся основным художественным языком европейского зодчества. Поэтому естественно, что античные здания или их части, уцелевшие к этому времени, становятся объектом изучения. Не только в XV в., но вплоть до XVII столетия в широких масштабах происходит уничтожение античных построек. Один из наиболее ярких примеров – использование знаменитого амфитеатра Флавиус Колизея в качестве каменоломни при строительстве многих сооружений Рима, в том числе палаццо Венеция, палаццо Канцеллерия, собора Петра. Разрушение Колизея было окончательно приостановлено лишь в XVIII столетии.

Сведений о работах по поддержанию античных построек в XV-XVII вв. имеется немного. Это не всегда было продиктовано заботой о сохранении зданий как образца древней архитектуры. Очень характерна история Пантеона [3]. Так, в середине XVI в. подновлялись его древние бронзовые двери. Наиболее значительные работы по восстановлению Пантеона были предприняты в XVII в. И заказчики – папы Урбан VIII Барберини и Александр VII Киджи и руководивший работами Бернини прекрасно осознавали, что имеют дело с одним из наиболее прославленных сооружений Древнего Рима. Часть поврежденных капителей портика была заменена новыми, повторяющими форму старых, но украшенными эмблемами фамилий Барберини и Киджи. Тогда же по повелению Урбана VIII с портика были сняты бронзовые балки. Вместо разобранной романской колокольни Бернини возвел над портиком две небольшие башенки. Даже столетием позже, в 1747 г., архитектор Паоло Поззи, проводивший замену обветшавшей мраморной облицовки внутри Пантеона, не поколебался придать ей совершенно новый рисунок, не имеющий ничего общего с древним [4].

Решительная перемена отношения к архитектурным сооружениям античности произошла в XVIII в. Отныне произведения древнего искусства и архитектуры воспринимаются как объекты, имеющие не только эстетический, но и познавательный интерес, обладающие своего рода самодовлеющей исторической ценностью. Новое отношение к архитектуре античности реализовалось, прежде всего, в проведении планомерных исследований. В 1738 г. были начаты раскопки засыпанного в 79 г. при извержении Везувия античного города Геркуланума, в 1748 г. – погибших тогда же Помпей. Раскопки вначале были предприняты с целью поисков отдельных произведений искусства, в порядке своего рода кладоискательства, но впоследствии приобрели систематический и научный характер.

Огромная роль в изучении античного искусства принадлежит Иоганну Иоахиму Винкельману. Он впервые подошел к этому как историк, впервые связал развитие искусства с развитием общества. Итогом его многолетних изысканий была вышедшая в 1764 г. «История искусства древности» – первый в европейской литературе труд по истории искусства.

В XVIII в. впервые возникает четкое представление о необходимости сохранения памятников архитектуры. Изменение отношения к древним сооружениям способствует появлению первых реставраций как специфический вид деятельности. Характерно, что объектом реставрации становятся и античные руины.

Наиболее заметное место среди первых реставраторов занимает Джузеппе Валадье [5]. Им была выполнена реставрация арки Тита в Риме (1821 г.), во многом предвосхитившая приемы реставрации более позднего времени. Значительная часть арки Тита была уничтожена. Валадье разобрал поздние кладки, выявив все остатки античного периода, по которым ему удалось реконструировать первоначальный вид памятника. Эту реконструкцию он воплотил в натуре, для выделения подлинных частей постройки все новые включения были обозначены двумя способами. Во-первых, они выполнены не из мрамора, а из травертина. Во-вторых, фусты колонн не имеют каннелюр, а карнизные профили лишены порезки.

Реставраторы начала XIX в. впервые практически воплотили сформулированные лишь намного позднее требования об отличии реставрационных дополнений от подлинника за счет применения иного материала и упрощенного характера моделировки. Правда, надо отметить, что упрощенная трактовка деталей, примененная Валадье для новых частей арки Тита, не представляет собой какого-то особого, специально выработанного условного архитектурного языка. Это тоже язык классических форм, но в том его варианте, который как раз был более характерен для архитектуры классицизма рубежа XVIII – XIX вв.

Очень важно для характеристики деятельности римских реставраторов того времени, что реставрация Колизея была рассчитана не на восстановление утраченных частей здания, а на сохранение его как руин. Осознание художественной ценности незаконченного архитектурного сооружения, а лишь отдельного его фрагмента, подчас полуразрушенного, было подготовлено развитием европейского искусства, создавшего своего рода культ руин. Руины не только изображались, но и искусственно возводились заново как почти необходимая составная часть парковых комплексов. Поэтизирование руин было распространено и на область реставрации.

И Валадье, и Стерн (архитектор Рафаэль Стерн, реставрация Колизея) не были только реставраторами. Валадье много строил в Риме (наиболее значительная его работа – архитектурная организация знаменитой Пьяцца дель Пополо). Стерн также был строящим архитектором и по его проекту было возведено так называемое «Новое крыло» Ватиканского дворца. Но при всем стремлении к соблюдению специфических требований реставрации и Валадье и Стерн, оставались архитекторами, верными принципам классицизма.

Существенный и решающий перелом в области реставрации произошел во второй половине XIX в., в эпоху, когда были приняты серьезные усилия для разработки новых принципов ре-

ставрации. Наиболее значительным выразителем новых реконструкций и методов был Виолле ле Дюк, автор трактата и ряда других исследовательских работ, в которых изложены фундаментальные принципы систематической реставрации. Его цель, сводившаяся к восстановлению разрушенных памятников и приданию им целостного первоначального облика, не отличалась новизной. Но его великая заслуга заключалась в том, что он подвел подлинно научную базу под ту область деятельности, которая до него основывалась на зыбкой индивидуальной инициативе. Виолле ле Дюк превратил анархичный и ненаучный труд в методическую деятельность, которая именуется сегодня реставрацией.

Его методология легла в основу современного французского искусствознания. Виолле ле Дюк добивался, чтобы реставрация возвращала памятникам качества, присущие оригиналу, особенно их форме, чтобы реставрированное сооружение соответствовало его облику времени наивысшего расцвета. В этом, конечно, заключалась его ошибка. Ибо нельзя полагаться исключительно на личное мнение реставратора в определении того, какой именно период в истории памятника был наиболее важным и характерным.

Используя свой большой авторитет, Виолле ле Дюк отстаивал идею о том, что реставратор может позволить себе импровизацию, что он имеет право и обязан восстанавливать памятники в их подлинно художественном и завершенном виде даже и в тех случаях, когда они были недостроенными или частично разрушенными.

К концу XIX в. все более и более выявлялась общая неудовлетворенность практикой стилистической реставрации. По мере роста числа реставрированных на такой основе сооружений все яснее осознавалось, что на место памятника ставится при этом нечто лишь внешне сходное с ним, но по существу принципиально неадекватное подлинному архитектурному произведению древности. Реставратор не смеет претендовать на проникновение в творческую мастерскую древнего зодчего, он может лишь верно воспроизводить отдельные элементы реставрируемого здания: стены, своды, карнизы и т. п. Для этого ему необходимо точно знать, какими они были, а, следовательно, сосредоточить внимание не на освоении стиля, а на поисках и тщательном изучении исторических свидетельств о данном конкретном памятнике. Уже в то время (конец XIX – начало XX вв.) стала появляться более последовательная критика применяющихся методов реставрации, направленная на выработку принципиально новых концепций. Важную роль сыграла в этом плане публицистическая деятельность выдающегося художника и общественного деятеля Уильяма Морриса,

последователя Рёскина. Наиболее полно новая критическая позиция была изложена итальянским архитектором и теоретиком Камилло Бойто. Его большая работа, ставящая кардинальные вопросы теории реставрации, «Практические вопросы изящных искусств» вышла в свет в 1893 г., но основные мысли были публично высказаны десятилетием раньше. Прежде всего, Бойто решительно осудил установившийся в XIX в. тип реставрации: «Когда реставрация проводится по теории Виолле-ле-Дюка, которую можно назвать романтической теорией реставрации, до вчерашнего дня разделявшейся всеми и которой следуют сейчас многие, если не больше, у нас в Италии, я предпочитаю плохо сделанные реставрации сделанными хорошо. В то время как первые, в блаженном неведении, позволяют мне ясно отличить древние части от новых, которые, с чудесным искусством и хитростью заставляя новое казаться старым, оставляют мое суждение в таком затруднении, что наслаждение созерцанием памятника исчезает и его изучение становится изнурительным трудом».

Выводом Бойто было не отрицание реставрации, а подчинение ее жестким нормам, направленным, в первую очередь на предотвращение всякой возможности фальсификации. Необходимыми требованиями, предъявляемыми к реставрации, он считал стилистические различия между новыми добавлениями и подлинными частями памятника; различие между ними в материале; отказ в новых частях от детализировки и орнаментики (прием, впервые использованный Валадье при реставрации арки Тита, но теперь приобретающий значение всеобщего принципа); маркировку новых включений специальными знаками или надписями; показ найденных при реставрации старых фрагментов около памятника; установку на памятнике доски с надписью о проведенной реставрации; составление описаний и фотографий этапов исследования и реставрации, их публикацию или хранение в самом памятнике; гласность принимаемых решений.

Бойто принадлежит и первая попытка классифицировать реставрацию в зависимости от типа памятника. По предложенной им терминологии, реставрация различается на археологическую (для памятников античности, когда требуется абсолютная научная строгость и сдержанность реставратора), живописную (для памятников средневековья, характеризующихся свободой композиции и решения деталей, исключающей возможность бесспорно достоверного восстановления, а если не сохранилось непосредственных следов утраченных элементов) и архитектурную (для памятников Возрождения и последующих периодов, архитектура которых подчинена

принципам регулярности, что позволяет дополнять утраченное с гораздо большей уверенностью).

Идеи, высказанные Бойто, получили дальнейшее развитие в работах ряда других теоретиков реставрации. Видному австрийскому искусствоведу Алоизу Риглю принадлежит разработка вопроса об общественной ценности памятников зодчества. Рассматривая различные аспекты такой ценности (чисто эстетическую ценность, определяемую им как «ценность новизны», наиболее ярко воплощаемую в только что завершеном авторском творении, а также утилитарную ценность, ценность мемориального посвящения для сооружений типа обелисков и триумфальных арок), он особо выделил исторический аспект как определяющий специфику значения памятников для современного общества.

Новые принципы реставрации получили признание в первые десятилетия XX в.. Проводившиеся на их основе реставрации в отличие от стилистических реставраций нередко определяют термином «археологические», применяемым в более широком смысле, чем это предложил Бойто, вне зависимости от категории памятника. Основой реставрации становилось тщательное и методичное изучение памятника в натуре, подобное изучению археологического объекта.

Такой взгляд был для конца XIX – начала XX в. вполне естественным. Именно к этому времени относится прогресс археологии, превратившейся из полупрофессиональных раскопок и описания древностей в систематическую научную дисциплину, базирующуюся на строгих методических принципах. Логично было распространить тот же подход на изучение и реставрацию памятников, рассматриваемых как специфические археологические объекты. В ряде случаев археологи сами стали брать в свои руки проведение реставрации, в какой-то мере вытесняя из этой области архитекторов, в какой-то навязывая им свои методы. Архитекторы, занимающиеся реставрацией памятников, особенно памятников большой древности, должны были в этой обстановке существенно изменить профиль своей деятельности, становясь в большей степени исследователями, чем художниками-творцами, осваивая для себя методические принципы археологической науки. Реставрация стала областью профессиональной специализации.

Наиболее детально методы археологической реставрации были разработаны итальянским историком архитектуры Густаво Джованнони. Его теоретические позиции получили отражение в ряде работ, а также в тексте подготовленной с его участием Хартии реставрации, которая в 1931 г. стала основополагающим документом

для последующей реставрационной деятельности в Италии. Джованнони предложил лишь одно разделение памятников – на «живые», которые продолжают или могут продолжать использоваться как здания для нужд современного общества, и на памятники «мертвые», не способные удовлетворять утилитарным потребностям человека. Такими «мертвыми» памятниками в наше время служат античные и средневековые руины, крепостные сооружения, триумфальные арки и колонны и т.п. Джованнони предложил классифицировать виды реставрации. Всего он насчитывал пять видов реставрации: укрепление, анастилоз, раскрытие, дополнение, обновление. Укрепление, или консервация, единодушно было признано главной целью работ на памятнике.

Интерес к прошлому поначалу принял форму коллекционирования предметов древности и лишь понемногу распространился на старинные постройки. Ряд указов Петра I, относящихся к 1718-1722 гг., говорит о необходимости собирания разного рода старинных и «курьюзных» вещей, древних документов, летописей, старых книг о запрещении переплавлять найденные в могильниках золотые изделия. В Петербурге по распоряжению Петра была организована «Кунсткамера», ставшая первым в России музеем, объединившим как исторические редкости, так и всевозможные иные раритеты. В 1759 г. канцелярия Академии наук затребовала от Синода для исправления Российского атласа сведения о всех церквях, а также планы и исторические описания монастырей. Примечательно, что речь при этом шла о памятниках средневековья, которые как раз в этот же период начали привлекать к себе внимание и в других европейских странах.

Средневековые постройки во множестве перестраивались согласно изменившимся вкусам, заменялись новыми. Наиболее крупной перепланировке должен был подвергнуться Московский Кремль в соответствии с грандиозным проектом Баженова. К этому же периоду относятся и первые важные мероприятия, приближающиеся по своему характеру к реставрации. После отказа Екатерины от идеи строительства нового Кремлевского дворца, разобранные башни и участки стен по проекту Баженова были в 1781 году вновь возведены в старых формах (конечно, с относительной точностью). Воссоздание стен и башен, несомненно, диктовалось желанием вернуть целостность Кремлю, который был осознан современниками как важный исторический и архитектурный памятник.

В сооружениях того времени обращение к формам старой русской архитектуры уже не смешивалось с псевдоготикой, а приобретало вполне самостоятельные рамки. С 1830-х годов новое архи-

тектурное направление, ориентированное на воспроизведение форм древнерусской и византийской архитектуры, получило ведущее значение. Трансформируясь во времени, отражая различные культурные течения, приобретая разнообразные стилистические оттенки, оно вплоть до начала XX в. определяло основной характер творчества русских архитекторов.

Обращение к формам средневековой русской архитектуры обусловило начало изучения и публикации сохранившихся памятников. В печати стали появляться работы, посвященные описанию старинных сооружений. Среди них видное место принадлежит трудам виднейшего историка Н.М.Карамзина, ряду изданий, подготовленных А.А.Мартыновым и И.М. Снегиревым. Ряд административных мер был направлен на предотвращение ломки и перестройки древних памятников, в первую очередь, старинных крепостей. С середины XIX в. важную роль в решении вопросов сохранения памятников и их реставрации играли археологические общества и комиссии, среди которых особенно значительна деятельность Императорского русского археологического общества (основано в 1846 г., ведало изучением и реставрацией памятников до 1889 г.). Императорской археологической комиссии (основана в 1859 г., с 1889 г. была главнейшим научным органом, занимавшимся памятниками зодчества) и Московского археологического общества (основано в 1864 г.). Однако единой законодательной системы по вопросам охраны памятников в дореволюционной России не было.

Появление интереса к памятникам способствовало развитию реставрационной деятельности. Уже в ранний период она тяготела к нормам стилистической реставрации, сформулированной лишь позднее Виолле ле Дюком. В целом же реставраторы первой половины XIX в. не обладали еще ни серьезной исследовательской базой, ни представлением о ценности поздних наслоений, ни пониманием принципиального различия между подлинником и реставрационным дополнением.

В первой половине XIX в. реставрация еще не была выделена как особая специализация архитектора и поручалась архитекторам. К концу XIX века постепенно созревали представления о необходимости большей строгости при проведении реставрации. Стали углубляться исследования реставрируемых памятников, повышаться требования к достоверности. Для 1890-х годов показательны работы, еще сохраняющие многие черты стилистической реставрации, но уже базирующиеся на серьезном археологическом изучении памятника.

Одним из выдающихся событий конца XIX столетия была проведенная В.В. Суловым реставрация храма Софии в Новгороде, продолжавшаяся с 1893 по 1900 г. Исследование Софийского храма, сопровождавшееся археологическими открытиями и закладкой большого листа зондажей, для своего времени было образцовым. Принципиально новым в этой реставрации было отношение к позднейшим наслоениям памятника.

Окончательное становление новых методов реставрации в русской практике относится к первому десятилетию XX в. и во многом связано с именем П.П.Покрышкина, архитектора и археолога, одного из самых активных членов Археологической комиссии. В начале XX в. насчитывалось уже довольно значительное число серьезных исследователей русского зодчества, многие из которых занимались реставрацией или же участвовали в обсуждении реставрационных проектов. Среди них в первую очередь следует назвать Ф.Ф.Горностаева, Д.В.Милеева, И.П.Машкова, И.В.Рыльского, Д.П. Сухова. К этому времени в России сложилась реставрационная школа, система взглядов и практика которой вполне соответствовала европейскому уровню.

Рассмотрим некоторые нормативные акты по охране, реставрации и использованию памятников архитектуры, принятые в разные годы в СССР. Уже в ноябре 1917 г. распространяется «Воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов», призывающее сберечь все, что досталось народу от «старых хозяев». Владимир Ильич Ленин в беседе с В.Д.Бонч-Бруевичем отмечал: «Всю старину мы должны тщательно охранять не только как памятники искусства – это само собой, но и как памятники быта и жизни древних времен. Сюда должны приходить экскурсии, здесь должны даваться подробные исторические объяснения посетителям» [6].

Обзор нормативных и иных актов, которые появились в Советском Союзе до 1960-х годов, произведенный автором статьи, позволил определить в советской реставрационной школе значительный сдвиг в общих концепциях в сторону сужения основного понятия «реставрация» и большей строгости методических принципов, что приближало ее по теоретическим основам к советской реставрационной школе 20-30-х годов прошлого столетия, направленность которой была выражена ее основателем академиком И.Э.Грабарем: «Иногда вследствие повреждения памятника бывает необходимо принять меры к его укреплению, произвести его чинку или так называемый ремонт. Такой ремонт есть некоторое восстановление памятника искусства, или реставрация, в собственном смысле слова, основной стимул реставрации лежит в консервации,

т.е. в совокупности мер, направленных к улучшению условий, в которых находятся памятники...» [7].

Это подчеркивалось также материалами совещания реставраторов и научных работников по консервации каменной кладки (1964 г.), созданного Научно-методическим советом по охране памятников культуры Министерства культуры СССР, на котором наряду с изложением обычных для тех лет приемов целостной реставрации, много говорилось о консервации памятников архитектуры и признавалось равноправие этого приема [8].

На основе этого можно считать, что реставрация есть укрепление памятника архитектуры и восстановление его исторического, а в какой-то мере и его художественного значения, т.е. общей целью всякой реставрации становится выявление и утверждение культурно-исторической роли и значения зданий-памятников, а также определение их художественных достоинств (в том числе и градостроительного значения) при одновременном укреплении его конструкций, частей и элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX-XV вв. – М.: Наука, 1988. – С. 46-52.
2. Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района // Тр. ИИАЭ. – Том 35. – Сталинабад: Изд. АН Тадж.ССР, 1955. – 231 с.
3. Гендель Э.М. Инженерные работы при реставрации памятников архитектуры. – М.: Стройиздат, 1980. – С. 9.
4. Консервация и реставрация памятников и исторических зданий. /Перевод с франц. – М.: Стройиздат, 1978. – С. 20.
5. Пьеро Гаццола. Реставрация памятников, исторический обзор // Консервация и реставрация памятников и исторических зданий. /Перевод с франц. – М.: Стройиздат, 1978. – С. 27.
6. «Литературная газета», 21 января 1941 г.
7. Грабарь И.Э. Реставрация // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. – Изд. 7-е. – Том 36, часть 1. – М., 1972.
8. Вопросы консервации каменной кладки. Материалы совещания реставраторов и научных работников, 1964. – М.: Научно-методический совет по охране памятников культуры МК СССР, 1965.

FORMATION OF THEORETICAL RESTORATION CONCEPTS

Sayora Mukimova

Doctor of architecture, Senior researcher A.Donish Institute of History,
archaeology and Ethnography Academy of Sciences of
the Republic of Tajikistan
Tel.: 221 37 42

The article considers the process of formation of the theoretical restoration concepts. A restoration is a strengthening of architectural monument and renewal of its historic and artistic value, that is a common goal of all restoration becomes the identification and confirmation of cultural and historical role and significance of building-monuments.

Keywords: architectural structures; restoration; architectural monument; reconstruction.

ОСОБЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ТАДЖИКИСТАНЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

А. НАЗАРОВ

кандидат исторических наук, ведущий сотрудник Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан

В статье рассматриваются особенности проявления религиозных чувств среди мусульманского населения Таджикистана в советский период. Автор на основе анализа материалов выполненных исследований, архивных документов и доступных статистических данных освещает характерные проявления религиозности, которые в основном заключались в проведении обрядов, совершении паломничества и посещении священных мест – мазаров, похоронных процессах, шариатском браке, обрезании, соблюдении целой системы пищевых запретов и т.д. Автор приходит к выводу, что особенности проявления религиозности таджикского населения в советский период, являлись универсальными, они не были изолированы друг от друга, и находились в самой органической связи, фактически дополняя друг друга.

Ключевые слова: Таджикская ССР, религия, религиозность, мусульманство, ислам.

В создавшейся идеологической ситуации в Таджикской ССР верующие проявляли свою религиозность в особых формах, которые сохранились до наших дней. Этому способствовало относительная простота и доступность ислама. Отмечая подобную особенность, многие исследователи, называли ислам «не институциональной религией», «в которой отсутствует четкая организация духовенства (подобная, например, в христианстве), руководящие органы (типа решения соборов или папских энциклик). Всякий верующий мусульманин обладает правом высказывать свое мнение по вопросам религии...».¹ Поэтому простота и доступность, выраженные широтой и полиморфизмом исламской религии, а также не конституированный характер мусульманского богословия позволили исламской религии легко приспособиться к существовавшим условиям в Таджикистане.

Материалы Уполномоченного Совета и областных уполномоченных Таджикской ССР содержат информацию об особых формах

¹ Жданов Н. В., Игнатенко А. А. Ислам на пороге XXI века. – Москва, 1989. – С. 18.

проявления религиозности в Таджикистане. В них приводится, что одной из особенностей симбиозного проявления религиозности в 1950-1960-е гг. являлось проведение обряда «Деги дарвешон». Так, зимой 1954 г. количество осадков в Таджикистане было минимальным, свирепствовала эпидемия, увеличилась смертность детей, особенно в сельских районах. При таких природных явлениях проводился весьма редкий обряд – «Деги дарвешон» – часто принимавший форму религиозной кампании. В процесс проведения этого обряда включались духовенство, обычные люди и колхозники. Обряд «Деги дарвешон» активно совершался в различных районах республики: Шахринауском, Пахтаабадском, в окрестных кишлаках города Сталинабада – в поселках «Заготзерно», «Сари Осие», «Школьный» и др. В проведении этого обряда главная роль обычно принадлежала незаконно действующему и не зарегистрированному мусульманскому духовенству.¹

Характерное проявление религиозности – паломничество и посещение (зиярат) святых мест-мазаров, которые назывались также «рух» (дух), «арвох» (духи), «авлие» (святой) «азизи Худо» (приближенный к Богу) и т. д. рассматривается в работе О. Бозорова и Р. Маджидова.² В ней отмечается, что в конце 50-х и начале 60-х гг. многие святые места были закрыты, а паломничество к ним прекратилось почти повсеместно. Однако, в 60-е гг., в период хрущевской «оттепели», посещение таких мест заметным образом оживилось. Почитались камни, источники, вода, деревья, ущелья. Большая часть мазаров была расположена в сельских местностях. Верующими руководила вера в то, что путем посещения мазаров очищаются грехи, излечиваются болезни, осуществляется надежда и т. д.

Наиболее почитаемыми мазарами на территории Таджикистана в рассматриваемый период считались мавзолей Хазрати Алии Хамадони в Кулябе, Мавлоно Якуби Чархи вблизи г. Душанбе, мазар Зайнулобиддин в Кумсангире; святые места: «Ходжа Оби Гарм», «Чилучорчашма», «Каро Буро», «Ходжа Санг Дузд», «Чилтанбобо», и т. д. В Ленинабадской области действовало около 60 мазаров. Из их числа мазары «Ходжа Таккабурд» (Канибадамский район), «Майбулок» (Ходжентский район), «Балогардон», (кишлак Ворух Исфаринского района) были самыми посещаемыми.

² Материалы Уполномоченного Совета и областных уполномоченных (Ленинабадская обл. и ГБАО). – Главн. Архивн. Управ. при Правит. РТ. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. 44.Л. 35.

³ Бозоров О., Маджидов Р. Бокимондахи дини ислом ва рохҳои баргараф намудани онҳо. – Душанбе: Ирфон, 1968. – С. 37.

В работе С.Абдулазизова¹ приводятся сведения о посещении населением мазара «Зайнулобидин», находившимся в Кумсангире. По преданиям, внук четвертого арабского халифа Али Зайнулобидин покоится в этом мазаре. В этот мазар люди приводили своих больных, немощных стариков и детей разных возрастов с целью обращения к духу святого и прощения у него их излечения.

В его работе приводится таблица, демонстрирующая число посетителей этого мазара в период с 15-го по 21-ое июня 1961г.²

Дни	Число паломников	Мужчины
Понед. 15.06.1961	34	9
Втор. 16.06.1961	58	13
Среда. 17.06.1961	41	14
Четв. 18.06.1961	85	34
Пятн. 19.06.1961	140	21
Суб. 20.06.1961	70	19
Воск. 21.06.1961	168	28

Между тем, исторические документы и свидетельства указывают на то, что сын халифа Али Зайнулобидина является четвертым имамом шиитов, жил в Аравии и умер в приблизительно в 713 – 714 гг. в г. Медине. Его могила находится на кладбище ал – Бакия в г. Медине.

О посещении мазаров также говорится в работе известного таджикского ученого А.Мухтарова.³ Мазары и святыни Таджикистана имеют и до сих пор свою богатую историю, подчас не вполне объективные. Например, мазар Абумусы, расположенный в Матчинском районе, местные жители относили к Абумусе Ашъари, одному из сподвижников Пророка ислама. Однако из исторических источников известно, что Абумуса Ашъари умер в Багдаде, а этот мазар принадлежит брату Ходжи Мусы – Абумусе, жившему в конце XVII – второй половине XVIII в. Сам Ходжа Муса был богатым человеком, имел огромные имущественные и земельные владения в Ура-Тюбе и Матче.

Изучению святых мест-мазаров в Таджикистане посвящен сборник статей (составитель и редактор-Хамза Камол, Душанбе 2003). Авторы статей (А.Мухтаров, Ю.Якубов, Хамза Камол и др.) на

¹ Абдулазизов С. Хакикат дар бораи мазорхо. – Душанбе: Дониш, 1970.

² Там же. – С. 18.

³ Мухтаров А. М. Размышления о мазаре Абумусы в Матче // Чахордах мазар. – Душанбе, 2001.

основе доказательств и исторического анализа дают сведения о четырнадцати мазарах на территории Таджикистана, которые до сих пор являются объектами посещений верующих. К их числу относятся такие мазары, как Абумуса в Матче, Хазрати Бурхи Вали в Ургенче и др. Пропагандистский советский аппарат старался закрывать подобные места, в результате чего большое число мазаров было уничтожено или разрушено, а их служители привлекались в суды.

В монографии Хамза Камола¹ предметом исследования являются существующие мазары, представляющие собой своеобразные религиозные объекты, имеющие важное значение для определения и оценки мировосприятия и духовной культуры таджикского населения. В работе впервые в отечественной исторической науке осуществлено самостоятельное и комплексное исследование, посвященное истории мазаров Северного Таджикистана, где автор на основе широкого использования и сопоставления фактов предпринял попытку дать системный анализ крайне обширному материалу как исследовательского, так и источниковедческого характера по истории мазаров данного региона Таджикистана. На этой основе прослеживаются не только недостатки и упущения, которые имели место в историографии советского периода, но и предлагается по-новому взглянуть на предпосылки существования культа мазаров, осмыслить обычаи и ритуалы, связанные с их посещением, выявить степень их влияния на людей, на сознание широких слоев народа, предлагается типология мазаров, делается попытка комплексного обобщения истории мазаров Северного Таджикистана как особого социокультурного феномена.

Особенностям проявления религиозности в Таджикистане посвящен сборник статей под редакцией Г. М. Максимовой.² В нем указывается участие в похоронных процессах, шариатском браке, обрезании, соблюдение целой системы пищевых запретов. Отмечается, что сакральные исламские обрядности проводились почти во всех городах и селах Таджикистана. Казалось, они влияли на людей больше, чем посещение мечетей. Обрядность обладала большой публичностью, охватывала все слои населения, особенно в сельских местностях. Представители духовенства, руководя исламскими обрядами во время похоронных процессий, обращались к участникам об обязательности соблюдения религиозных предписаний. По своей социальной природе и догматическому предназначению

¹ Хамза Камол. История мазаров Северного Таджикистана. Душанбе «Деваштич» 2005, 208 с.

² Максимова Г. М. – Москва: Статистика, 1976.

краткие проповеди в таких случаях играли исключительно важную роль в религиозном сознании людей.

Под руководством представителей духовенства активисты мечетей и население ухаживали и приводили сельские и городские кладбища в порядок, возводили вокруг них заборы и благоустраивали.

Между тем, процесс урбанизации в республике протекал медленно – большинство населения коренной национальности проживало в сельской местности. Между тем, сельское население издавна отличалось своей консервативностью, приверженностью к старым традициям и обычаям, которые тесно переплетались с религиозными нравами. Такое положение, конечно же, обуславливало высокую религиозность населения и неэффективность проводимых атеистических мероприятий.

Исследованию особенностей проявления религиозности мусульман исмаилитского толка в Таджикистане в советский период посвящена статья А. Асоева.¹ В частности говорится, что в Шугнанском, Рушанском, Ишкашимском районах проживали представители исмаилизма, убежденные в незримом присутствии скрытого имама – махди, который должен вернуться на землю и восстановить справедливость.

В Калаи Хумбском и Мургабском районах области вели свою деятельность так называемые странствующие муллы. Они распространяли слухи о надвигающихся бедствиях и чтобы отвести эти беды они предлагали верующим переписывать религиозные письма и передавать друг другу. Когда 1978 г. кишлак Дебаста ГБАО пострадал от землетрясения, эти муллы начали пугать население надвигающимся концом света и призывали людей приносить жертвоприношения.²

В статье А.Асоева также отмечается, что 1970-е гг. исследовательские источники описывали таджикских женщин высоко религиозными и трудно было проследить религиозность, как работающих женщин, так и неработающих. Кроме того, численность женского населения существенно превышала численность мужчин.

В работе О. Муродова³ исследуются древние мифологические и демонологические образы, а также связанные с ними обычаи, обряды и ритуалы жителей долины Зеравшана. В целях борьбы с рели-

¹ Асоев А. Работать повседневно. // Наука и Религия. – 1982. – № 1.

² Там же. – С. 19.

³ Муродов О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшана (этнографические исследования к истории религии и атеизма). – Душанбе: Дониш, 1979 г. – 116с.

гией и суеверием автор подчёркивает необходимость преодоления следов ранних религиозных идей и образов, доживших до наших дней в реликтовом виде. В работе особое внимание уделяется де-монологическим рассказам как жанру устного народного творчества, рассматриваются представления о духах (девах, албасти, джинн, аджина). В основу работы легли фольклорно-этнографические материалы, собранные автором в 1966-1974 гг. В работе прослеживается эволюция и трансформация мифологических образов и религиозных представлений, появившихся при первобытном обществе и сохранившихся среди таджикского населения. Для раскрытия сущности представления о духах – демонах привлечены исторические сведения и сравнительные материалы по другим регионам и народам Средней Азии, которым дана научная трактовка.

Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конца XIX – начала XX века) изучены в работе Н.С.Бабаевой¹. Эту книгу можно считать первым обобщающим этнографическим исследованием древних верований горных таджиков Южного Таджикистана по материалам погребального обряда. В ней показана общность духовной культуры горных таджиков Восточной Бухары, выявлены пережитки доисламских верований, их генезис и эволюция. Автор вводит в научный оборот новые данные в исследовании религиозных традиций и важных факторов культурной и общественной жизни народа. Первая глава работы озаглавлена как «Предпохоронные обычаи и обряды» и включает народные верования о причинах и предвестниках смерти, представления о смерти и душе, прощание с умирающим, подготовке тела к преданию земле, оплакивание, обряды раздела имущества наследства – тарака и искупления грехов – давра, обмывание, саван. В ней даются сведения о кладбищах и погребальных сооружениях, погребальных носилках и управлении дождём с помощью палок погребальных носилок, особенностях выноса тела умершего и панихиды – джаноза, обряде предания покойника земле. Во второй главе даются сведения о древних верованиях в послепохоронных обрядах, ритуальных обрядах очищения, обрядах поминания, прижизненных поминках, трауре. В приложении книги приведены рисунки головных уборов савана, форм могил и 2 карты к этим материалам.

Таким образом, все вышеперечисленные исследования посвящены выявлению особенностей проявления религиозности таджик-

¹ Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец 19 – начало 20 века).. – Душанбе, «Дониш», 1993. – 156 с.

ского населения, являвшимися общими и универсальными в Таджикистане. Они не были изолированы друг от друга и находились в самой органической связи, фактически дополняли друг друга и характеризовали религиозность. Выясняется, что особые формы проявления религиозности в советский период истории Таджикистана охватывал широкий диапазон социальных отношений и быта, выступали в качестве основного источника проявления религиозности. Прошлые формы общественного сознания, социальной психологии и быта таджиков, а также их исключительная подчиненность шариату не могли полностью исчезнуть в советский период. Мусульманские традиции, обычаи и ритуалы, глубоко проникнув в образ жизни верующих мусульман Таджикистана, а иногда и неверующих, соблюдались как народные, порой как национальные традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулазизов С. Хакикат дар бораи мазорхо. – Душанбе: Дониш, 1970.
2. Асоев А. Работать повседневно. // Наука и Религия. – 1982. – № 1.
3. Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец 19 – начало 20 века).. – Душанбе, «Дониш», 1993. – 156 с.
4. Бозоров О., Маджидов Р. Бокимондахои дини ислом ва рохҳои бартараф намудани онҳо. – Душанбе: Ирфон, 1968.
5. Жданов Н. В., Игнатенко А. А. Ислам на пороге XXI века. – Москва, 1989. –
6. Материалы Уполномоченного Совета и областных уполномоченных (Ленинабадская обл. и ГБАО). – Главн. Архивн. Управ. при Правит. РТ. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. 44.Л. 35.
7. Муродова О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшана (этнографические исследования к истории религии и атеизма). – Душанбе: Дониш, 1979 г. – 116с.
8. Мухтаров А. М. Размышления о мазаре Абумусы в Матче // Чохордах мазар. – Душанбе, 2001.
9. Хамза Камол. История мазаров Северного Таджикистана. Душанбе «Деваштич» 2005, 208 с.

SPECIFIC FORMS OF RELIGIOSITY IN TAJIKISTAN DURING THE SOVIET PERIOD

A. Nazarov

Candidate of historical sciences, a leader scientific worker
A. Donish Institute of History, archaeology and Ethnography
Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

The article discusses the features of manifestations of religious feelings among the Muslim population of Tajikistan during the Soviet period. The author based on the analysis of the research materials, archival documents and available statistical data covers characteristic manifestations of religiosity, which mainly consists in carrying out rituals, pilgrimages and committing visiting sacred places – mazars, funeral processions, Sharia marriage, circumcision, the observance of the whole system of food taboos and etc. The author concludes that the particular manifestations of religiosity of the Tajik population in the Soviet period, are universal, they are not isolated from each other and located in the most organic connection, in fact complement each other.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Б.АЗИМОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии
и архивоведения Таджикского национального университета
Тел.: (+992) 900787052. azimova.b@mail.ru

В статье освещается общая характеристика письменных источников о Кокандском ханстве в период XVIII-XIX вв., которые были написаны по специальному заказу представителей различных господствующих кругов, что дает возможность осветить историю Кокандского Ханства на протяжении всего периода его существования, раскрыть проблемы социально-экономической, политической, этнической, военной и культурно-бытовой истории.

Ключевые слова: Кокандское ханство, источниковедение, кокандские рукописи, письменные источники, генеалогия кокандских ханов, династия, минг.

В XVIII-XIX вв. в жизни народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана большую роль играло Кокандское ханство. Распространяя свою власть на отдельных исторических этапах примерно на половину территории Средней Азии и почти на весь юг Казахстана, Кокандское ханство вело активную внешнюю политику. Это была эпоха коренного перелома в судьбах народов указанного региона.

Однако до сих пор история Кокандского ханства остается слабо изученной. Это объясняется, прежде всего, недостаточной разработанностью источниковедения истории Кокандского ханства. К одной из важнейших групп источников по данной проблеме относятся малоисследованные кокандские рукописные персо-таджикские и тюркоязычные сочинения. Эти труды создавались по социальному заказу представителей различных господствующих кругов Кокандского ханства.

Среди дошедших до нас письменных источников большой интерес представляет сочинение Махмуда хакима Сайфани ибн домоллы Шади Мухаммада Фаргани «Хуллас ат-таварих» («Краткая запись исторических событий») [1.1.]. Данное сочинение является кратким описанием истории Кокандского ханства со сведениями по всеобщей истории – от легендарной династии Кеянидов и кончая Сельджукидами. Оно написано в 1332\1914г. и начинается родословной кокандских ханов с Бабура – потомка Чингизхана и основанием го-

рода Коканда (л.26-36). Далее вкратце описывается правление Шахрухбиа с 1717 по 1729 г., хотя в других исторических источниках начало его правления относится на 7 лет раньше, приблизительно к 1710 г. Правление сына Шахруха Абдурахманхана (1729-1741); правление второго сына Шахруха Абдулкарима (1741-1759); правление сына Абдукарима Абдурахмана Баба-бека, двенадцатилетнее правление Ирдана-хана; правление Сулайман-хана; 36-летнее правление Нарбута ибн Абдуррахима (1773-1800); правление Алимхана (1800-1809); правление Омархана (1809-1822); правление Мухаммада Алихана (1822-42); правление Шера Алихана (1842-45) и правление Худайархана с 1845г. до постройки в Коканде новой соборной мечети в 1287\1870 г., сопровождавшейся большими притеснениями населения.

Автор «Хуллас ат-таварих»-а отмечает в заключение своего труда (лл.16 и 376), что им, кроме настоящей работы, составлено еще несколько трудов.

Ценная информация о политической и социально-экономической жизни Кокандского ханства содержится в «Шахнама-йи Омархани» Мирзо Каландара Мушрифид Исфахаги [2.2]. Сочинение написано по распоряжению правителя кокандского ханства Омархана в 1237\1822г. придворным поэтом и историографом, сокращенно – Мирзо Мушрифом (родом из Исфахаги), и является прозаическим изложением стихотворной хроники, созданной ранее придворным поэтом Фазли Намангани. Другое название этого труда «Таърихи амир Умархани».

Вслед за традиционными восхвалениями Аллаха и четырех правоверных халифов автор излагает причины написания книги, начатой им в начале месяца Рамазан 1237 / конец мая 1822г. в последний год жизни Омархана. Приводится генеалогия кокандских ханов из династии мингов, начиная с султана Бабура, рассказы о бегстве Бабура из Ферганы в Индию, оставившего в пути своего новорожденного сына Алтун-Бишика, а также о дальнейшей судьбе последнего и борьбе опекунов других малолетних кокандских правителей и разных претендентов на ханский престол.

С л.19а начинается собственно история Омар-хана, приводится очень подробно его родословная, описываются его личные качества, вступление на престол и поход на Тошканд, правление и поход на Бухару из-за пограничных споров с бухарским эмиром Хайдаром (1800-1826), поход на Урмитан для наказания восставших местных правителей. Описывается прием Омар-ханом послов хивинского хана Мухаммада Рахима (1806-1825) и заключение союза с Хивой, поход на Заамини в Кипчакскую степь, выражение

покорности Коканду казахских и киргизских султанов, восстание Тентек-тюры – потомка Туктамыша в Сайраме, изгнание его, усмирение Киргизии и назначение туда Кутлуг-саида. Сочинение заканчивается описанием смерти Омар-хана, стихами поэтов на смерть хана и вступление на кокандский престол Мухаммада Амина.

Особый интерес в освещении событий Кокандского ханства периода XIX века представляет «Тарихи джанги амир Насруллах ва Мухаммад Али хан-и Хуканд» («История войны эмира Насруллаха и Мухаммада Али-хана Коканда») [3.3].

Автор этого исторического стихотворного произведения Мирза Шамс-ад-дин даи-йи Бухари – придворный поэт и историк бухарского эмира Музаффара (1860-1885), секретарь двора и известный шахматист, умерший, как установил С.Айни [4.4] незадолго до 1330\1885-86 г.

Названия произведения и имени автора в самом сочинении нет, но они указаны, по-видимому, одним из владельцев списка на первом непатинированном листе перед текстом. Труд состоит из введения, шести основных разделов и молитвы за Насраллах-хана, и посвящен описанию первого из четырех походов бухарского эмира Насраллаха на Коканд в 1840 г.

В сочинении описывается взятие бухарцами кокандских городов и крепостей Заamina, Истаравшана, Ходжента, Каракчикума; говорится об обращении кокандского хана Мухаммада Али-хана (1822-1842) к эмиру с выражением покорности, отправлении подарков и контрибуции Насраллах-хану и милостивый их прием, прощение Кокандского хана и возвращение в Бухару.

Важнейшие исторические события того периода нашли свое отражение в сочинении Муллы Нийза Мухаммада ибн Муллы Ашур Мухаммада Хуканди «Тарихи Шахрухийа» («Шахрухова история»)[5.5]. В нем краткое предисловие и несколько глав: о правителях Ферганы, начиная с Тимура (л.2а); об Абд ар-Рахим-хане Киране сыне Шахрух-хана (л.8б); об Омар-хане-сыне Нарбута-хана (л.б.31а); о Мухамад Али-хане сыне Омар-хана (л.36б); о втором походе на Коканд бухарского эмира при Шир Мухаммаде Али-хане (л.51а) и о Худайар-хане сыне Шир Алихана. Текст обрывается на событиях 1852 г. с вытеснением из Коканда кипчаков с помощью ташкентских войск.

Еще один важный источник – это сочинение «Та’рих-и джад-идаи Ташканд» («Новая история Ташкента»), оно имеет также другое название «Тарихи вилает-е Ташканд» («История Ташкентской области»). Труд был начат в зу-л-хидже 1279 г. хиджры 1863г.

и завершен в 1305\1887-88 гг. по просьбе Насриддина-бека, последнего правителя Коканда [6.6].

Сочинение «Хуласат ал-ахвал» («Резюме обстоятельств жизни») было написано в 1282 г. \1865-66 г. в Ташкенте. Автором является Абу Убайдаллах Мухаммад ибн Султан-ходжа, известный под именем Ишан-ходжа кари Ташканди[7.7]. Он служил при таких ташкентских правителях, как Лашкар кушбеги (был наместником Ташкента и Дашти Кипчака в 1810-1841 гг., мулла Холбек (1846), Азиз Парваначи (1844-1847 гг.), Нормухаммад (1847-1853), Мирза Ахмад (1853-1857 гг.). Во время правления Аликула Амирлашкара (1863-1865 гг.) подвергался гонениям. Был сборщиком налогов и к старости стал крупным землевладельцем. О последних годах его жизни и времени смерти ничего неизвестно.

«Хуласат ал-ахвал», как исторический источник, содержит многочисленные сведения по истории, хозяйственной и культурной жизни Кокандского ханства, а также факты из жизни исторических личностей той эпохи. Имеются данные по этнической истории ханства. Материалы и факты приводятся современником, непосредственно участвовавшим во многих событиях того времени. В произведении описываются события, происходившие как в Ташкентском вилайате, так и в других областях ханства.

«Зафар-номайи Худайар-хани» – Абдулгафурбия посвящено событиям, связанным с освобождением Худайар-хана от зависимости кипчаков и их представителя Мусулманкули кипчака. Вступив на трон в 1844 г., Мусулманкули, как самый влиятельный представитель кипчаков стал аталиком – регентом молодого Худайар – хана. Выдав за хана одну из своих дочерей, Мусулманкули фактически взял всю полноту власти в свои руки. Его соплеменники, родственники и близкие члены семьи занимали важные должности, были также влиятельными собственниками земли и другой недвижимости. Местное население, столичная аристократия и представители мусульманского духовенства были недовольны политикой кипчаков. Содержание данного произведения свидетельствует, что междоусобные раздоры и борьба за власть в Коканде шли не только между кочевым и оседлым населением, но и в среде правящих сил и кланов.

«Таворихи манзума» («Сборник хронограмм») Имама Али кари Кундузи-Ками, который родился в Кундузе (Афганистане), в 1824-25 гг. он жил в Кашгаре, а в 1828-1830 гг. в Бухаре. По приказу эмира Насруллаха он редактирует сочинение «Дурадж-ат-тадж» («Венец ожерелий»). Позже перебравшись в Кокандское ханство, он проживал в Ходженте, затем в Коканде. У Муллы Абдулазиза-

Махдума кази Ганион изучал науку муамма и хронограмму. Когда в 1842 г. Коканд был захвачен эмиром Насруллахом. Имам Али ка-ри Кундузи-Ками написал несколько панегирических хронограмм в честь эмира. Через три месяца Коканд был освобожден от власти эмира и Ками вынужден был покинуть Коканд и отправиться в Кашгар. После 1850 г. он написал свое сочинение «Таворихи манзума» – сборник хронограмм. Все исторические события эпохи жизни автора описаны в стихотворной форме в виде хронограмм. Сочинение было изучено А.Мухтаровым [8.8], Е.А.Маджи [9.9] и Ш.Х.Вохидовым [10.10].

Сочинение «Джангномайи Худайар-хан» («Книга войн Худайар-хана») Муллы Шамси (Шавки) из кишлака Калвак Наманганской области было написано в 1853 г. и посвящено борьбе Худайар-хана и его сторонников с кипчаками. Главная идея произведения анти-кипчакская и выражает интересы оседлого населения – горожан, землевладельцев и духовенство. Труд состоит из пяти глав-событий и дает сведения о родовом составе кипчаков.

Историографы создавали свои труды по заданию ханов или их приближенных, непосредственно обслуживая интересы господствующего класса. Но даже эти материалы, хотя и отрывочные, позволяют составить представление о формах землевладения, способах обработки земли, состоянии ирригации, многочисленных тяжелых налогах, поборах и варварских способах их взимания с трудящихся, использовании их на различных принудительных работах [11.11].

Историк А.Каюмов пишет, что «в третьей четверти XIX века в Коканде появилось довольно много исторических трудов... Они дают довольно полное описание политической и социальной жизни Кокандского ханства этого периода». Он особо отмечает ценность приведенных в них исторических данных по второй половине XIX века, которые состоят по большей части из событий, свидетелями и участниками которых были авторы этих книг [12.12].

Говоря о бухарских и кокандских сочинениях, А.М.Мухтаров считал, что в них «дается описание только политических событий, истории отдельных ханов, походов и побед одних правителей над другими. Авторы совершенно не касаются истории производителей материальных благ – народных масс»[13.13]. Действительно, для авторов кокандских источников, сочинения которых написанные известным единственным историографическим методом, это не было прямой целью, но и другие определенные сведения в их трудах имеются.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Махмуд хаким Сайфани домулла Шади Мухаммад Фаргани. Хуллас ат-таварих. Инв 1220 – ВР АН Тадж ССР-Сталинабад, 1960.
- 2.Мирзо Каландар Мушрифӣ Исфаҳаги. Шаҳнама-ӣи Омархани. Инв.1088 – Каталог ВР АН Тадж ССР-Сталинабад, 1960.
- 3.Мирза Шамс-ад-дин даи-ӣи Бухари. Тарихи джанги амир Насруллаҳ ва Мухаммад Али хан-и Хуканд. Инв 861 – ВР АН Тадж ССР-Сталинабад, 1960.
- 4.Айни С. Намунаи адабиёти тоҷик.Стр 285-286.
- 5.Мулла Нийаз Мухаммад Хуканди. Та рихи Шаҳрухӣя. Инв.2237 – Каталог ВР АН Тадж ССР-Сталинабад, 1960.
- 6.Султонов Ё. Мухаммад Солеҳхужанинг «Тарихи жадидаи Тошканд» асари муҳим Тарихий манба сифатида (XIX аср): Тарих фан ном дисс. – Тошкент:Ўз ФА ШИ,2007.
- 7.Урунбаев А.Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства //Известия АН УзССР,1957. – №3. – С.33-38.
- 8.Мухтаров А.О некоторых неизвестных источниках по истории Средней Азии XIX в.\\ ИАН Тадж.ССР.ООН,1956,Вып.8. – С.97-101.
- 9.Маджи Е.А.Новый источник по истории Коканда, Кашгара и Бухары\\ИВН Тадж.ССР.ООН. 1958.Вып.1.С.35-42.
- 10.Воҳидов Ш. Кукон хонлигида Тарихнавислик.Тошкент,2011.
- 11.Набиев Р.Н.Историография Узбекистана \\Очерки исторической науки в СССР.М.1955.Т.1.С.646.
- 12.Каюмов А. Кукон адабий муҳити (XVIII-XIX аслар). Ташкент.1961.С.312-313.
- 13.Мухтаров А.Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе,1964.С.6.

SOURCES ON HISTORY KOKAND KHGANATE

B.Azimova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of
historiography and archival Tajik National University
Rudaki ave., 17, 734025, Republic of Tajikistan
Tel.: (992) 900 787 052. Azimova.b@mail.ru

The article highlights the general characteristics of the written sources of the Kokand khanate during centuries XYIII-XIX. These works were written by special order of the ruling circles of various BCH and this amount of historical news it gives the opportunity to fully illuminate the history of KH during the whole period of its existence, to reveal the deep problems of socio-economic, political, ethnic, military and cultural history of the home.

Keywords: Kokand khganate, source, Kokand manuscript, written sources, genealogy Kokand Khans dynasty Ming.

ПАРАСТИШИ ШУҒЛИ ШИКОР ВА СУННАТИ ШИКОРӢ ДАР ПОМИР

Қ.АЛАМШОЕВ

номзади илмҳои таърих, ходими калони илмии шуъбаи таърих,
бостоншиносӣ ва мардумшиносии Институти илмҳои
гуманитарии ба номи академик Б. И. Искандарови
Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон
Тел. +992 93 500 45 96. E-mail: akurbon@gmail.com

Пешаи шикорро мардуми Помир пешаи шариф, пок ва ҳатто то андозае рӯхонӣ ҳисоб мекунанд. Ба ақидаи онҳо ба ин кор ҳар касе, ки сару кор дошта бошад, бояд шахси ботинан пок бошад. Фардери, ки ба шикор машғул аст, мардуми Помири Ғарбӣ паҳлавон (pahlavon) (дар Мурғоб «балбан») гӯянд.¹ Дар дараи Хуф одатан «паҳлавон» касеро меғуфтанд, ки аллакай аз 7 чондор зиёдтар шикор кардааст. То ин вақт вай ҳанӯз шогирд ҳисоб меёбад.

Дар зери мафҳуми «паҳлавон» шояд қабл аз ҳама мазмуни «қудратманд», «начотдиҳанда», «ризқдиҳанда» ниҳон бошад. Ҳақиқатан ҳам дар чашми мардуми Помир шикорчиён аз ҳама қодиртар ва қудратмандтар буданд. Зеро дар тасаввури одамон шикорчиён афроде қодир ба пайдо кардани ризқи ҳаррӯза буданд. Онҳо натавонанд кути ҳаррӯзаи аҳли хонавода, балки тамоми авлод ё ҳамдеҳагони худро таъмин мекарданд. Ризқи аз шикор ба дастомадаро мардум «ризқи ҳавой», яъне ризқи худодод меғуфтанд ва моли ваҳширо «моли худой».

Дар вулусволии Шуғнони Афғонистон шикорчиёни синнусолдида калимаи паҳлавонро ба ман шарҳ дода гуфтанд, ки одатан шикорчӣ мардест аз ҳама зӯр. Чунки вай аз марги худ, аз балоҳои дигар наметарсад, вай «ҷанозаи равон» аст. Вай медонад, ки аз сафар зинда омаданиш дар гумон аст, вале боз ҳам бо дили пур камар баста, ба шикор мебарояд. Ба бовари мусоҳибаи паҳлавон душмани бисёре дорад: инҳо сангҷарх ё чарха, тарма, хайвоноти дарранда (хирс, паланг, гург), сардӣ ва ҳоказо ҳастанд.

Паҳлавон касе аст, ки «монанди чӯби сумбаи² худ (яъне хеле

¹ Ин мақола яке аз натиҷаҳои тадқиқоти муаллиф дар бораи шикори анъанавии мардуми Помир дар дурдасттарин нуқтаи Бадахшони Тоҷикистон (ҷамоатҳои Барвози ноҳияи Роштқалъа, Вранги ноҳияи Ишкошим, Сипончи ноҳияи Рӯшон ва Рангӯли ноҳияи Мурғоб) ва Бадахшони Афғонистон (вулусволиҳои Вахону Шуғнон) мебошад. Зимни тадқиқот бо беш аз 50 нафар, ки синну соли аксарашон аз 60 боло буда донанда ва нигоҳдорандаи фарҳанги кӯҳани шикории Помиранд, сӯҳбат орошта шуд.

² Шомпол

рост) бошад», гуфтанд ба ман шикорчиёни Шуғнони Афғонистон.

Шикор сирф кори мардон буд ва ба дунё омадани писар дар хонавода нишони зам шудани як нафар шикорчӣ ба суфуфи сайёдон буд. Барои ҳамин то ҳол ҳам дар Помир (бештар дар Шуғнонкӯча) аз қадим ҳамин чиз роиҷ аст, ки агар дар хонаводае писар таваллуд шавад, хешу табор, ҳамсояҳо ўро табрик карда, чунин мегӯянд: «мубораки тирандоз». Тирандоз гуфта онҳо қабл аз ҳама шикорчӣ, ризқоварро дар назар доштанд. Вале агар духтар ба дунё биёяд, «мубораки ҳалвопаз», дар Бартанг «мубораки ошпаз» мегӯянд. Тибқи русуми кӯҳан баъди таваллуди писар саравлоди хонавода аз чӯби беда сабз камоне метарошад ва ба он бо риштаҳои рангоранги пашмӣ (wurgh) зеҳ мебандад. Онро бо умеди камонгир ва камонвар, марди ҳақиқӣ ва сайёди хуб шудани писар ва ҳамчунин баргараф кардани дева чин аз хонаи волида ва ба дили вай роҳ надодани тарс ба дастаи гаҳвора мебандад. Умеди асосии модари кӯдаки навзод ин аст, ки писар калон шуда, хонаводаашро бо ризқ таъмин кунад. Ва ризқи асосиро дар қадим кӯҳу пушта ато мекард. Дар бархе аз деҳоти ноҳияи Роштқалъа ин одат ҳам маъмул буд, ки вақте писар таваллуд мешуд, бехтарин шикорчӣ он деҳа, ё саравлод омада, аз болои равзани хона ба сӯи кӯҳ аз силоҳи мавҷудбуда як тир холӣ мекард. Ҳадафаш аввал бонги шодӣ задан аз таваллуди паҳлавони дигар, шикорчӣ навбатӣ ба атрофиён буд. Ҳадафи дигар гурезондани дева чин аз гирду атрофи зани волида ё таваллудкарда, саввум ин буд, ки гӯши писар аз рӯзи аввал бо садои тири шикорчӣ ошно шавад ва аз он натарсад, то ин писар ҳам шикорчӣ шавад ва ризку рӯзиашро аз кӯҳ пайдо карда тавонад.

Дар водии Бартанг зимни зоида шудани писар аз пойғаҳи он хона бо силоҳ тавассути равзан ба осмон тир холӣ мешуд. Дар водии Вахон, қаблан, мувофиқи навиштаҳои граф А. А. Бобринской (1, 67-69) дар хонаводаҳои бойтар агар писар таваллуд мешуд, ба падари он писар камон ё милтиқро тӯҳфа мекарданд ва милтиқро то ҳафт рӯз дар паҳлӯи гаҳвора дароз мемонданд. Тамоми шикорчиёни деҳа ба назди хонае, ки дар он писар таваллуд шудааст, омада аз милтиқҳои худ тир мепарронданд. Дар баъзе аз деҳаҳои водии Ғунди ноҳияи Шуғнон бошад вақти таваллуди писар камон (sankamounak) сохта, бо он аз миёни пойғаҳи хона истода, як тири чӯбиро тавассути равзан ба ҳаво партоб мекарданд ва як тири дигарро дар равоқи хона (widhoum) мемонданд. Ва ин камонро сипас дар гаҳвораи писар мебастанд. Агар духтар таваллуд мешуд, ҳамчунин камон (sanich) месохтанд бо ду дона тир ва ҳар дуру дар бомпӯши хона (widhoum) мемонданд. Камони сохтаи чӯбин дар ҳолати таваллуди писар ва духтар ба ҳам шабоҳат дошта бошад ҳам,

вале мазмунан барои писар тсанкамӯнак (камони шикорӣ) буд, вале барои духтар тсанич (камонча барои тоза кардани пашм).

Дар Ишкошим, вақте таваллуди писарро мешуниданд, хама наздикон – зану мард дар хонаи волида чамъ мешуд. Мардон ҳар яке барои писар камоне, ки зеҳаш аз риштаи сурх иборат буд, меоварданд ва ин камон «хастриик» (khastriik) ном дошт. Мардон камонро супорида, дар ҳаққи писари навтаваллудшуда дуо мехонданд ва дар шахси вай шикорчии навбатиро медиданд. Дар камон ба ҷои пайкон ҷӯби ба сурати шамшер тарошидаро мемонданд. Ин камонҳоро ба арғамчине, ки дар болои сари волида аз ин девор ба он девор гузаронда шуда буд, мекашиданд ва онҳо то як ҳафта боқӣ мемонданд. Баъд аз ин камонакҳоро гирифта, боз ҳафт рӯзи дигар дар халачӯбе, ки дар девори хона халонда шудааст, овезон мекарданд. Сипас онҳоро берун оварда, дар дарахти сабзе овезон мекарданд ва ҳамин тавр мемонданд. Ин корро мардон иҷро мекарданд. Занҳо бо худ орд меоварданд ва онро ба деворҳои хона, кӯрпаи волида ва кӯдак ба сифати «мубораквунӣ» (muborakwounii) мепартофтанд. Агар духтар таваллуд мешуд, барои табрикоат ба хона танҳо занҳо меомаданд ва оине, ки зимни таваллуди писар иҷро мешуд, пурра такрор меёфт. Ин расм ҳам дар Ишкошим роиҷ буд, ки зимни таваллуди писар дӯстони падар ба хона омада аз милтиқҳо тирандозӣ мекарданд ва падар баъд аз ин онҳоро меҳмондорӣ мекард (2, 11.)

Дар водии Бартанг ин расм ҳам вучуд дошт, ки баъди таваллуди фарзанд аз саргини мол ҳафт дона саққоча месохтанд ва онро дар пеши дар ё рӯи девори ҳавлӣ мемонданд. Агар ба ин кулӯлачаҳо саргини нахчирро илова мекарданд, ба бовари онҳо баракати саққочаҳо боз ҳам афзун мешуд. Ин саққочаҳо аввалан нишон меоданд, ки дар хона волида (zechaa) ҳаст, дувум кӯдаку волидаро аз чашми бад нигоҳ медоштанд. Аз рӯзи сеюм ҳамсояҳо ҳаққи даромадан ба пеши волидаро пайдо мекарданд. Онҳо ҳар бегоҳ дар ин хона чамъ омада, рақсҳои махсус мекарданд, суруд мехонданд, шодмонӣ менамуданд. Як рақс, ки онро махсусан кампирҳо иҷро мекарданд, «пишпақ» (pishpaq) ном дошт ва он асосан дар натиҷаи зонуро ҳам зада нишастан иҷро мешуд. Кампирҳо ба зону нишаста, гирдогирди пойгаҳ худро ба ҳар сӯ ҳаво дода, бо забон пақ-пақ мекарданд ва бо даст чапак мезаданд. Бо ҳамин роҳ гӯё нерӯи аҳриманиро аз хона бадар мекарданд.

Кулӯлачаҳо аз саргини моли хонагӣ ва нахчир бошад то чихил рӯз, то аз касалии валодатӣ (zechgi) баромадани зан, дар ҷояшон боқӣ мемонданд.

Расми дигаре ҳам дар бисёр ҷойҳои Помир ривож дошт, ки агар

писар – «тирандоз» таваллуд мешуд, барои ӯ аз чӯб бозичае ме-сохтанд бо номи лукак (lukak).

Он низ ба шуғли шикор иртиботе дошт. Лукак аз як тир (serkh) ва ду чалипои (крест) аз ҳам чудо ва болои ҳаммонда иборат буд. Чалипоҳо сӯроҳ буда, аз тири чӯбӣ гузаронда мешуданд. Вақте кӯдак ноором мешуд, модар лукакро ба ҳаракат медаровард ва чалипоҳо ба ҳар сӯ ҳаракат карда, диққати кӯдакро ба худ ҷалб мекарданд ва кӯдак ҳамонро аз гирия бозмеистод. Ин ба фалсафаи ҳаёти мардуми Помир иртиботи сахт дошт, ки бунёди асосии ҳама чиз дар ҷаҳонро дар ҷаҳор аносир: хок, бод, об, оташ медонистанд. Ду чалипои ба ҳар сӯ ҳаракаткунанда рамзи ҳаракати беист ва доимии инсон ба дунёмода ба ҷаҳор сӯи ҷаҳон ва ба ду тарафи муқобил буданд. Чалипо рамзи ҷаҳор сӯи ҷаҳон (то ки писар бузург шуда ба ҷаҳор ҷониби дунё дастрасӣ дошта бошад), ризқаш нисбати «чорпо» («хайвоноти хонагиву ваҳшӣ) ҳамеша кушода бошад ва аз «chorchakhm kadenat odamen» – сағону одамони чорчашм (бадчашм) мудом дар амон бошад.

Дар Помир зани таваллудкарда то чиҳил рӯз волида (zecha) маҳсуб мешавад ва ин замонро «zechgi» мегӯянд. Бинобар ин дар хонае, ки дар он волида ҳаст, хешу ақрабо ва ҳамсояҳо бояд суннатҳои риоя кунанд. Агар касе дар рӯзҳои аввали таваллуд (zechgi) ба хона меомад, зан – модар лукакро беист меҷунбонад, то кӯдак «чил» (chil) нашавад, яъне аз ҳаракат ва афзоишу сабзиш бознамонад.

Вақте писар калон шуда, зан мегирад ва арӯсро ба хона меорад, тибқи русуми помириён яке аз ҳамсоягон (ҳатман мардина бошад, синну сол фарқ надорад), хешовандони дур ё дӯстони шахмард замони ба хонаи шахмард дохил кардани арӯс бояд рӯймоли калони арӯсиро аз болои рӯи арӯс бардорад. Ин маросимро дар Шуғнонкӯча ва Рӯшонкӯча «питспатчиид» (picpatchid) мегӯянд ва он хусусият ва қавонини худро дорад. Барои ин расмро анҷом додан, аз чӯби дарахт камоне месозанд ва он мард ба рӯи арӯс нигоҳ накарда, бо кӯмаки наздикони шахмард (модар, хола, амма) ин камонро ба рӯи арӯс наздик меоварад ва рӯймоли калонашро болои камон партофта, бо гуфтани «се падар, се модар»¹ (3 бор) рӯймодро аз ҷеҳраи арӯс бармедорад ва бо ҳамин гӯё меҳмони арӯс дар хонаи шавҳар ба итмом мерасад ва ӯ «озод» шуда, ба узвияти хонавода мепайвандад. Камонро аз дасти «падари» арӯс гирифта, дар шахсутуни хона ба муддати як ҳафта овезон мекунанд ва дар ин

¹ Мафҳуми «се падар, се модар»-ро чунин шарҳ медиҳанд: падару модари аввал – падару модари хунӣ арӯс, падару модари дувум – хусуру хушдомани арӯс, падару модари сеюм – он ки рӯи арӯсро аз рӯймоли арӯсӣ боз кард бо завҷаш.

расм ҳам нишоне аз шикори қадимаи мардуми Помир аст. Ва минбаъд ин мард падари дувуми арӯс маҳсуб мешавад ва дар Помир онро «падарарус» (яъне падари арӯс) мегӯянд ва он зан – арӯс ҳам минбаъд дар баробари падари худ ўро дигар падар ва ин мард онро (чавонзанро) духтар мегӯяд ва миёни хонаводаи шахмард ва ин хонавода қаробат ё хешовандии ғайрихунӣ ба вучуд меояд.

Як расми дигаре, ки аз русуми шикоригарӣ дар байни мардуми Помир боқӣ мондааст, ин «тирандозӣ» бо шириниҳо дар рӯзҳои тӯй ва дилхушӣ ҳаст. Онро «клӯҳак» (kloukhak) меноманд. Одатан рӯзи тӯй дар хонаҳои помирӣ мардҳо дар поён дар суфаҳо (nekh) ва занҳо дар боло дар атрофи декдон «кисог» менишинанд. Чавонмардон дар поён нишаста агар чавондухтареро маъкул кунанд, ба сӯяш моҳирона донаи ширинӣ амсоли қанди сафед, қанфет (конфета) ва ё шokolод ҳаво медиҳанд. Шарт ин аст, ки ширинии партофта бояд дар домони духтар ғалтад. Ин як навъ хушдории чавонмард ба духтар аст. Агар духтар нигоҳ накунад, чавонмард боз амалашро такрор кардан мегирад. Ҳамин тавр чавонписар духтарро водор мекунад, ки ба сӯяш нигоҳе маънидорона бикунанд. Агар чавонмард аз чониби духтар «тири чавобӣ» – ро дар шакли ширинӣ бигирад, маънояш ин аст, ки духтар аз гап задан бо чавонмард зид нест. Вале дар миёни дахҳо духтари дар хона нишаста ба нишон расидан аз чавонмард малақаҳои бузурги шикориро талаб мекунад.

Ба боварии мардуми Бадахшон оҳу ва мешак моли ҳазрати Хотуни қиёмат¹ ҳастанд. Барои ҳамин онҳо хеле пок, тоза ва озодатабиат ҳастанд. Ба ин хотир онҳоро ром (jukhte) кардан аслан мумкин нест ва онҳо дар шароити хона нигоҳ дошта намешаванд. Аз рӯи нақлҳои одамон бисёр кӯшишҳои ром кардани оҳу ва мешак анҷом шудааст, вале ҳамаи ин ба нокомӣ тамом шудааст. Ин ҳайвонот дар шароити хона зуд мариз мешаванд, аксаран чашмашон кӯр мешавад ё ба хориш дучор шуда зуд мемиранд. Ба пиндори мардум ин ҳайвонҳо «натича» яъне маҳсусиятҳои худ, муқаддасоти худро доранд ва онҳоро худованд барои табиати паҳно ва озод офаридааст.

Бисёре аз ҳамсухбатон мегуфтанд, ки гӯсфанди ваҳшӣ моли ҳазрати Иброҳим пайғамбар аст. Он аз бихишт омадааст ва бинобар ин устухони он ҳам бояд дар ҷои тоза зерӣ хок шавад ва нисбат ба он беҳурматӣ нашавад.

Чунин андеша вучуд дорад, ки чӯпони чонварони ваҳшӣ як рӯз парӣ ва як рӯз дев аст. Сайд фақат рӯзе муяссар мешавад, ки агар навбати чӯпони дев бошад. Дар рӯзи чӯпони парӣ сайд кардан ғайриимкон аст. Дар ин рӯз пеши чашми шикорчиро парда фаро

¹ Фотима – духтари Муҳаммад

мегирад ва ӯ чизеро намебинад. Вале дар вулусволии Шуғнони Афғонистон ҳамсухбатон ривоят карданд, ки чӯпони моли ваҳширо таҳти роҳбарии ҳазрати Иброҳим пайғамбар як сол дев ва як сол парӣ ба дӯш дорад. Ва шикор кардан танҳо дар замони чӯпони парӣ кардан мумкин аст, зеро парӣ бисёр раҳмдил аст нисбати инсон ва намехоҳад, ки вай бе ризқ монад.

Нахчир ё мешаке, ки шикор хоҳад шуд, ба пиндори мардум пешакӣ аз ачали худ бохабар мешавад. Ин гуна чонваронро мардум «ачалгирифта» (ajalgirifta) мегуфтанд. Онҳое, ки қаблан аз ачалашон пай бурдаанд, гӯё ҳаракат мекунанд худ ба пеши тир оянд. Шикорчиён мегӯянд, он оху ё мешаке, ки расидани ачалашро эҳсос мекунад, гӯё тамоми он шаб ба худо тавалло мекунад, ки «Худоё, маро сазои тири сӯзон ва дархӯри инсон куну сайди гургу саг не!»

Мувофиқи эътиқоди кӯҳистониёни Помир ҳар як касбу пеша дар ҷаҳон пири (яъне устои) худро дорад, ки комёб шудани ҳар кас дар ин касб аз хости пири он бастагии саҳт дорад. Бино ба эътиқоди мардум пири кишоварзӣ ҳазрати Бобои Дехқон, пири оҳангарӣ – ҳазрати Довуди Қиёмат, пири шиноварон – пири ғаввосон ва пири шикорчиёну сайёдон – Пири Паҳлавон аст. Бисёре аз шикорчиён ва афроди солхӯрдаи Помир мегӯянд, ки муҳофизи асосии чонварони кӯҳӣ, ба хусус оху ва мешак дар кӯҳу пушта Пири Паҳлавон аст ва ӯ намегузорад, ки онҳо несту нобуд шаванд. Пири Паҳлавон дар тасавури бисёриҳо аз малоикаҳо аст ва вазифааш аз як сӯ – ниғаждории чонварони ваҳшӣ бошад, аз сӯи дигар ба шикорчиён муқарраркардани ризқу рӯзист ва «наззора» кардан аз болои шикори чонварони ваҳшӣ ҳаст.

Ба боварии аксари донандагони расми шикор ва муҳофизони дониши анъанавӣ номи асосии пири Паҳлавон Аҳмад (Бартанг), Аҳмади Замчӣ (Шуғнонкӯча, Вахон) будааст. Вақте, ки шикорчиён азми шикор мекунанд, ҳатман аз Пири Паҳлавон муроду ризқ металабанд ва дар баробари «бисмиллоҳу раҳмону раҳим» гуфтан, Пири Паҳлавонро низ ёд мекунанд.

Ба боварии мардуми Помир пешаи шикорчигӣ ва сайёдӣ он қадар касби пуршараф, боэътимод ва рӯҳонӣ аст, ки агар мабодо фарди шикорчӣ дар кӯҳсору пушта ба фалокате дучор шавад, ӯ ҳаргиз беимон (беаймӯн) нахоҳад монд. Ба эътиқоди вайҳо: «Пири Паҳлавон та ви питсард хъойд» (Пири Паҳлавон дар болои сараш дуо хоҳад хонд).

Бино ба кам будани адабиёт ва манобеи таърихӣ дар бораи шахсияти Аҳмади Замчӣ, ба мо муяссар нашуд, ки чехраи таърихиву иҷтимоии вай, чӣ рабт доштаниш ба шикорро муайян ва мушаххас кунем. Дар «Луғати Деххудо» пайдо намудем, ки «Аҳмади Замчӣ ё

Замчӯ номи яке аз сарон ва паҳлавонони лашкари Абумуслими Марвазист. Муаллифи Онандароҳ гӯяд: Номи марде соҳибхавориқ, ки қиссаҳои вазъ кардаанд ва дар қиссаи Абӯмуслими Марвазӣ аксар зикри ӯ меояд. Ва дар Муйидалфазла омада: «кайфияти пайвастанӣ Аҳмад бар он ҷумла аст, ки Аҳмад ҳам ба миёни майдон омада ва бисёре аз хавориҷ кушта ва мулоқот соҳибулдаъва Абӯмуслим бозгашта ва ҷун дувум рӯз дар масоф омад ва аз пайи тариқа тешакунандагони ҷанде бо худ оварда ва миёни майдон теша дар замин фуру бурд баъди он ҳар ки аз малъунон омада, ӯро алқтеғ сохта, сари ӯ бар сари яке аз он найзаҳо мениҳод:

Дар масофи он ки хоҳад саф ту астӣ тору пуд,
Аҳмади Замчист бодо дар вағо бадхоҳтар».

Вучуди ҳарфи «ч» дар калимаи Замч аз он далолат мекунад, ки ин калима ғайриарабӣ аст ва ин маҳал бо эҳтимоли бештар ба манотиқи форсшинон дахл дорад. Қадом рабт доштани он бо замч (селитра), ки маводи асосии табиӣ барои тайёр кардани борут ҳаст, пажӯҳиши амиқтаре меҷӯяд.

Доир ба мавзӯи Замч луғатномаҳои форсӣ ҷунин итилоъ медиҳанд: «Замч: Мавзӯест дар Хурӯсон ва Аҳмади Замчӣ ба он мавзӯ мансуб аст. Яке аз деҳистонҳои баҳши Шиштамади Шаҳристони Сабзавор ва маркази он Шиштамад аст. Ин деҳистон аз ховар ба деҳистони Шомкон ва аз боҳтар ба деҳистони Фуруған ва Ҳамоч ва аз шимол ба Колшур ва баҳши ҳумаи Сабзавор ва аз ҷануб бо деҳистони Хавошед маҳдуд аст. Ноҳияест куҳистонӣ ва аз 16 ободии бузургу кӯчак ташкил ёфта 6770 тан сукуна дорад. (аз фарҳанги ҷуғрофиёи Ирон)».

Аз манбаъи дигар фаҳмида тавонистем, ки мақбараи паҳлавон Аҳмади Замчӣ дар хоки Афғонистон, аниқтараш дар Балх воқеъ аст. Вале то ҳанӯз ба мо муяссар нашудааст, ки мушаххас кунем Аҳмади Замчӣ ба шуғли шикор дар Помир, ба шикорчиёни ин минтақа чӣ робитае дорад?

Бояд гуфт, ки дар бораи шахсияти Пири Паҳлавон дар байни мардуми Помир ақидаҳо гуногунанд. Баъзе аз донандагони дониши анъанавӣ ва расми шикорчигӣ дар ноҳияи Роштқалъа муътақиданд, ки пири шикорчиён Шоҳи Тирандоз будааст. Дар ноҳияи Роштқалъа дар пеши рӯи деҳаи Бижур кӯҳи зебо, болобаланд ва побарҷоест бо номи Шоҳи Тирандоз. Ин кӯҳ муқаддас маҳсуб мешавад ва сокинони деҳоти атрофи он мегӯянд, ки дар болои он мазори Шоҳи Тирандоз вучуд дорад. Бисёриҳо бар он ақидаанд, ки Шоҳи Тирандоз низ Пири шикорчиён будааст. Дар ин диёр, дар рустоҳои атрофи Шоҳи Тирандоз умдатан касе, ки ба шикор баромаданӣ мешавад, рӯ ҷониби мазоркӯҳи Шоҳи Тирандоз мекунад ва мурод ме-

талабад: «Ё Шойи Тирандоз, ривоч дъадъ» (Ё Шоҳи Тирандоз, ризку рӯзӣ деҳ!)»

Дар деҳоти Бартанг мегӯянд: «Ё пирик кухъихъ дак». («Кухъихъро дар ин чо мардум ба маънои мадад медонанд») ва «Ё Пири Паҳлавон Аҳмад, мадад!».

Мардуми Дарвоз (Ёгед) пири сайёдонро ҳазрати Довуд мегӯянд. Дар ин деҳа ҳар касе ба шикор машғул шуданӣ бошад, дар навбати аввал аз шикорчиёни солхӯрда дуо мегирад.

Мусулмонони исмоилии Помир дар гузашта ҳар як амали худро тибқи фармудаҳои рисолаҳо анҷом медоданд. Ҳар як касбу кор, пеша, шуғл, суннат рисолаи худро дошт. Масалан рисолаи оҳангар, дӯзанда, бознома (нигоҳдории боз (боша), фараснома (аспарварӣ) ва ҳоказо. Аз ҷумла рисолаи шикор ё туфанг ҳам мавҷуд буд, ки асосан барои шикорчиён ва туфангдорон пешбинӣ шуда буд. Маънои рисола дар ин лаҳза қабл аз ҳама маънои дастур ва роҳнаморо дошт. Тавре бо чанде аз рисолаҳо шинос шудем, дар онҳо дар чаҳорҷӯби ахлоқи исломӣ чӣ тавр анҷом додани ин ё он шуғл нишон дода шудааст. Дар бисёре аз рисолаҳо ба гуфтаҳои Имом Чаъфари Содӣқ таъя мешавад. Ин рисолаҳо дар дасти халифаҳои маҳал (муллоҳо) мавҷуд буданд ва ҳар касиб ба ҳар пешае, ки даст мезад, назди мулло мерафт ва аз ӯ барояш ин рисолаҳо дар шакли тӯмор ва ё ҳайкал (hekal) мегирифт. Соҳибкасб онро ё дар хона, ё дар коргоҳ ва ё чун бозубанд дар дасташ баста мегашт. Чунин боварӣ вучуд дошт, ки баъди гирифтани рисола ва ҳамроҳи худ нигоҳ доштани он, кори он шахс барор мегирад, касбаш пеш меравад ва ризқаш фаровон мешавад.

Одатан шикорчӣ ин рисолаҳо дар бозуи худ мебастан ва бо он худро нотарс, ҷасур, ҷолок ва мерган эҳсос мекард.

АДАБИЁТ

- 1 А.А. Бобринской. «Горцы верховьев Пянджа» (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. – Москва, 1908.
2. Андреев М.С. и Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Срелней Азии. Вахан и Ишкашим. Сборник музея по антропологии этнографии при Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург, 1911.

КУЛЬТ И ТРАДИЦИИ ОХОТЫ НА ПАМИРЕ

К. Аламшоев

кандидат исторических наукБ старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии Института гуманитарных наук им.Б.Искандарова Академии наук Республики Таджикистан.
Тел.: 992 93 500 45 96. E-mail: akurbon@gmail.com

В течение многих веков охотничье ремесло для местного населения Памира, которое проживало в географической и климатической изоляции, являлось одним из важнейших занятий. Охота на диких парнокопытных животных не только поддерживала жизнедеятельность горного населения, но и породила огромнейшую культуру отношений с дикой фауной. Как одна из самых древнейших занятий памирцев, охота приобрела сакральное значение и тем самым стала причиной появления множества культов. Некоторые из них, которые автор собрал в отдаленных горных кишлаках Памира, рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: охота, охотник, Памир, богатырь, стрелок, сын, Пири Пахлавон.

КУЛЬТ И ТРАДИЦИИ ОХОТЫ НА ПАМИРЕ

K.Alamshoev

Candidate of historical sciences, Senior researcher Department of History, Archaeology and Ethnography Institute of Humanities B.Iskandarov behalf of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
Tel.: 992 93 500 45 96. E-mail: akurbon@gmail.com

For many centuries, hunting for the craft of the local population of the Pamirs, who lived in the geographical and climate insulation is one of the most important lessons. Hunting for wild cloven-hoofed animals not only supported the livelihoods of mountain people, but also spawned a huge culture of relationship with wildlife. As one of the most ancient activities Pamirians hunting acquired sacred significance, and thus gave rise to a lot of cults. On some of them, which the author has collected in remote mountain villages in the Pamir, described in this article.

Keywords: hunting, hunter, warrior, shooter, son, Piri Pahlavon.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(по материалам регионального проекта центра
«Душанбе Арт Граунд»)

СУРАЙЁ ТУЙЧИЕВА

кандидат исторических наук, старший преподаватель Института
изобразительных искусств и дизайна Таджикистана
пр. Айни 31, 734012, Душанбе, Республики Таджикистан
эл. почта suriko@hotmail.co.uk, тел. (+992) 223 19 05

Проект «Публичные пространства в действии: картография, активация, переосмысление статуса общественных пространств в Центральноазиатском контексте» (июнь 2014 – март 2015гг.) осуществлялся в Душанбе, Алматы и Бишкеке. Главными его задачами были анализ процесса трансформации публичных пространств в постсоветском контексте и изучение их статуса в аспекте коммерциализации и частных интересов через переосмысление их содержания средствами современного искусства и социальных практик.

Ключевые слова: пространство, публичность, анализ, трансформация, контекст, городская среда, переосмысление.

Проект «Публичные пространства в действии. Картография, активация, переосмысление статуса общественных пространств в Центральноазиатском контексте» (июнь 2014 – март 2015гг.) начал реализовываться на новой площадке центра современного искусства «Душанбе Арт Граунд» в Институте изобразительного искусства и дизайна Таджикистана. Подготовка проекта велась задолго до начала его реализации, так как необходимо было решить множество технических и организационных задач в соответствии с разработанной концепцией. Она была направлена на то, чтобы понять и проанализировать процессы, происходящие за трансформацией городской среды, преобразованием публичного пространства, общественных мест в постсоветском пространстве и исследовать их статус в Центральной Азии средствами актуального искусства (куратор Штефан Русу).

Проект состоял из следующих этапов: исследовательско-документальной лаборатории, теоретических семинаров, ряда арт – проектов, которые были реализованы участниками из Центральной Азии (Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан). Для того, чтобы понять динамику трансформаций общественных мест в регионе Центральной Азии, были организованы выездные мобиль-

ные мастерские по исследованию урбанистической среды. Они позволили подвергнуть сравнительному анализу и исследовать процессы, происходящие за трансформацией, картографированием, планированием, использованием и коммерциализацией общественного пространства в настоящее время.

Приглашенные кураторы представили пятнадцати участникам проекта примеры своего понимания трансформации публичных пространств, его использования художниками для реализации своих проектов. Лаборатория включала в себя презентации, экскурсии по городам Душанбе, Алматы, Бишкек, в архитектурном пространстве которых в последнее время произошли значительные преобразования.

В начале так называемые «архитектурные активисты» Анна Джокич и Марк Неелендуэт соответственно из Белграда и Роттердама поделились уникальным опытом исследования изменений своих городов. Затем таджикский культурный активист и журналист Гафур Шерматов поделился своими знаниями истории строительства Душанбе как города-столицы и провел экскурсию, которая позволила увидеть насколько трансформировались объекты и территория города, благодаря коммерциализации.

После презентаций участники разделились на 3 группы и выбрали по собственному усмотрению объекты в городской среде Душанбе, которые они желали бы подвергнуть всестороннему анализу. В результате родились мини – проекты каждого автора с фотоотчетом и информацией. Для сбора сведений участники использовали различные источники: интервью с жителями и сотрудниками данных объектов, Интернет, архивные данные, фотоколлекции и т.п.

Такая форма исследований пополнялась и теоретическими семинарами с лекциями, среди которых следует выделить экскурсию с архитектором-урбанистом Салией Мамаджановой и художником Сулаймоном Шарифи, которые рассмотрели облик жилых многоэтажек в Душанбе 70-х годов, памятники архитектуры и украшавшие их в прошлом мозаичные панно.

Куратор из Грузии Нини Палавандишвили *Undergo. The parallels* рассказала о преобразованиях городской среды и связанных с ней проблемах, подняла вопросы и проблемы, которые, как правило, умалчиваются. Другой куратор из России Нелли Коржова показала, как взаимодействует современное искусство с городской средой и даже русской деревней. Штефан Русу, задавшись вопросом «Что делать с публичными пространствами?» попытался решить его на примере проекта «Кишинев – искусство, исследование в публичной

сфере». Он выявил связь между политическими и культурными символами, пропагандой и ее влиянием на городскую среду, попытался интерпретировать общественное пространство западных столиц. Куратор из Гонконга Космин Костинас проследил историю этого мегаполиса с 2003 года, сопоставляя ее с современной культурой и политикой.

Параллельно с лекциями участники обсуждали актуальность своих проектов, технические стороны их реализации. Отдельные участники, например, Алексей и Алла Румянцевы (Таджикистан) столкнулись с определенными трудностями. Их проект «Неявление», был связан с изменением функции здания Государственного института изобразительного искусства и дизайна Таджикистана, в котором до недавнего времени, в течение 50 лет, располагался республиканский музей им. Камолитдина Бехзода. За это время музей посетили сотни тысяч человек, но никогда в его стенах не было проведено ни одной выставки миниатюр великого гератского живописца XV-XVI вв., не было выставлено даже ни одной копии его работ. Авторы проекта решили выставить репродукции композиций Бехзода, из которых были удалены все фигуры, но оставлены только фоны (пейзажи или интерьеры) и рамки, словно персонажи так и не явились в свои «родные пенаты» и не смогли предстать перед зрителем. Это была своеобразная акция по восстановлению «исторической справедливости».

Изначально реализация проекта планировалась в стенах кафе на территории бывшего музея. Таким образом, посетителями выставки стали бы обычные работяги, трудящиеся на базаре по соседству, или же случайные посетители данного заведения. Но художники и их проект столкнулись с непониманием хозяев кафе, а потому презентация прошла в стенах самого Института. Это привело к камерности проекта, но пришедшие на презентацию зрители более глубоко прониклись в содержание проекта.

После окончания работы исследовательско-документальной лаборатории и теоретических семинаров участники из Средней Азии разъехались, чтобы доработать индивидуальные проекты и подготовиться к их реализации. Некоторые из них прибыли на финальную часть проекта для активации ряда публичных мест в Душанбе, другие смогли реализовать свои замыслы, контролируя сам процесс онлайн. К последним относятся проекты Бахытжана Салихова (Казахстан) «Лучшие горожане» и Гульбары Оморовой (Кыргызстан) «Памятники – часть нашей истории и культурное наследие страны».

В октябре 2014 года начался ряд финальных публичных меро-

приятий основного проекта: перформанс Евы Рудницкой (Польша), экскурсия Сулаймона Шарифи (Таджикистан), а также презентации участников из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана.

Художник из Таджикистана Сулаймон Шарифи провел весьма поучительную экскурсию «Скрытая мозаика» на текстильной фабрике «Гулистон». Он представил историю предприятия в архивных данных, интервью с сотрудниками предприятия и собранную им информацию. Участники встречи увидели мозаику, созданную в советский период во внутреннем дворе. Она скрыта от взора общестственности, и это ее месторасположение сыграло положительную роль в истории ее существования, так как она до сих пор не уничтожена любителями «новодела». Иная судьба была уготовлена мозаике, которая расположена на фасадной стороне здания – его торце, который обращен в сторону оживлённой улицы Бухоро. Несколько лет назад на участке территории между торцом и дорогой была построена гостиница, стены которой заслонили мозаику, и она как бы оказалась «законсервирована». Сулаймон Шарифи своей лекцией стремился напомнить сообществу о том, что скрыто за железобетонным телом гостиницы, задуматься о балансе и значимости объектов публичного пространства (в данном случае оригинальная авторская мозаика и почти типовая коробка гостиницы).

Ева Рудницкая из Варшавы для своей презентации выбрала два велосипеда с прицепами, которые проехали по улицам города от центра «Душанбе Арт Граунд» до пункта назначения и привезли оборудование в виде раскладной палатки. Она была установлена в Детском парке в центре города как место встреч, обучения, обмена мнениями и открытий. Простота, мобильность и неформальный характер этой эфемерной арт-инсталляции позволили присутствующим не только созерцать, но, прежде всего, принять активное участие в публичной программе. Палатка быстро привлекла к себе внимание представителей молодого поколения столицы. Здесь же прошла презентация Детско-юношеского центра и музыкальное выступление его участников. Этот своеобразный хэппенинг оживил парк на несколько часов, активировал местность, в чем и заключалась идея проекта польского архитектора.

Группа из трех участников – Бахытжан Салихов, Асель Есжанова (Казахстан) и Сурайе Туйчиева (Таджикистан) – выбрали для исследования территорию с новыми национально значимыми объектами и символами столицы: Дворец Нации, Национальный Музей Таджикистана, Флагшток, Амфитеатр. Показательным был фотоотчет данной территории, разделявший историческое время на «до» и

«после». Одной из целей исследования было собрать информацию о расположении (почему этот объект построен именно в данном месте, чем оно привлекательно). Таким образом, группа не ставила перед собой задачу субъективного взгляда на трансформацию пространства, эта была возможность для участников самим оценить изменения и сделать собственные выводы.

Другая серия публичных мероприятий прошла недалеко от здания бывшего кинотеатра «8 Марта» (летняя зона). Это место – знаковое для советской молодёжи. Построенное в 1942 году здание в скором времени подвергнется трансформации. Уже и сейчас оно не несет прежних функций и адаптировано согласно коммерческим целям : стало столовой с национальной кухней.

Группа из трех участников – Гульбара Оморова (Кыргызстан), Ситора Турсунова и Бахтиёр Рахимов (Таджикистан) – исследовала данную территорию и представила ее в виде исследовательско-документальной части проекта. Здесь прошли и медиа – проекты «На улицах древней Бухары» Александра Николаева (Узбекистан), «Трансформация публичных пространств в Алматы» Сакена Нарынова из Казахстана, лекция Гафура Шерматова «Исчезающий город. Парки Душанбе». Последняя была своего рода ностальгическим выступлением об исчезающих и уже исчезнувших парках столицы Таджикистана, что вызвало ряд интересных обсуждений. Лекция Сулаймона Шарифи «Мозаики Душанбе» явилась продолжением его же исследования, основанного на сохранении уникальных объектов столицы как художественной ценности.

Презентация узбекского мастера Александра Николаева «Мой город. Выбор» была посвящена интенсивному строительству в государствах Центральной Азии, где существует стремление выделиться из серой одинаковости, повседневности социалистического прошлого, планового строительства и обрести собственную идентичность. Автора беспокоит вид из окна своего дома в Ташкенте, из которого видна огороженная территория под строительство, о котором идут споры и существуют многочисленные догадки о том, что же будет построено на данной территории. Художник обратился к собравшимся по поводу их версий и получил ответы – от высотного госучреждения, жилого элитного дома до мечети. Таким образом, данный хеппинг позволил зрителям сделать свой выбор и стать на какой-то момент прорицателями, вершителями судеб строительства, чего лишены рядовые жители республик Центральной Азии.

После публичных мероприятий в Душанбе проект «Публичные пространства в действии. Картография, активация, переосмысление

статуса общественных пространств в Центральноазиатском контексте» были развернуты мобильные мастерские в Алматы (2-5 февраля 2015г.) и Бишкеке (2-5 марта 2015г.) с новыми исследованиями и новыми участниками. В них участвовали Джамшед Холиков, Мурод Шарипов и Штефан Русу от Таджикистана.

Владимир Юс в Алматы поделился своими знаниями и опытом в рекультивации общественных пространств с помощью художественных практик в сочетании с целым рядом проектов, организованных Ассоциацией молодых художников Oberliht. Экскурсии по городу с Раушан Атагуловой и Алмагуль Раманкуловой позволили исследовать общественные пространства и сооружения Алматы, построенные в советский период, их изменения в последние 25 лет после обретения Казахстаном политической независимости. Также состоялся анализ трансформации общественных мест.

Мобильная мастерская в Бишкеке стала площадкой для взаимодействия участников проекта. Ана Джокич и Марк Нелен здесь также провели ряд лекций: «Практика в действии», «Город: товар или общественное достояние». Были организованы обзорные экскурсии по городу Бишкеку с местными гидами – художниками. Наталья Андрианова представила обзорную экскурсию «Общественные пространства – реализация плана и мечты о рае», а Гульнара Курманова – «Парки и зеленые зоны южной части Бишкека».

В столице Кыргызстана прошли рабочие сессии во время которых участники собрали данные и произвели их всесторонний анализ, касающийся причин, главных авторов, а также последствий городских трансформаций и их воздействия на общественные нормы и стандарты.

Настоящий проект, охвативший несколько республик Центральной Азии, показал, что важной этнокультурной доминантой современного общества региона остается идея уникальности цивилизации, сложившейся здесь на протяжении нескольких тысячелетий. Однако время требует значительной модернизации традиционных способов изобразительности и освоения других видов визуального искусства, когда произведение уже не является «вещью», а представлено в виде перформанса, видео, хеппеннга и т.п. Новые средства выразительности позволяют более наглядно представить протест не через простое отрицания происходящего, а через его анализ, историю объекта. Именно к таким решениям стремились участники проекта из Душанбе, Бишкека и Алматы.

Более подробно ознакомиться со всей информацией о региональном проекте «Публичные пространства в действии. Картография, активация, переосмысление статуса общественных про-

странств в Центральноазиатском контексте» и его визуальным блоком можно будет в каталоге, который в скором времени выйдет свет.

**HISTORICAL TRANSFORMATION OF URBAN
ENVIRONMENT IN CENTRAL ASIA
(regional project of the center»Dushanbe Art Ground»)**

Surayyo Tuychieva

Kandidat of History, Senior Teacher, Institute of
Visual Arts and Design of Tajikistan

31 Aini av., 734012, Dushanbe, Tajikistan

E-mail suriko@hotmail.co.uk, тел.(+992) 223 19 05

The project» «Spaces on the run – Mapping, activating, rethinking the status of public spaces in Central Asian context»« (june 2014 – march 2015.) took place in Dushanbe, Almaty and Bishkek. Its aims were to analyze the processes behind recent transformations of the public spaces in post-socialist context and investigate their status challenging the consumerist and private interests by re-thinking the public space through contemporary art and social practices.

Key words: space, public, analyze, transformation, context, urban environment, re-thinking.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ТАДЖИКИСТАНА В 2001-2011гг.

МАНЗУРА ХАСАНОВА

научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии
им. А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан
тел.2213742; manzura_h@mail.ru

В статье рассматривается музыкальная жизнь Таджикистана с 2001 по 2011 годы. Этот период знаменателен тем, что появляется ряд указов президента страны и решений правительства, которые сыграли важную роль в развитии музыкальной культуры Таджикистана.

Ключевые слова: музыкальная жизнь, концерты, репертуар, композитор, произведения.

В рассматриваемом периоде (2001-2011гг.) музыкальная жизнь Таджикистана стала более насыщенной по сравнению с предыдущим десятилетием. Это было связано, прежде всего, со стабилизацией политической обстановки в республике, хотя основные проблемы касающиеся культуры оставались актуальными и для этого периода. Принятие ряда указов президентом и решений правительства Таджикистана, сыграли важную роль в дальнейшем развитии музыкальной культуры республики. Так, в 2000г. был издан Указ за номером 294 президента РТ Э. Рахмонова «О дальнейшем развитии музыкального искусства Шашмаком в Республике Таджикистан». 12 мая был объявлен Днём Шашмакома [1]. После принятия данного Указа в республике повсеместно стали открываться детские школы – студии, ансамбли макома. В 2003г. была образована Академия макома, которой по настоящее время руководит народный артист Таджикистана, кандидат искусствоведения А.Абдурашидов. В 2005г. была открыта детская музыкальная школа Шашмакома при вышеназванной Академии. Эти меры были приняты, прежде всего, для того, чтобы привлечь молодые таланты к изучению культурного наследия таджикского народа «Шашмаком», дальнейшего его развития и популяризации в мировом сообществе. Ежегодно 12 мая в День Шашмакома проводятся концерты, конкурсы, фестивали, а также научные конференции, симпозиумы, заседания «круглого стола», посвященные проблемам истории, теории и современной музыки.

Особое значение для таджикской культуры имел Международный семинар, проведенный 2-4 декабря 1999 г. на тему «Таджикская музыкальная культура 21 века: приоритеты развития» [2], на

котором были рассмотрены вопросы профессионального музыкального образования в Таджикистане в начале 21 века. Обращение всех участников семинара к Президенту страны явилось одним из оснований для Постановления Правительства РТ от 10 мая 2003г. «О создании Таджикской национальной консерватории» [3]. Образованная на базе исполнительского факультета Таджикского государственного института искусств им. М.Турсун-заде, консерватория на протяжении последних лет стала не только центром воспитания музыкальных кадров республики, но и местом проведения различных сольных и камерных концертов, музыкальных фестивалей и конкурсов. С 2007 года Консерватория носит имя таджикского композитора Талабшо Сатторова, который был ее первым ректором. Начиная с 2007 по 2011гг., Таджикская национальная консерватория и министерство культуры Таджикистана при финансовой поддержке таджикского филиала Фонда Сороса проводила Международный фестиваль музыки «Бахористон», в котором принимали участие музыканты стран Центральной Азии и России. Первый фестиваль привлек ректоров, педагогов и студентов национальных консерваторий Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, России и Таджикистана.

В 2008 г. на фестиваль собрались камерные оркестры консерваторий этих стран. Тогда же был создан объединённый симфонический оркестр.

В 2009 г. на III Международном фестивале профессионального музыкального искусства «Бахористон» приняли участие пианисты Дэвид Кореваар (США), Зайтуна Нарынбаева и Гульшан Конушева (Кыргызстан), Сергей Ким (Казахстан), а также представители России Валерий Шкарупа и Вазген Вартанян.

В 2010 г. Международный фестиваль «Бахористон» был посвящен 200-летию со дня рождения выдающихся композиторов – романтиков Ф.Шопена и Р.Шумана.

В 2011г., когда отмечалось 20-летие независимости Республики Таджикистан, «Бахористон» был посвящен музыкантам – соотечественникам, ныне проживающим и работающим за пределами Таджикистана, в числе которых композиторы П.Турсунов, П.Тураби, А.Бакаев, Б.Юсупов, скрипачка С.Кашгарова, пианисты В.Шкарупа, Г.Иноятова и др. Этот фестиваль заметно оживил музыкальную жизнь Таджикистана.

В этот период композитор Т.Шахиди продолжает свою активную деятельность по пропаганде музыкального искусства. Организованный им камерный оркестр «Гармония мира», как и прежде, знакомит слушателей с классической и современной музыкой, в том

числе таджикской. Причем выступления проходили не только в столице, но и в других городах и районах республики, порой и в полевых условиях. Так, в 2001г. был дан концерт в женской тюрьме Худжанда, на котором были исполнены произведения И.Баха, С.Рахманинова, А.Одинаева, А.Бабаева и Т.Шахиди [4].

Т.Шахиди был также организатором концертов в Душанбе Валерия Шкарупы, лауреата Международных конкурсов им. Ф.Листа в Будапеште и им. С.Рахманинова в Москве, Заслуженного артиста РФ, профессора Екатеринбургской консерватории им. М. Мусоргского. Выпускник Таджикской республиканской средней специальной музыкальной школы им. З.Шахиди, В. Шкарупа приезжает ежегодно в Душанбе с концертами, в программу которых обязательно включает произведения таджикских композиторов: Т.Шахиди, З.Миршакар, Т.Сатторова, Л.Толис и др. В настоящее время В.Шкарупа является ректором Екатеринбургской консерватории.

Один из последних концертов цикла «Классика и современность», инициатором которого был Т.Шахиди, состоялся в сентябре 2011 г. в Таджикской национальной консерватории им. Т. Сатторова. В программу были включены произведения композиторов В.А.Моцарта, А.Бабаджаняна, Ю.Тер-Осипова, Л.Толис и Т.Шахиди [5].

Указом Президента РТ от 8 августа 2007г. «О Дне Фалака» [6], этот древний музыкальный жанр получил новый импульс для дальнейшего развития и популяризации. В советские годы Фалак был незаслуженно обойден вниманием музыковедов и исполнителей и не получил должного освещения и распространения. В рассматриваемый автором статьи период в Душанбе и Кулябе были открыты школы Фалака, инициатором которых стал народный артист Таджикистана Д.Холов, в Таджикской национальной консерватории также была открыта кафедра Фалака. Стали проводиться фестивали и конкурсы Фалака. Так, в 2004 и 2009гг. в Душанбе, а в 2006г. в Кулябе были проведены Международные фестивали-симпозиумы «Фалак», которые привлекли известных исполнителей и искусствоведов из Афганистана, Ирана, Узбекистана, Индии и Таджикистана. Фалак стал предметом пристального изучения музыковедов. К примеру, в 2009г. музыковед Ф.Азизи защитила докторскую диссертацию на тему «Маком и фалак как явления профессионального традиционного музыкального творчества таджиков».

Композиторы Таджикистана продолжают создавать преимущественно вокальную и камерно-инструментальную музыку. Крупные же произведения из-за неукомплектованного симфонического ор-

кестра и отсутствия профессионального дирижера в Таджикистане чаще всего исполняются за пределами республики. Например, на авторском концерте Т. Шахиди, которой состоялся в 2006г. в Концертном зале им. П.Чайковского в Москве, под управлением известного дирижера В.Гергиева, были исполнены поэмы композитора для большого симфонического оркестра «Празднество», «Садо» и «Поэма для оркестра» [7].

Таджикской государственной театр оперы и балета им. С.Айни по –прежнему является средоточием музыкальной жизни республики. Несмотря на огромные сложности, театр продолжает выполнять свою основную задачу – быть центром эстетического воспитания и духовного обогащения жителей республики. Одной из основных проблем театра является восстановление разностороннего репертуара, который был, создан еще в 70-80-е годы прошлого столетия и когда каждый вечер в театре шли оперные или балетные спектакли. Для решения этой проблемы нужна, прежде всего, финансовая поддержка правительства с тем, чтобы привлечь высококвалифицированные кадры – солистов оперы и балета, хора, кордебалета, музыкантов оркестра, режиссеров, художников, балетмейстеров, хормейстеров, дирижеров. Показательным в этом плане стал 2009г., когда в Душанбе был приглашен итальянский дирижер Жерардо Колелла, который проработал в театре год. С его приходом коллектив театра добился больших успехов. Благодаря его требовательности и огромному труду всего коллектива профессионализм солистов и оркестра возрос настолько, что дало возможность проводить симфонические концерты и музыкальные спектакли на очень высоком профессиональном уровне. Колелла осуществил на сцене Таджикского театра постановку оперы Дж.Верди «Аида».

В рассматриваемом в статье десятилетии в Таджикском театре оперы и балета состоялась премьера новой оперы М.Бафоева «Шайхурраис Ибн Сино» (2011г.) либретто К.Олимова по пьесе М.Бехбуди и М.Фархата.

Несмотря на все трудности, солисты театра оперы и балета им. С.Айни продолжают активно участвовать в музыкальной жизни республики. Наряду с уже известными солистами, такими как Б.Маматкулов, А.Мирраджабов, С.Нуруллаев, на сцене театра появилась и одаренная молодежь. Ярким дарованием отличается Ш.Усманова – выпускница Национальной консерватории Таджикистана им. Т.Сатторова, класс Б.Маматкулова, лауреат международных конкурсов. Как солистка театра оперы и балета им. С.Айни она спела ведущие партии в операх «Золотой кишлак» Д. Дустмухаме-

дова (Лайли), «Рудаки» Ш.Сайфиддинова (Нигина), «Аида» Дж.Верди (Великая жрица) «Кармен» Ж.Бизе (Кармен).

Важными событиями в музыкальной жизни республики стали проведения Дней культуры различных стран, в которых принимали участие ведущие творческие коллективы и исполнители. Так, в апреле 2004 г. и в октябре 2010 г. состоялись в Таджикистане Дни культуры Российской Федерации.

Ранее, в 2005 году, в Москве проходили Дни культуры Таджикистана. Дни культуры Таджикистана в Российской Федерации были проведены и в 2011 году. В разные годы также в Таджикистане были проведены Дни культуры Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, КНР, Индии и Дни таджикской культуры соответственно в этих странах.

После определенного «затишья» в музыкальной жизни Таджикистана, особенно середины 90-х годов, в республику стали приезжать с гастролями солисты и музыкальные коллективы из других стран Содружества, а также дальнего зарубежья. Так, осенью 2004 года, когда в Таджикистане отмечалось 80-летие города Душанбе, в столице республики прошли гастроли Большого театра с участием ведущих солистов оперы и балета и симфонического оркестра под управлением Александра Титова. Москвичи показали фрагменты из балетов «Спартак» А.Хачатуряна, «Дон-Кихот» Л.Минкуса, опер «Евгений Онегин» П.Чайковского, «Кармен» Ж. Бизе, «Снегурочка» Н. Римского-Корсакова, «Фауст» Ш. Гуно. Гала-концерты начинались с увертюры к опере М. Глинки «Руслан и Людмила», а второе отделение – полонезом из оперы П.Чайковского «Евгений Онегин»[8].

18-19 сентября 2008 года в Душанбе прошел III Форум творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ. В рамках его культурной программы выступил известный пианист Денис Мацуев с Молодежным симфоническим оркестром СНГ под управлением Юрия Симонова. В программе концерта прозвучали Увертюра к «Эгмонту» Бетховена, Второй фортепианный концерт С. Рахманинова.

В эти годы широко был представлен популярный жанр эстрадной музыки. Так, дважды подряд, в 2010 и 2011 гг. в Душанбе был проведен Международный музыкальный фестиваль «Небо Содружества», на котором выступили молодые эстрадные певцы из стран СНГ.

В разные годы в Душанбе приезжали с концертами и другие российские звезды и эстрадные группы, в том числе группа «На-на», руководитель Б.Арибасов (1999 г.), О. Газманов, Лада Дэнс,

Д.Маликов, группа «Блестящие» (2000г.); Авраам Руссо, Жасмин (2004г.). И.Кобзон (2007г.) и др.

С обретением суверенитета Таджикистан стал укреплять культурные связи с Исламской Республикой Иран, с которым связывают общие история, язык, литература и искусство. Появилась возможность услышать иранских музыкантов и певцов у нас в республике. Так, в разные годы с концертами сюда приезжали иранские певцы Саттор, Муин, Лайло Фурухар, Анди, Мансур и др. В то же время многие известные таджикские исполнители и педагоги стали ездить с гастролями по городам Ирана, знакомя их жителей с таджикским искусством, а также делясь своим преподавательским опытом. На протяжении нескольких лет в Тегеране проживала и успешно занималась исполнительской и преподавательской деятельностью известная пианистка, выпускница Московской консерватории им. П.Чайковского Дильбар Хакимова, воспитавшая немало талантливых учеников.

Музыковедение Таджикистана, также как и все другие отрасли искусства в 90-х годах прошлого столетия, пребывало в глубоком кризисе. Многие музыковеды покинули республику и успешно работают в других странах, а те, кто остался, пытаются по мере возможности не прекращать своей деятельности. К сожалению, в последнее время в средствах массовой информации республики почти не встретить рецензий на то или иное музыкальное произведение или концерт. Тем не менее, в этот период появляются в свет работы музыковедов Ф.Азизи, А.Низамова, Б.Кабиловой, Л.Назаровой, Н.Хакимова, Ф. Ульмасова и др., посвященные различным проблемам истории и теории таджикской музыки. Так, в указанный период были изданы фундаментальные работы по материалам искусствоведческих экспедиций Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук Таджикистана 50 – 80 годов XX столетия: «Музыкальное искусство Памира» (3 книга), в соавторстве Ф.Кароматова, Н.Нурджанова, Б.Кабиловой, «Мавриги» Н.Нурджанова, Б.Кабиловой. Благодаря этим трудам сохранена самобытность музыкального искусства таджикского народа в своем первоначальном виде.

В эти годы были защищены диссертации по проблемам истории и теории таджикской музыки. В их числе докторские диссертации А.Низомова «Суфизм в контексте музыкальной культуры народов Центральной Азии» (1998г.) и Ф.Азизи «Маком и фалак как явления профессионального традиционного музыкального творчества таджиков» (2009г.); кандидатские диссертации А. Абдурашидова «Танбур и его функции в изучении ладовой системы Шашмакома»

(1991г.), С.Худойбердыева «Функциональные особенности традиционного дутара в музыкальной системе таджиков и узбеков» (1995г.), Б. Кабиловой «История становления и развития композиторского искусства в Таджикистане» (2005г.), А.Зубайдова «История профессиональной деятельности народных музыкантов Таджикистана в 30 – 80-е годы XX века» (2005г.), А.Галиахметовой «Национальные особенности ритмики в скрипичных миниатюрах современных композиторов Таджикистана» (2011г.).

Оценивая результаты музыкальной жизни Таджикистана первого десятилетия XXI в., можно отметить вполне реальные достижения. Композиторы Таджикистана продолжают создавать оперы, балеты, симфонические и камерные произведения, песни и романсы, инструментальную и сценическую музыку. Между тем, одна из важнейших задач на сегодняшний день – добиться того, чтобы по возможности большее число вновь появляющихся произведений получало настоящий художественный и общественный резонанс, как это было в советские годы, когда в республике полноценно функционировал симфонический оркестр, который на высоком профессиональном уровне исполнял такие произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Республики Таджикистан № 294 от 12 мая 2000г. «Чумхурият», 2000, 20 мая.
2. Международный семинар: Таджикская музыкальная культура начала XXI века: приоритеты развития». Душанбе. 1999г.
3. Постановление Правительства Республики Таджикистан «О Таджикской национальной консерватории» от 10 мая 2003г. «Чумхурият», 2003, 17 мая.
4. «Ленинабадская правда». 2001, 24 октября; Р.Муъминова. Савту суруд дар маҳкамаи занон. «Ҷақиқати Ленинобод», 2001, 12 декабр.
5. Программка концерта. 2011, 30 сентября.
6. Указ Президента Республики Таджикистан №299 «О Дне фалака» от 8 августа 2007г. «Чавонони Тоҷикистон», 15 август.
7. Музыка Т.Шахиди прозвучала в концертном зале им. П.Чайковского. «Народная газета», 2006, 14 июня.
8. Большой театр в Таджикистане. «Народная газета», 2004, 7 ноября; Театри калони Русия дар Тоҷикистон. «Адабиёт ва санъат», 2004, 25 ноябр; Bravo, Россия! ASIA-Plus, 2004, 25 ноября.

MUSIKAL LIFE OF TAJIKISTAN IN 2001-2011

Manzura Hasanova

Scientific worker Institute of History, Archaeology
and Ethnography named after A.Donish
Academuy of Sciences of the Republic of Tajikistan

The article deals with musical life in Tajikistan from 2001 to 2011. This period is notable for the fact that there is a number of decisions and decrees of the Government and the President of Tajikistan, which played an important role in the development of musical culture of Tajikistan.

Key words: music life, concerts, repertoire, composer of the work.

ЗНАКОВАЯ СИМВОЛИКА ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ПИЩИ ТАДЖИКОВ

М. ШОВАЛИЕВА

научный сотрудник отдела этнографии Института истории,
археологии и этнографии им.А.Дониша Академии наук
Республики Таджикистан

E-mail: mumina1957@mail.ru, тел.: (+992)221 37 42

Многие виды пищи и продуктов в обрядах имеют свою знаковую символику. Похоронно-поминальная пища – это наиболее консервативная часть трапезы, которая почти что не поддается инновациям. Все виды пищи в прошлом у таджиков были направлены на «очищение» дома от всего «нехорошего» – «чёрного» («сиёҳӣ»), «траура» – «ғам». Суть очищения заключается в приготовлении в котле мучной похлебки «ордов», «халвои тар», либо ритуального блюда «атола» «оталаи сиёҳ», «умоч», «далда», а также халвы – «халвоитар» или же приготовления трех или семи лепешек «чалпак» (поминальные блины) и принесения в жертву животного. Приготовления предназначались непосредственно «арвохам» – «духам предков».

Ключевые слова: знаковая символика, похоронно-поминальная пища, консервативная трапеза, инновации, траур, очищение, ритуальное блюдо, халва, поминальные блины – чалпак, жертвенное животное, духи предков.

Похоронно-поминальная обрядность единственная обрядность, которая слабо поддается инновациям, поскольку она сильно консервативна, однако и сюда в последнее время проникают инновации. Пища в этой обрядности имеет свою знаковую символику, направленную на «удаление» всего «черного», «нехорошего» из человеческой памяти, и с этим связана вся её знаковая символика.

Уже при начинающейся агонии человека все имеющиеся в доме съестные продукты выносили, так как в случае его смерти они уже становились ритуально нечистыми и их нельзя было использовать. Данное представление является общемусульманским.

Повсеместно в Средней Азии считалось, что в момент смерти комната окутывается кровью умершего, которая оскверняет все продукты питания, наряду с посудой, одеждой и т.п. Поэтому, из дома заранее выносили посуду и продукты питания, а затем, в течение трех дней не готовили в нем пищу.¹

Семью умершего и всех живших в этом доме обеспечивали едой

соседи (члены кавма или авлода), поэтому обычно еда в эти дни называлась «нони ови кавм» или «оши марг» – «еда соседей» или «смертная еда». Такое обыкновение было характерно всем группам населения.²

Но и после этого, вплоть до сорокового дня, в доме нельзя было готовить мучные блюда, особенно лапшу – «оши угро», «оши бурида», «оши суюк». Фактически до года запрещалось есть лапшу всем членам семьи умершего, поскольку она, якобы, может вызвать смерть («лапша длинная может «потянуть смерть» говорят в народе). Даже доску для раскатывания теста со скалкой нельзя было ставить где-либо стоя (по вертикали), что также, якобы, способствовало «удлинению смертности». Однако таджики Каратегина и Дарваза не придерживались данной точки зрения, а наоборот, первые три дня после похорон приносили в дом умершего именно лапшу.

Несмотря на запреты, у таджиков Гиссарской долины и Кулябской области сохранились воспоминания об обряде «саритахтаги» – приготовление и использование поминальной пищи еще до похорон умершего в Каратегине, и только в Вахие первое поминальное блюдо («оши сари тахта» – «еда у гробовой доски») раздают присутствующим на похоронах до или сразу же после прочтения джанозы.³ В Ура-Тюбе среди таджиков поминальная еда также существовала и называлась «оши кабр», или «оши кавар», с мясом только что зарезанного барана. Готовили её для стариков и имама мечети.⁴ По нашим сведениям обряд «оши саритахта» сохранился до сих пор в Файзабадской группе районов, а также в некоторых других местах среди выходцев из Файзабада, но здесь забивали скот не в доме умершего, а в мечети – с той целью, чтобы накормить прибывших на похороны людей издалека. В мечети готовились шурбо и плов.

Параллельно с приготовлением шурбо и плова (мясных блюд), у некоторых групп гиссарских таджиков, в кишлаках предгорной части Рамита (Симиганч), Шахринау, у каратегинцев существовал обычай раздавать лепешки с сахаром и изюмом в день похорон, что называлось «нони сари тахта» – «хлеб у гробовой доски», «нони лучула», или «особый хлеб», «хайри мурда» – «милость для умершего», что состояло из продуктов и отрезков материи, принесенных в виде кавсан – помощи на похороны от родственников.

У таджиков, как и повсеместно у мусульман Средней Азии, поминки по умершему обычно совершали на третий, седьмой, двадцатый и сороковой дни, а затем в семь или девять месяцев и в годовщину – «сол». Поминовение проводили в мусульманские празд-

ники – Курбан, Рамазан, Раджаб, а также каждую неделю в ночь с четверга на пятницу – «хафта», «чумъаги». В эти дни дух последнего умершего почитали вместе со всеми другими духами предков («Зиндая савготуш, мурдая хайротуш», «От живых подарков, от мертвых – милостыня»).

Поминки третьего дня устраивались в различных уголках Таджикистана в разные сроки: на юге за сутки считая день и ночь раздельно, и поминки начинались фактически на следующий день. На севере они происходили на 3-й день в узком кругу родственников и близких соседей. Начинались они с траурной стирки «сиёхшувон» – «стирки черного», или «сиешувон» – стирка третьего дня», или «сиёхбуророн» – «выведение черноты». Это обрядовое действие начинается обычно с очищения котла, в котором ранее подогревали воду для омовения покойника, а теперь надо было греть воду для стирки и в дальнейшем готовить в котле ритуально чистую пищу, что является кульминационным моментом в обрядах ритуального очищения. В Дарвазе это называлось «хонахалолкунон» и здесь также, как и повсеместно, закалывали скот по этому поводу.

Суть очищения заключается в приготовлении в котле мучной похлебки «ордов», «халвои тар», либо ритуального блюда «атола» «оталаи сиёх», «умоч», «далда», или испечения трех или семи лепешек «чалпак» (поминальные блины). Приготовление предназначались непосредственно арвохам – «духам предков». Похлебку лили либо на край крыши дома – «лавгуши бом», либо отдавали собакам, либо несли ее в мечеть для стариков. После этого котел мыли, опрокидывали вверх дном и сверху посыпали мукой «белизна», которая символизировала «очищение». Только после этих ритуальных действий, связанных с пищей, котел считался ритуально чистым, в нем могли подогреть воду для стирки одежды умершего и купания всех остальных близких родственников (символическое купание без мыла). Однако для полного очищения дома требовалось пролить кровь – «хун кардан», для чего закалывали мелкий скот или просто петуха или курицу. Мясо отваривали (ни в коем случае не жарили) в котле, в котором согревали воду для покойного и еду раздавали присутствующим или отправляли в мечеть. Однако мясная пища в этот день не была обязательной и главную роль здесь играли поминальные блины – «чалпак» или халва – «халвои тар» из муки, сахара и масла (при жарке муки исходил сильный дым, которым, якобы, питались умершие данного дома). Это отмечено повсеместно у таджиков⁵ и почти на всех поминальных трапезах. Чалпаков жарили нечетное число – 3 или 7. Ingredi-

ентами блинов были молоко, мука и масло. Блины выполняли роль ритуального блюда (пищи духов), приготавливаемого к определенным событиям. В прошлом жарили их не котлах, а на тонкой каменной плите – «това», «товасанг».

Начиная с поминок седьмого дня «хафта» и далее они отличались многолюдностью, поэтому требовали больших затрат. Издревле считалось, что поминки проводить было очень сложно, поэтому весь «кавм», «авлод» или община участвовали в проведении обряда, деля между собой расходы. На поминки приносили деньги, отрезки на платье, продукты, мелкий и крупный рогатый скот, в чем и проявлялись у таджиков общинные отношения. Одному хозяину – «мурдадору» было не под силу провести все поминальные трапезы и им помогали родственники – кавм. Поэтому стол при поминках мало чем отличался от свадебного застолья, за исключением халвы – «халвои тар» и «чалпаков» – блинов для «кормления духов умерших». Однако считалось, что расходовать на поминки следовало экономно, нельзя было выкладывать на дастархан сладости, за исключением поминальной халвы – халвоитар, сухофруктов и т. п. Однако в последнее время все эти предписания шариата стали нарушаться, и поминки превратились в «самопоказ», соревнование или «рекламу», они стали многолюдными и справляются уже в ресторанах, поминальный стол ничем не отличается от свадебного, что пришлось пресечь новыми постановлениями правительства. Повсеместно у таджиков самыми главными и многолюдными были седьмой и сороковой дни. Основные действия на седьмой день состояли в приготовлении в доме умершего специального угощения и в чтении поминальной молитвы. Центральным событием в обряде было «сиёххурон» – «поедание черной пищи», для которой закалывали скот (корову, барана или козу) и готовили плов или шурбо.⁶ Здесь повсеместно наблюдается обычай перенесения бед, несчастий на жертвенное животное. Обычно съедали пищу на поминках пожилого старого человека, пища в доме которого считались «благодатной» – «табарруки», где разбирались содержимое дастархана. На поминках молодого человека также употребляли пищу, однако часть ее оставляли на дне посуды, не доев, а некоторые родственники вообще отказывались от нее. Тем более эту пищу нельзя было раздавать, отсылать кому-либо, что вызывало различные пересуды. Сами хозяева не ели поминальной пищи – «дилам намешавад», им приносили пищу из соседних домов или они сами себе готовили другую пищу, но не из жертвенных продуктов.

У дарвазских таджиков на 7-й день не разрешалось закалывать жертвенное животное в семьях с большим количеством сирот, что

называлось «хакки сагир». Шли на обряд здесь с дастарханом из нечетного количества лепешек – «нони гарм» (одной или трех), сухого чая, риса, что соблюдалось почти во время всех поминок до года и означало, что покойный ушел из этого мира один – «ток», или в другом значении – ушел и оставил семью одну как «сирота». На поминальный дастархан также ставили нечетное количество лепешек и тарелок. Так продолжалось до годовых поминок – «сол», после которых, как и в обычное время, в подарок хозяевам гости приносили только четное число лепешек – «чуфт», чтобы в доме не повторилось несчастье.

Дастархан возвращали с четным количеством лепешек – по две, иногда с сахаром и зеленью, состоявшей из одного листочка от дерева (як барги сабз). В день похорон, на третий и двадцатый дни, приносили и уносили нечетное число лепешек, на 7-й и 40-й дни приносили нечетное, а уносили четное число лепешек, обычно две, также как и на годовщину. С собой женщины уносили лепешки, но уже с зеленью – «сабзак». Здесь видно использование зелени – «сабзак» или «барги сабз» – как символа жизни, очищения, продолжения жизни.

Следует отметить, что в случае смерти несовершеннолетних или маленьких детей, смерть которых считалась волей Аллаха и «поддерживающих» духов умерших предков этой семьи, поминки устраивались в узком семейном кругу на третий и седьмой дни после смерти и сопровождалась приготовлением похлебки «атола» и блинов «чалпак», а на 20-й день – похлебки «оталаи чилшикан». После поминок «хафта, сейчас справляют поминки «пятничные» – «чумъаги» и иногда и в понедельник – «душанбеги» соответственно в ночь с четверга на пятницу и с воскресенья на понедельник. Их устраивают в узком кругу родственников – первый до года, второй – до 40 дней, и напоминает гостевую трапезу. Поминки сорокового дня – «чил» устраивались после 20 дней со дня смерти, однако по другим подсчетам из числа 40 высчитывалось число детей в семье, также как и на годовщину, когда из числа 12 также высчитывалось число детей, но справляли не раньше полугода. Поминки были многолюдным.

В годовщину – со дня смерти устраивались небольшие поминки. Интересной особенностью в Гиссарской долине было обыкновение справлять их дважды: один обряд назывался «чилшикан» – «прекращение сороковин», другой – «чили калон», «большие сороковины». Первые устраивали на двадцатый день – «бист», что иногда называли и «бистшикан» – «прекращение двадцатидневья». Срочность объяснялась тем, что, якобы, покойный с нетерпением «ждал

поминок» и их делали пораньше. Однако в настоящее время все это объединилось повсеместно в одном обряде – «чилшиканон».

Вся пищевая трапеза «чилшиканон» напоминает трапезу 7-го дня поминок, когда закалывают скот. Однако существует приготовление пищи «халвои тар». Считается, что в течение 40 дней живот покойного в могиле, якобы, вздувается и воды отходят через большой палец ноги. В случае, если готовили халвои тар, первую ложку халвы осторожно выкладывали на край крыши дома для «кормления духов умершего», а воду после мытья котла должны были слить в укромное место, чаще под дерево, и сливать нужно было медленно как если бы воды отошли у покойного в могиле, то есть «не причинив вреда покойному». Ни в коем случае нельзя было выплёскивать воду, чего никто и не делал. В других местах, как например в Бухаре, в Самарканде, эту халву первым должен попробовать самый любимый ребенок покойного, который осторожно, мизинцем три раза медленно пробует ее. Здесь мы видим признаки магии имитативной, когда пища и все действия, связанные с ней идентифицируются с телом умершего, с болью, которая может, якобы, быть причинена его распухшему телу. С этой же целью нельзя было бить посуду в течение 40 дней, звонко случать ложкой, посудой. Происхождение подобных верований исследователи связывают с доисламским периодом, с зороастрийским кругом представлений.⁷

Таким образом, основной смысл поминок «хафта» и «чилшикан» – это жертвенное животное и приготовление халвы, «халвои тар» или «отала». На юге Таджикистана ее готовили из тутовой патоки «ширини», что называлось «тархавло», а с добавлением сахара – «атолла», а также «чалпаки» – поминальные блины. Считалось, что все эти блюда кормят духов умерших, и после прочтения молитвы благословления дух успокаивается. Считалось, что чем больше людей едят на поминках, тем больше питается дух умершего. Здесь налицо все признаки магии контагиозной. Если раньше поминки производились с большими затратами, в настоящее время расходы на них резко сократились, поскольку поминки «бегохи чумъаги» и бегохи душанбеги» справляются в узком семейном кругу, а поминальными трапезами являются поминки в 7, 40 дней и годовщина.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреев М.С. Таджики долины Хуф /верховья Аму-Дарьи/ С доп. и примеч. А.К.Писарчик. Вып.1-Тр. АН Тадж.ССР-Т. –

- 1953, С.196; Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности. – Душанбе – 1993-С.112; Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально – поминальной обрядности узбеков Ферганы//Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. – М. – 1986-С.140,172; Мардонова А. Традиционные похоронно-поминальные обряды таджиков Гиссарской долины /конца XIX-начала XX вв./ – Душанбе – 1998 – 223с.; Рахимов М.Р. Обычай и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области. //Известия АН Тадж.ССР, Отд. Обществ.Наук. – Вып.3. – 1953 – С.124.
2. Писарчик А.К. Смерть. Похороны. //Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.3 – Душанбе – 1976. – С.156;Рахимов М.Р.Обычай и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области. //Известия АН Тадж. ССР, Отд. Обществ. Наук. – Вып.3. – 1953 – С.124; Троицкая А.Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана. //СЭС. – Л. – 1971-Т.3-С.242.
 3. Писарчик А.К. Смерть. Похороны //Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.3 – С.26.
 4. Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы...С.147
 5. Лившиц В.А. Юридические документы и письма. Чтение, переводы и комментарии (Согдийские документы с горы Муг). – Вып.II – М. – 1962. – С.195-196; Андреев М.С. Краткий отчет о работе этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 году //Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами// – Вып.1. – Ташкент-1927-С.54; Рычков П. Топография Оренбургская, сочиненная Петром Рычковым. – Ч.1-2 – СПб. – 1762. – С.144; Троицкая А.Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана. – Т.3-С.157; Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально – поминальной обрядности узбеков Ферганы...С.154
 6. Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности....С.103
 7. Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально – поминальной обрядности узбеков Ферганы...С.159; Снесарев Г.П.Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М. – Л., 1969. – С.118-120; Раппопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии) – М. – 1971. /Тр. ТХЭ – Т.6. – С.7-37.

SIGN SYMBOLICS OF FUNERAL-COMMEMORATE FOOD OF TAJIKS

M. Shovalieva

Scientific worker Institute of History, Archaeology
and Ethnography named after A. Donish
Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

Many kinds of food and products in rituals have specific sign symbolics. Burial-commemorate food is more conservative part of meal, which almost impossible for innovations.

All kinds of food were aimed at «cleaning» of room from all «non-good» or «black» – «siyokhi», of «mourning» – «gham».

The essence of cleaning is to prepare in large saucepan wheat food «khalvoitar» or ritual dish «atola», atolai siyoh», «umoch», «dalda», as well as halva – «halvoitar», or cooking of seven pancakes «chalpack» (commemorate pancakes) and sacrificial animal, which devoting «arvokh»-ghosts.

Key words: sign symbolic, funeral-commemorate food, conservative, meal, mourning, cleaning, ritual pancakes, sacrificial animal – поминательная пища, ghosts of ancestors.

ВКЛАД В.А. РАНОВА В ИЗУЧЕНИЕ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ТАДЖИКИСТАНА

Б. БОБОМУЛЛОЕВ

научный сотрудник Института истории, археологии и
этнографии им. А.Дониша АН Республики Таджикистан
пр. Рудаки, 33, Душанбе, 734025, Таджикистан
E-mail: bobo_bobomullo@yahoo.com

В статье рассматривается роль ученого – археолога В. А. Ранова в области наскального искусства Таджикистана. Его имя связано с самыми яркими открытиями петроглифов на Памире, таких как грот Шахты и навесом Kurteke и Nayzatash. Благодаря его исследованиям, сегодня мы имеем наиболее полное представление о крупнейших скоплениях петроглифов на Памире – Лянгаре и Vibistdara. Следует также отметить большое значение в теории и взглядов ученого в оценке и интерпретации петроглифов Таджикистана и их отношений с петроглифами Центральной Азии, Сибири, Монголии, Афганистана и Индии.

Ключевые слова: петроглифы, наскальное искусство, В.А. Ранов, Памир, Шахты, Лянгар, Вибистдара.

Когда в 1951 г. была создана Академия наук Таджикской ССР, то с самого начала ее деятельности, в только что образованном секторе археологии, еще будучи студентом, начал работать В.А. Ранов. За более чем 50-летнюю научную деятельность ему удалось сделать очень много. И, несомненно, в настоящее время В.А. Ранов является признанным ученым в области изучения каменного века стран Центральной Азии. Об открытиях ученого, его вкладе в деле изучения каменного века написано довольно много и интересующихся этим можно отослать к специальной литературе. [Масов, 1996; Филимонова, 1996; Деревянко и др., 2004].

Несмотря на то, что основным направлением исследований В.А. Ранова было изучение каменного века Средней Азии, нельзя не отметить его заслуг в изучении наскального искусства Таджикистана, получившее мировую известность. Уже в первых экспедициях он обратил внимание на наскальные изображения – петроглифы, которые обильно встречались в предгорных и горных районах республики. Увлечшись петроглифами В.А.Ранов на протяжении всей своей научной деятельности, наряду со своей основной задачей – изучением каменного века, он параллельно стал заниматься также и исследованием наскального искусства. До этого

петроглифы были объектом внимания многих ученых-краеведов, биологов, этнографов, геологов, которые попутно осматривали и кратко описывали увиденные рисунки. С именем В.А. Ранова связаны самые яркие открытия новых местонахождений петроглифов в Таджикистане, в особенности, на Памире. Ученому принадлежат более 30 статей в журналах и газетах, посвященных наскальному искусству. Ознакомившись с его публикациями, не сложно заметить, с какой душевностью он отзывается о любимом занятии: «Одним из самых сложных для понимания, и вместе с тем бесконечно увлекательным разделом исторической науки являются наскальные рисунки – изображения животных и людей, образующих иногда сложные композиции (сцены охоты, сражений, праздников), религиозные символы, знаки собственности – тамги и. т. д.» [Ранов, 1995, С.3].

В 1957 г. выходит в свет первая публикация В.А. Ранова, посвященная наскальным изображениям вблизи селения Наматгут Ишканинского района Горно-Бадахшанской автономной области. Автор делает краткий анализ материалов переданных доктором биологических наук А.В. Гурским Институту истории, археологии и этнографии – семи фотопленок с наскальными изображениями. В.А. Ранов приводит рисунки шести плоскостей с изображениями. На основе стилистических особенностей он делает вывод о периодизации этой группы петроглифов. Следует обратить особое внимание на рисунки животных, тела которых «изображены при помощи треугольников соприкасающихся вершинами», что говорило об их стилистическом сходстве с самыми ранними геометрическими изображениями Саймали-Таша. Исследователем было сделано заключение о том, что рисунки этого комплекса – разновременные и охватывают период от эпохи бронзы до XX века. Также им был сделан сравнительный анализ некоторых изображений с петроглифами других районов Таджикистана и Средней Азии.

В 1960 г. В.А. Рановым была опубликована статья, посвященная наскальным рисункам Лянгара с результатами работ Памирского отряда Таджикской археологической экспедиции (ТАЭ) 1956 г. [Ранов, 1960]. Тогда, объективным причинам – болезни начальника отряда А.Н. Бернштама – группа ограничилась только осмотром части многочисленных наскальных рисунков, расположенных в районе селения Лянгар. В результате работ были выделены две группы наскальных изображений. Если в своей ранней публикации В.А. Ранов дает лишь краткий обзор наскальных рисунков, то теперь им было сделано подробное описание основных рисунков, изучен характер скального материала и условий их нанесения, сте-

пень патинизации, размеры, локализация, техника исполнения рисунков и количество петроглифов в каждой из групп.

Ученым было обращено внимание на аналогии некоторых изображений и проблемы датировки наскальных изображений Центральной Азии в целом. К примеру, в группе №1 отмечался рисунок оленя, выполненный в необычном для среднеазиатских петроглифов стиле. Размеры фигуры оленя непривычно большие – высота 50 см, длина – 55 см. У оленя ветвистые рога, вытянутая морда, горбатая спина, и по этим признакам В.А. Ранов отмечал большое сходство с изображениями оленей Сибири и Кобыстана. Судя по степени патинизации, стилю и сравнительно большим размерам это наиболее архаичный рисунок. Хотя датировку этого изображения автор считал довольно затруднительной.

Среди рисунков обследованного комплекса ученый выделяет три возрастные группы: ранняя группа (сако-усунская и скифо-сарматская), средняя группа (тамгообразные петроглифы VII – VIII вв.), поздняя группа (сильно стилизованные рисунки, а также рисунки, связанные с исмаилитским символом – знаком открытой пятерни). Ко второй группе изображений относятся несколько сцен охоты, в которой обращает свое внимание форма луков, в связи с чем даются их интерпретация, аналогия, временная принадлежность.

Основную массу петроглифов Лянгара составляют горные козлы, среди которых можно выделить рисунки выполненные «тщательно нарисованным объемным телом» [Ранов, 1960, с. 33], у которых рога высоко запрокинуты за спину, с возрастными буграми. Также встречаются изображения снежного барса, собак, всадников и др. Публикация, в какой-то мере, обобщившая все сведения о памирских петроглифах и поставившая их изучение на научную основу, до сих пор не потеряла своего значения.

В том же 1960 г., была опубликована статья, посвященная петроглифам, обнаруженным археологическим отрядом ТАЭ еще в 1955 г. в Кураминских горах, в местечке Куруксай и Шайдан. Количество рисунков в куруксайской группе невелико, всего несколько десятков. Часто встречаются отдельные рисунки козлов (*Capra sibirica*), однако среди них есть изображения, безусловно заслуживающие внимания. Выделяется фигурка козла несколько крупных размеров 10x17,5 см с большими рогами. «Весь контур рисунка заполнен точками за исключением прямоугольника, помещенного в задней части туловища. Четко выделенный прямоугольник, сохраняющий на поверхности скальную корку, своими правильными очертаниями и аккуратностью линий исключает возможность недо-

делки. Совершенно ясно, что здесь мы имеем дело с преднамеренным художественным приемом» [Ранов, 1960, с. 123-124]. Изображение характерно для «скифского звериного стиля» и находит аналогии с рисунками Сибири, Алтая и Казахстана, оно может относиться к VII в. до н. э. – I векам н. э. Большой интерес у ученого вызвала сцена боя, в которой «...изображены два всадника, устремившиеся навстречу друг другу с копьями наперевес» [Ранов, 1960, с. 130]. Очень интересна манера посадки всадников и детали одежды: «островерхние шапки бойцов; одинаково согнутые руки, левая впереди, а правая охватывает древко копья почти у самого конца; небольшие выступы сзади седоков, то ли задние луки седел, то ли верхние части колчанов, опущенные почти вертикально носки» [Ранов, 1960, с. 131]. Это первая сцена боя на среднеазиатских и близких к ним наскальных изображениях.

В.А. Ранов связывает появление куруксайских наскальных изображений с племенами, которые возводили свои погребальные сооружения (муг-хона и курумы) в горах Кара-Мазара, датируемые от III–II в. до н.э. – до VIII в. н.э. [Литвинский, 1956; 1959]. В шайданской группе петроглифов было обследовано 10 валунов, сюжет которых составляют преимущественно горные козлы. В.А. Ранов делает заключение, что шайданская группа при сопоставлении с куруксайской в большей своей части относительно поздняя и не связанная со строителями муг-хона и курумов [Ранов, 1960, с. 142].

Осенью 1958 г. археологической группой Памирской экспедиции АН СССР под руководством В. А. Ранова были открыты наскальные рисунки каменного века в гроте Шахты на Восточном Памире. Материалы, посвященные этому сенсационному открытию наскальной живописи на высоте 4200 м над у.м. – самому высокорасположенному пункту наскального искусства в мире, были опубликованы в 1961 г. [Ранов, 1961]. На стенке грота хорошо сохранились четыре изображения, исполненные минеральной краской двух цветов – бордовой и красной. Судя по остаткам красок на стене, в древности рисунками была покрыта значительная площадь грота, не менее 20–25 кв.м. «На рисунках представлен человек, замаскированный под птицу. Следующие две фигуры представляют, видимо, одну композицию – дикий кабан и медведь или два диких кабана, попавшие в ловушки и затем самое крупное животное, напоминающее бовида (по мнению зоологов, это скорее медведь). Несколько стрел вонзились в животное, которое к тому же очевидно попало на рогатину. Нет сомнений в том, что этот рисунок отражает охотничью магию древних обитателей Памира». Так же был выявлен культурный горизонт, на основании которого В.А. Ранов

приходит к заключению, что «рисунки в гроте Шахты могли быть сделаны в эпоху мезолита или раннего неолита, т.е. в то время, когда впервые после последнего большого оледенения на Памир пришли люди» [Ранов, 1967, с. 125]. Открытие наскального искусства грота Шахты в столь высокорасположенном месте породило множество вопросов, ответы на которые требуют специальных исследований.

В 1961 г. выходит статья о результатах работ Ура-Тюбинского отряда в 1959 г., в которой были даны краткие сведения о группе наскальных изображений вблизи селений Шинг, Шамтич и Похуд, первые сведения о которых встречаются у А.Н. Дальского [Дальский, 1949; 1950]. Отрядом В.А.Ранова были обнаружены новые изображения по реке Шинг, у входа в ущелье Рудак, которые не были замечены А.Н. Дальским [Ранов, 1959]. Также была дообследована группа изображений, ранее отмеченных А.М. Мандельштамом [Мандельштам, 1956]. Однако детального описания, техники нанесения рисунков и датировки автором не было приведено.

В 1960 г. работы Памирского отряда ТАЭ были сконцентрированы на изучении остатков писаниц, выполненных минеральной краской под навесом Куртеке на Восточном Памире [Ранов, 1964]. Навес Куртеке находится в двух километрах от грота Шахты, на противоположном борту Куртеке-сая на высоте 4020 м над у.м. Следы писаниц, обнаруженных на двух стенках, представляют собой стилизованную фигуру человека с поднятыми руками и широко расставленными ногами, изображённого вниз головой, в сочетании прямых и волнистых линий. Раскопки в навесе выявили два культурных горизонта: первый принадлежит эпохе бронзы, второй – концу неолита-энеолиту. Исследователь предполагает, что рисунки относятся к эпохе неолита-бронзы и аналогичны рисункам, отмеченным в Казахстане, Сибири, Урале, Крыму и других местах.

В 1966 г. В.А. Ранов в соавторстве с А.В. Гурским публикует обобщающую статью о наскальных изображениях Памира, в которой отмечено 48 пунктов [Ранов, 1966]. Были затронуты вопросы распространения петроглифов, техники их выполнения, и основных сюжетов (горные козлы и охота на этих животных с луком и собаками, всадники). Через год, в 1967 г., выходит в ответ научно-популярная работа «Археологи на Крыше мира», в которой описываются также и условия открытия росписей в гроте Шахты [Ранов, 1967].

В 1972 г. публикуется статья В.А.Ранова, посвященная наскальным рисункам на вершине Санги-Навишта (3995 м над у.м.), что над кишлаком Зидды. Всего было зафиксировано пять изображений

животных, одно – человека, 12 – различных фигур. Это самая большая группа рисунков, составляющих различные знаки, часть которых не поддавалась расшифровке. Некоторые из них являются знаками собственности – тамги. Нижняя возрастная граница рисунков, по сравнению и аналогией в исследованиях других ученых, определяется XIV-XV вв., верхняя – вплоть до современности [Мухтаров, Ранов, 1972].

В 1972 г. на страницах «Археологических открытий» появляется материал о новом уникальном открытии петроглифов на р. Северная Акджилга в Восточном Памире [Жуков, Ранов, 1972]. Обобщающая статья двух авторов об акджилгинских петроглифах выходит в 1974 г. [Жуков, Ранов, 1974]. Рисунки расположены в узкой части долины р. Акджилга, неподалеку от перевала, на высоте 3800 м над у. м. Общее количество петроглифов приближается к сотне. Встречаются как одиночные рисунки горных козлов, быков, всадников, людей, лучников, лошадей, колесниц, колес, возничих, так и композиции – группа изображений, объединённых общей смысловой идеей. Техника выполнения рисунков в Акджилге отличается от большинства петроглифов Центральной Азии. В своей публикации Ранов и Жуков делают очень меткое замечание по этому поводу: «Основным приемом была линейно-штриховая техника, не свойственная, как правило, среднеазиатским петроглифам. Первоначально вырезанный острым предметом (ножом?), контур заштриховывался внутри резными линиями, а иногда добавочно пришлифовывался. Таким образом, линии рисунка не углублены сколько-нибудь в тело камня и совершенно не отличаются по цвету поверхности от цвета скалы. Здесь, на Акджилге, почти не встречается, за исключением нескольких явно поздних петроглифов, обычного для Средней Азии приема – выбивания рисунков острым предметом или камнем, так называемая «точечная техника», когда линия рисунка представляет собой серию точек с рваными краями, диаметром до пяти и более миллиметров. Эта техническая особенность чрезвычайно важна и является, на наш взгляд, дополнительным свидетельством в пользу относительно древней даты акджилгинских петроглифов» [Жуков, Ранов, 1974, С. 64].

Центральное место среди скопления петроглифов Акджилги занимает сцена с изображениями колесниц с возничими и расположенных рядом фигур «людей-скелетов» и быков. По мнению исследователей ряд, состоящий из четырех боевых колесниц (пятая колесница, не законченная), а также находящиеся рядом фигуры «людей-скелетов» и быков образуют единую содержательную картину [Жуков, Ранов, 1974, с. 65].

Исследователи выдвигают интересные гипотезы о самом факте присутствия боевых колесниц, ведомых горячими лошадьми в столь высокогорном районе, «в котором местами и для караванной-то тропы нелегко найти хорошую площадку» [Жуков, Ранов, 1974, с. 65-68]. По стилистическим особенностям изображений людей-возниц и факта наличия колесниц в петроглифах Центральной Азии они относят эту композицию к концу II – началу I тысячелетия до н.э., в связи с чем полагают их взаимосвязь с движением индо-иранских племен, «арийцев», в Индию. Другие петроглифы относятся к сакскому времени (I тыс. до н.э.). Имеется пласт рисунков, относящихся к средневековью и совсем небольшое количество рисунков со свежей патиной принадлежащих к поздним изображениям.

В 1973 г. публикуются краткие сведения о работе специального отряда по изучению петроглифов Памира, организованного Таджикской археологической экспедицией под руководством В.А. Ранова в 1972 г. [Ранов, Жуков, 1973]. Стоит отметить, что это была первая для Таджикистана экспедиция, специально направленная на поиски, изучение и фиксацию наскальных рисунков. Никогда еще исследования наскальных рисунков не проводились так широко и интенсивно как в том году. Работа экспедиции была сосредоточена на обследовании петроглифов, выбитых на обломках скал у летовки Вибистдара (около кишлака Дебаста) и рисунки, которыми покрыты плиты выходов гранитов Шахдаринского хребта, что выше кишлака Лянгар-Кишт. В каждом пункте были произведены максимальные учет, фотографирование и калькирование наиболее интересных изображений. В скоплении петроглифов Вибистдара было зафиксировано 1203 изображения, в Лянгаре – 5878. Выделено четыре группы, общая площадь распространения рисунков составила 1,2 га. Основные темы петроглифов Вибистдары – это горные козлы, всадники, охота, «бегущие и танцующие человечки», сцены сражений, разнообразные знаки и орнаменты.

Датировка изображений была дана довольно приблизительно, но следует отметить, что это уникальный памятник, который относится к мусульманскому средневековью и дает интересные сведения о жизни оседлого и полuosедлого скотоводческого населения. Подробные результаты этой экспедиции были опубликованы в 1976 г. [Ранов, 1976]. В том же 1976 г. Маркансуйский отряд ЮТАЭ обследовал новое местонахождение петроглифов около кишлака Ачик-Альма [Ранов, 1976]. На гладких стенах скалы Тешик-Таш зафиксировано около 750 рисунков. Техника исполнения рисунков разнообразна, встречались рисунки, выбитые острым металлическим предметом или камнем, сделанные краской и сочетающие обе

техники. Выделялся пласт рисунков, выполненных в традициях скифского звериного стиля, которые могут быть датированы I тыс. до н.э. Большинство рисунков датированы средневековьем. В том же году была опубликована статья о петроглифах Памира во все-союзном научно-популярном журнале «Наука и жизнь». [Ранов, Танасийчук, 1976].

В 1977 г. в Германии опубликована статья о наскальных рисунках Лянгара с фотографиями и картой зоны распространения петроглифов. [Ranov, 1977].

В 1982 г. появилась статья, посвященная петроглифам Лянгара, в которой приводились описания значительного количества ранее неопубликованных рисунков [Ранов, 1982]. Этот памятник после Саймалы-Таша является вторым по объему рисунков и их разнообразию. По подсчетам В.А. Ранова, их не менее семи тысяч. Впервые была дана характеристика изображений «излюбленного» музыкального инструмента ваханцев – рубоба. Выделено пять временных групп, приводятся фоторепродукции многих рисунков. Временной диапазон лянгарских рисунков очень широк, с сакского периода и заканчивался, поздним средневековьем, вплоть до современности.

В 1984 г. была опубликована Рановым краткая сводка о наскальных рисунках Памира во Франции, в которой также были сделаны обобщающие выводы [Ranov, 1984]. В 1995 г. выходят тезисы доклада, представленного Рановым на коллоквиуме «Петроглифы Центральной Азии: методология изучения наскальных рисунков». Эдесь он выступил с докладом «Петроглифы Памира: распространение, стилистические особенности, сюжеты, хронология» [Ranov, 1995].

В этом же году в Душанбе была представлена выставка фотографий наскальных рисунков Каракорумского шоссе, обнаруженных в 1979 г. К. Йеттмаром в верховьях р. Инд (Северный Пакистан). К этому мероприятию была приурочена брошюра ученого «Между Гандхарой и Шелковым Путем», в которой помимо петроглифов Каракорумского шоссе, несколько страниц посвящено лянгарским изображениям. В.А Ранов отмечал, что «имеется немало точек соприкосновения этих петроглифов с наскальными изображениями Афганистана, Китая, Индийского Пенджаба и, прежде всего, с самыми многочисленными рисунками известными на Памире» [Ранов, 1995, С. 12]. Учитывая, что расстояние по прямой от Лянгара до скопления петроглифов верховья Инда, где зафиксировано около 30 тыс. рисунков и надписей, всего 100 км, то эти памятники являются наиболее близкими территориально, где столь

массово встречаются петроглифы, сюжеты которых дополняют друг друга [Ранов, 1995; 2002].

В это же время выходит в свет публикация В.А. Ранова, посвященная новым писаницам Восточного Памира, найденным биологом В.Ф. Селезевым в районе перевала Найзаташ [Ranov, 1995]. Рисунки нанесены на потолок грота, расположенного на высоте 4137м над у.м. Всего различалось шесть фигур – двух горных козлов (*Capra sibirica* Meyer) и четырех непонятных линий и знаков, выполненных красной минеральной краской. Изображения животных контурные. Животные находятся в динамичной позе, у которых слегка повернута голова, большие рога, пропорционально показаны ноги, маленький хвост. В своей статье ученый проводил параллели с известными писаницами региона и отмечал, что нелегко подобрать прямые аналогии к рисункам горных козлов. Памятник датировался неолитом. В 1997 г. появилось более подробное описание писаниц из Найзаташа [Ранов, 1995].

В 2001 г. в Бишкеке вышла в свет коллективная монография «Petroglyphs of Central Asia» на английском языке, в которой глава посвященная петроглифам Таджикистана, написана В.А. Рановым. Глава о петроглифах Памира – наиболее полная сводка, в которой рассматривались вопросы их распространения и связь с водными артериями, перевалами, охотничьими угодьями и т.д., а также стилистические особенности наскальных рисунков Памира, их тематика и хронология. Текст статьи сопровождался картой, фотографиями зон распространения петроглифов и множеством рисунков. Главы разбиты по периодам: писаницы каменного века, эпохи бронзы, пре-сакская группа, рисунки «звериного стиля» сакского времени, кушано-эфталитские петроглифы, средневековые, в том числе и позднесредневековые, и современные изображения [Ranov, 2001].

В 2002 г. в Новосибирске была опубликована статья ученого, посвященная лянгарским изображениям музыкальных инструментов – рубобов, в которой подробно рассматривались многообразие их типов, происхождение и смысловое назначение выбивки на скалах.

В Лянгаре насчитывалось немногим более 500 рисунков рубоба, что составило около 9% от общего числа петроглифов, подсчитанных экспедицией 1972 г. На первом поле зафиксировано 28 рубобов, на втором – около 300, на третьем – 86, на четвертом – 59 и на пятом – 43. Поэтому не случайно при определении групп петроглифов Лянгара второе поле получило название «горы рубобов». Аналогичные рисунки рубобов зафиксированы только на местонахождении петроглифов в верховьях Гилгита, в долине Ясина (Пакистан), где на большом камне очень компактно выбито 40 их

изображений. Было отмечено, что некоторые изображения рубобов, покрытые более густой патиной, могут датироваться античностью (III–I вв. до н.э.) и ранним средневековьем, но основная масса этих рисунков относилась к позднему средневековью, выбивалась и в настоящее время [Ранов, 1995].

Монография В.А. Ранова под названием «Бегущие по скалам (Наскальные рисунки Памира)»* [*хранится в личном архиве В.А. Ранова при Институте истории, археологии и этнографии АН РТ], которая подытоживает его многолетний труд по наскальным изображениям, к сожалению, осталась неизданной. Этот труд, без неподписанных к основному тексту рисунков, имеет законченный вид. При описании и оценке памятников в целом и отдельных рисунков, в частности, автор не ограничивался их сопоставлением только с петроглифами Таджикистана и Центральной Азии и проводил сравнительный анализ в более глобальном масштабе. Издание в будущем этого фундаментального труда может ликвидировать отставание по публикациям, посвященным петроглифам Таджикистана.

Таким образом, первые серьезные, хотя и в большинстве своем предварительные, публикации петроглифов Таджикистана появились в 50-е годы 20 столетия. Они пришли на смену простым упоминаниям в работах путешественников или специалистов другого профиля. Заметной вехой стали 60-е годы, когда были опубликованы такие ключевые группы наскальных изображений Памира, как Лянгар, Вибистдара и Шахты. В.А. Ранов положил начало научно-систематическому исследованию петроглифов, с применением последних методик их изучения в Таджикистане. Научная значимость исследований и открытий В.А. Ранова в области наскального искусства Таджикистана неопределима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дальский А. Н. Наскальные изображения Таджикистана //ИВГО, т.81 вып.2, 1949. – С. 183–197.
2. Дальский А. Н. Наскальные изображения в бассейне реки Зарафшан //МИА, № 15, 1950. – С. 232–240.
3. Деревянко А.П., Молодин В.И., Ларичев В.Е., Медведев Г.И., Дроздов Н.И., Лаухин С.А., Холюшкин Ю.П.,Маркин С.В.,Шуников М.В. Вадим Александрович Ранов – живая легенда среднеазиатской археологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 151–152.

4. Жуков В.А., Ранов В.А. Изучение наскальных рисунков Памира. Археологические открытия 1972 г. АН СССР //Ин-т археологии. –М., 1973. – С.492.
5. Жуков В., Ранов В. Древние колесницы на Памире //Памир, №11, 1974. – С.62-68.
6. Литвинский Б. А. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах //Тр. АН Тадж.ССР. Ин-т истории археологии и этнографии – 1956. Т. 63: Археологические работы в Таджикистане в 1955 году. –С. 37-46: ил.
7. Литвинский Б. А. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. // Тр. Кирг. археол. этногр. экспедиции. – 1959. –Т. 103: Археологические работы в Таджикистане в 1957 г., вып 5. –С. 109-129: ил.
8. Мандельштам А. М. Несколько замечаний о наскальных изображениях бассейна верховьев Зарафшана //Сб. статей, посвященных искусству таджикского народа / ТИИАЭ АН ТаджССР. –Душанбе, вып.42, 1956. – С. 195–201.
9. Масов Р. М. Вадим Александрович Ранов //Материалы к библиографии ученых Таджикистана / АН РТ. – Душанбе, 1996. – С.3-12.
10. Мухтаров А.М., Ранов В. А. Рисунки на камне Санги-Навишта у кишлака Зидди // Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук. – 1972. – №4. – С.68-75.
11. Ранов В. А. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир) // Изв. АН. ТаджССР. Отд-ние общественных наук. – 1960. – №1. – С. 19-40.
12. Ранов В. А. Новые наскальные изображения в Кураминском хребте // Тр. / Ин-т истории АН ТаджССР. – 1960. – Т.29: Искусство таджикского народа, вып.2. – С. 121-142.
13. Ранов В.А., Салтовская Е. Д. О работах Ура-Тюбинского отряда 1959 г. // Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН ТаджССР. – 1961. –Т.31. –С.108-129.
14. Ранов В.А. Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958г. // Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН ТаджССР. – 1961. –Т.27; //Археологические работы в Таджикистане в 1958 г., вып. 6. –С. 19-35.
15. Ранов В.А. Рисунки каменного века в гроте Шахты // Сов. этнография. –1961, №6. –С. 70-81.
16. Ранов В. А. Следы писаниц в навесе Куртеке // Изв. Все-союз. геогр. об-ва. –1964. – Т.96. вып.1. –С.67-69.
17. Ранов В. А. Гурский А. В. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской Автономной Области Таджикской

- СССР//Сов. этнография. –1966. №2. –С. 110-119.
18. Ранов В. А. Археологи на «Крыше мира». –Душанбе: Ирфон, 1967. – 152 с.
 19. Жуков В.А., Ранов В.А. Петроглифы на р. Северная Акджилга (Восточный Памир) //Археологические открытия 1971г. /АН СССР. Ин-т археологии. –М., 1972. –С.540-541.
 20. Ранов В.А. Изучение наскальных изображений Западного Памира в 1972 г. // Археологические работы в Таджикистане/ АН ТаджССР. Ин-т истории им. А. Дониша. – Душанбе, 1976. – Вып.12: (1972 г.). –С. 5-21.
 21. Ранов В.А. Жуков В.А. Петроглифы Тешик-Таш в Каратегине //Археологические открытия 1975 г. /АН СССР. Ин-т археологии. –М., 1976. С. 571.
 22. Ранов В., Танасийчук В. Наскальная летопись Памира //Наука и жизнь, №2, 1976. – С. 97-99.
 23. Ранов В. А. Древние рисунки на скалах Лянгара. В кн.: Мухтаров, Негматов Н, Ранов В, Якубов Ю. Путешествие в Согдиану. –Душанбе. 1982. – С. 76-108.
 24. Ранов В. А. О чем рассказывают наскальные рисунки Верховьев Инда? Между Гандхарой и Шелковым путем, –Душанбе, 1995. –С. 3-15.
 25. Ранов В. А. Гора рубобов в Лянгаре (Бадахшан) // Первобытная археологи: Человек и искусство. – Новосибирск. – 2002. –С. 63-68.
 26. Ранов В. А. Бегущие по скалам (Наскальные рисунки Памира). – Душанбе. – 2002. (Неопубликованная монография, хранится в личном архиве В.А.Ранова при Институте истории, археологии и этнографии АН РТ).
 27. Филимонова Т.Г. В. А. Ранов – исследователь древнейшей археологии Таджикистана //Материалы к библиографии ученых Таджикистана. АН РТ. – Душанбе, 1996. – С.28-46.
 28. Филимонова Т.Г. Памяти Вадима Александровича Ранова //Археологические работы в Таджикистане. –Душанбе, 2008, вып. XXXII. – С. 248-249.
 29. Ranov V.A. Alte felszeichnungen von Ljanganar (West Pamir). Das Altertum. – Berlin, 1977. –Bd.23, N3. P.161-170.
 30. Ranov V. A. L'exploration archeologique du Pamir // Bulletin de L'ecole Francaise d'Extreme Orient. – 1984. – Vol. 63. P.67-97.
 31. Ranov V.A. Les petroglyphes du Pamir: airespecificites stylistiques, sujets, chronologie. Colloque: Petrolyphes d'Asie Centrale: methodologie d'etude d'un art rupestre. Resume des commucations, Paris, UNESCO, 1995, P. 22.

32. Ranov V. A. Peintures rupestres du Pamir Oriental // International Newsletter on Rock Art, №11, 1955, P.2-3.
33. Ranov V. A. Petroglyphs of Tadjikistan // Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek: 2001. – P. 122-150.

CONTRIBUTION OF V. A. RANOV IN THE STUDY OF ROCK ART IN TAJIKISTAN

B.Bobomulloev

Scientific worker Institute of History, Archaeology
and Ethnography named after A.Donish
Academuy of Sciences of the Republic of Tajikistan
Rudaki str., 33, Dushanbe, 734025, Tajikistan
E-mail: bobo_bobomullo@yahoo.com

The article analyzes the role of the scientist-archaeologist V.A Ranov in the field of Rock Art studies in Tajikistan. His name is associated with the most striking discoveries petroglyphs in the Pamirs, such as the Grotto of Shakhty, and the canopy Kurteke and Nayzatash. Through his research, today we have the most complete picture of the largest clusters of petroglyphs in Pamir – Langar and Vibistdara. On the basis of detailed field investigations of these two sites, covering a broad chronological framework, V.A. Ranov proved periodization of rock art of the Pamirs. It should also be noted the great significance in theory and views of scientists in the assessment and interpretation of the petroglyphs of Tajikistan and their relationship with the petroglyphs of Central Asia, Siberia, Mongolia, Afghanistan and India.

Keywords: petrogliphes, art, V.A.Ranov, Pamir, shakhts, Langar, Vibistdara.

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО ТАДЖИКОВ И КАЗАХОВ: ПАРАЛЛЕЛИ И СЕМАНТИКА

Т. АШУРМАДОВА

заведующая Музеем этнографии Академии наук
Республики Таджикистан
тел.+9922278751, E-mail: niso.111980@mail.ru

Наиболее крепкие контакты между таджикскими и казахскими мастерами существовали в XV-XVIII вв. Многие изделия торевтики, вышивки, лоскутного шитья мастериц двух народов нередко были тождественны друг другу не только по своей форме, но и семантике.

Ключевые слова: Таджикистан, Казахстан, народ, искусство, ремесленник, орнамент, изделия.

На протяжении столетий каждый обрядовый комплекс, как у таджиков, так и у казахов, сопровождался преподнесением даров, которыми в основном выступали изделия ремесленного производства. В этих рукотворных творениях были отражены космогонические, магические, религиозные представления предшествующих исторических эпох, через которые прошла обрядность.

Наиболее прочные контакты между таджикскими и казахскими мастерами происходили в XV-XVIII вв., когда в политической жизни среднеазиатского региона активизируются казахские ханы. Многие изделия торевтики, вышивки, лоскутного шитья мастериц двух народов нередко были тождественны друг другу не только по своей форме, но и семантике.¹

Одним из широко распространенных видов народного искусства таджиков и казахов было *курокдузи* (лоскутное шитье). Эта техника использует лоскутки (кусочки) разноцветных тканей или вязаных элементов геометрических форм для соединения в разного вида изделий (покрывале, сумке, наволочке, коврике настенных панно и т.д.), представляя собой тканевые мозаичные изделия.

Время появления этого вида ремесла относится к раннему историческому периоду (первое тысячелетие до н.э.), о чем свидетельствуют находки предметов одежды, выполненных методом лоскутного шитья и генетически относящихся к культуре ранних кочевников (изделия из курганов Горного Алтая и Семиречья, VI – V вв. до н. э.). Известные таджикские этнографы А.Писарчик и М. Хамиджанова считали, что «ближайшими передатчиками таджикам обычая шить лоскутные изделия были тюркоязычные народы и в част-

ности казахи». Возможно, с массовыми передвижениями кочевников лоскутная технология стала распространяться в разных странах, находившихся на путях этих миграций.²

Существует два основных способа шивания лоскутов: мозаичный и аппликативный. В крупных изделиях сначала готовится законченный по композиции блок, затем несколько блоков собираются в цельное полотно. В композиции изделий чаще используют геометрические фигуры: треугольники, квадраты, ромбы, шестиугольники, шести- и восьмиугольные звезды, крестообразные мотивы, ступенчатые и зубчатые медальоны, прямые полосы, зигзаги, мотивы косоугольного креста, зубчатых прямоугольников, восьмиугольные звезды, цепочки из треугольников, вписанные друг в друга, многоугольники, а также «квадрат в квадрате», рогообразные элементы.

Классический набор цветовых сочетаний в куртке: красный – белый – черный. Наиболее популярное цветовое сочетание белого с черным наделялось магической способностью оберегать от дурного глаза. Яркие цвета – красный, оранжевый, зеленый, желтый – создавали праздничное настроение. Они олицетворяли собой любовь, доблесть (красный), здоровье, исламские ценности (зеленый), счастье (желтый), небесную благодать (голубой). Для лицевой стороны традиционно использовали ткани без рисунка, так как классику этнического понимания цветовых сочетаний составляет сочетание локальных цветов.³

В целом композиционные особенности традиционных лоскутных изделий зависели от характера их назначения. Для одеял и матрацев, имевших форму вытянутого прямоугольника, применялся ковровый принцип композиции – замкнутое поле, заключенное в неширокую кайму (*қоршау*). Существовал вариант изделий без каймы, в котором основной упор делался на повторяемость определенного раппорта по горизонтали или вертикали. Наиболее простые композиции состояли из рядов ромбов без каких-либо дополнительных узоров. Более сложный вариант был основан на разбивке прямоугольного поля на ряд равнозначных квадратов, каждый из которых заполнялся различными узорами.⁴

Если в более ранних изделиях преобладала сплошная орнаментировка поля, то в более поздних по времени работах доминирует однотонный фон с включением фрагментов лоскутного узора, что можно рассматривать как некоторое снижение качества и медиаторов – передатчиков благодати, здоровья, благополучия, носителей лучших качеств, необходимых человеку в жизни. Элементы комбинируются друг с другом в различных сочетаниях, создавая бесчис-

ленное множество узоров. Каждый из них был носителем важных идей, связанных с благопожеланиями и плодородием.⁵

Важнейшее символическое свойство лоскутных изделий, как у таджиков, так и у казахов, вытекающее из технологии его производства – скреплять семью, соединять в неразрывное целое представителей разных семей. Важным символическим свойством обладали не только сами лоскутные изделия, но и их узоры и композиции. Лоскут как таковой в традиционной культуре многих народов имел определенный семиотический статус, судя по его использованию в свадебном, похоронном, лечебном и прочих действиях.

До настоящего времени лоскутные изделия являются обязательной частью приданого таджикской и казахской невесты. Тканевые мозаичные изделия можно разделить на две основные группы: одежда и предметы быта. Обучение лоскутному шитью было обязательным для всех девочек с малолетства. Наличие мозаичных изделий в приданом объяснялось не только их универсальной функциональностью, но и важными сакральными свойствами: с предметами быта, собранными из множества лоскутов, связывалось понятие крепкой, прочной семьи, соединяющей молодых из разных родов в единое целое.⁶

Узоры в целом выполняли функции оберега, своеобразной кодировки, запрограммированной на пожелания счастья, удачи, добра, здоровья. Именно поэтому лоскутные изделия воспринимались как непрременный атрибут любого жилья, гарант благополучной, счастливой и продолжительной жизни.

Лоскутные изделия таджикских и казахских мастериц объединяет сходство приемов шитья (мозаика, аппликация, иногда – элементы вышивки), использование определенных видов тканей, преимущественно бархата, хлопчатобумажных и шелковых, а также композиции и состав узоров, цветовое решение, роль лоскутных изделий в предметно-пространственной среде и обрядах. Различия заключаются в активном использовании таджиками атласных абровых тканей в качестве фоновых, адраса, бекасаба, муарового ханатласа и парчи в деталях, в своеобразной колористической гамме, которая имеет вариации в зависимости от района производства.⁷

Видовой спектр таджикских изделий широк – это покрывала, одеяла, настенные панно, попоны, элементы одежды. Таджикские мастерицы в целом сохраняют архаичную основу декора и колорита, придерживаются традиций. В кукре Таджикистана используются исключительно геометрические формы (квадраты, ромбы, полосы, треугольники). Композиции одеял и матрацев строятся по принципу ковровых – с центральным полем, заполненным декором,

и широкой каймой. При этом кайма может быть сшита из цельного куска однотонной ткани.

Одним из самых излюбленных мотивов таджикских и казахских мастеров является орнамент спаренных рогов – *кушкорак*, *кушкорча*, *мавочхав*, *кучкорак*. Первоосновой всех подобных орнаментов, считается орнамент рога – *шох*. Он был эмблемой божественной силы и творения и символизировал плодородие, изобилие, богатство, процветание, Солнце, жизненную силу, активность, энергию. Изображения животных и их фрагментов играли роль оберегов и воплощали в себе добрые и злые космические силы, наполнявшие мир, влиявшие на судьбу человека, как при жизни, так и в загробном мире. Козлы и бараны являлись тотемами (животное, считающееся родоначальником племени) далеких предков иранских племен и были связаны с тотемистическими пережитками. Головы барана или козла в сочетании с кольцом символизировали небо, имели значение солярного символа.

Наличие рогов в конкретном пространстве определяет его связь с Космосом и его поддержку. Два рога, исходящие из одного корня, символизируют и Мировой корень – Древо жизни. Столбики колонна с рогами, представлявшими Мировой столб, олицетворяли универсальную ось, вершина которого уходит в небо. С эпохи бронзы эти религиозные символы были широко распространены во всем древнем мире, но как навершие сакральных мест (мазаров) они сохранились только на Памире, а также в орнаменте вышивок оседлого таджикского и кочевого населения Средней Азии, прежде всего, казахов.⁸

Орнаменты типа *кушкорак*, *кучкорак* бывают крупными и очень мелкими. Последние используются таджикскими и казахскими мастерами в украшении ювелирных изделий, рисунках вышивок, изделиях из дерева и кости, а крупные – в элементах одежды, ковроткачестве, архитектурном декоре.

Бараньими головками украшали рукоятки кинжалов, застежки поясных блях, их носили на груди и у пояса в виде бронзовых булавок. Орнамент *кушкорак*, *кучкорак* изображался на разных предметах: на сосудах, деталях одежды, стенах зданий, надгробных памятниках и во всех материалах в бронзе, керамике, резьбе по камню и дереву, в шитье.

Параллели в таджикском и казахском народном искусстве многочисленны и свидетельствуют о плодотворном, творческом взаимодействии мастеров двух народов, как в прошлом, так и в настоящем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тохтабаева Ш.Н. Серебряный путь казахских мастеров. – Алматы, 2005. – С. 319-325.
2. Писарчик А.К., Хамиджанова М.А. Узорные изделия из кусочков материи (курома или курак) // Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе, 1970. вып. 2. – С. 204
3. Джексембаева А. М. Лоскутная технология: история появления и пути развития // Вестник, КАЗНУ им. Аль-Фараби, серия Историческая. – Алматы, 2008. – №2 (49). – С. 137.
4. Там же. – С. 135.
5. Ибраев Б. Космогонические представления наших предков // Декоративное искусство СССР. №8. – М., 1980. – С. 42.
6. Джексембаева А. М. Ук. соч. – М. 135.
7. Там же. – С. 146.
8. Народное искусство Памира/Общ. ред. Р. Масов, ред. Л. Додхудоева. Авторы-составители: Р. Масов, Н. Юнусова, Л. Додхудоева. – Душанбе: 2009. – С. 68.

FOLK ART OF THE TAJIKS AND KAZAKHS: PARALLELS AND SEMANTIC

Tutiniso Ashurmadova

Head of Ethnographic museum of the Academy of sciences of Tajikistan
phone +9922278751, Email: niso.111980@mail.ru

The most close contacts between Tajik and Kazakh masters took place during the 15th – 18th centuries. Many metal works, embroidery, patchwork (quroq) of the masters of two peoples were often identical to each other, not only in their forms but also in semantics.

Key words: Tajikistan, Kazakhstan, people, art, artisan, ornament, item.

ПЕРВЫЙ ТАДЖИКСКИЙ ЭТНОГРАФ

Н. ДЖУРАЕВА

младший научный сотрудник Отдела этнографии
Института истории, археологии и этнографии
Академии наук Республики Таджикистан

Данная статья посвящена первому таджикскому этнографу Низаму Хабибуллаевичу Нурджанову. Его вклад в развитии советской таджикской этнографии огромен. Прослеживается связь между этнографией и искусствоведением в трудах Н.Х.Нурджанова.

Ключевые слова: этнография, экспедиции, обычаи, искусствоведение.

После окончания Великой Отечественной войны началось мирное строительство Таджикистана, его новое преобразование. Но республика остро нуждалась в подготовленных квалифицированных кадрах. К тому же не было их наставников – опытных русских специалистов. Первый секретарь ЦК Компартии республики Б.Г.Гафуров, историк по специальности, нашёл выход из трудного положения. Он пригласил из Ташкента в Таджикистан двух известных учёных, создав им условия для работы. В 1947 году приехал М.С.Андреев, а позже, в 1951 году, А.А.Семёнов.

Найти для них учеников тоже было нелегко. Среди шести выпускников факультета таджикского языка и литературы тогдашнего единственного педагогического института им. Т.Г.Шевченко только четверо (впоследствии один из них отказался) в 1947 г. были зачислены аспирантами Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР по специальности этнография и прикреплены к члену-корреспонденту АН СССР М.С.Андрееву. Одним из них был Низам Хабибуллаевич Нурджанов, с отличием окончивший институт.

На занятиях проводимых М.С.Андреевым, он получил первые знания об этнографии, доселе совершенно незнакомой в республике науке. По совету своего руководителя в августе 1947 г. он отправился в Варзоб собирать полевой материал по быту и деятельности жителей села. Получив советы М.С.Андреева, Нурджанов начал работу над рефератом «Вежливые формы у таджиков».

В 1948 г. Н.Нурджанов был приглашён для участия в работе первой этнографической экспедиции в Кулябскую область, руководителем которой была А.К.Писарчик. По её поручению Нурджанов собирал этнографические материалы по темам «Семья», «Свадьба»,

«Охота», «Игры», «Развлечения». Советуясь с А.К.Писарчик, он старался подробно опросить здешних жителей, используя для этого даже время переезда из одного кишлака в другой в сопровождении местных жителей. Антонина Константиновна Писарчик научила Нурджанова правильно и подробно вести полевые дневники. Она отмечала, что молодой сотрудник выделяется среди других тем, что особенно тщательно записывает и фотографирует любой объект, стремится бережно сохранить любую музыкальную тему, мельчайшие детали орнамента вышивок. «Более подготовленный к научной работе, – писала А.К.Писарчик, – очень организованный и трудолюбивый, Н. Нурджанов сумел за первый же свой полевой сезон собрать настолько богатый, новый и ценный материал, что его хватило на написание диссертации...»¹. Подружившись со студентами Ленинградского государственного университета, которые принимали участие в работе экспедиции, он углубил свои знания об этнографии, быте, культуре других народов.

Кулябская этнографическая экспедиция явилась для Нурджанова хорошей школой как будущему этнографу. С кончиной в 1948 г. М.С.Андреева остался незаконченным порученный им Нурджанову реферат. Будущий этнограф получает командировку в Ленинградское отделение Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. Его научным руководителем здесь стал известный этнограф-таджиковед Николай Андреевич Кисляков. Началась трёхлетняя плодотворная учёба. Постоянное общение с Н.А.Кисляковым, Е.М.Пещеревой, Г.А.Уваровой и другими крупными учёными, регулярное посещение многочисленных театров, концертных залов, музеев и других достопримечательностей, тщательная подготовка к сдаче экзаменов, общение с жителями города способствовали развитию способностей Низама Нурджанова, обогащали духовной культурой, развивали его эстетические вкусы и интересы.

Руководитель Нурджанова Н.А.Кисляков вначале рекомендовал ему тему диссертации «Свадьба Гарма». Но диссертант хотел выбрать что-то ближе к искусству. Посоветовавшись с этнографом А.Л. Троицкой, опубликовавшей в 1948 году в журнале «Советская этнография» краткое изложение своей докторской диссертации «Народный театр и цирк Узбекистана», а также с театроведом Г.А.Уваровой, опубликовавшей монографию «Монгольский театр», он выбрал тему, которая освещала и этнографию, и народный театр. Определилось и название его кандидатской диссертации: «Истоки таджикского народного театра (па материалам Кулябской области)». Однако материала по этой теме у Нурджанова было недостаточно.

Летом 1949 г., во время летних каникул Нурджанов две недели принимал участие в работе археолого-этнографической экспедиции АН СССР в Хорезме на раскопках Топрак-калы где обнаружил засыпанную землёй скульптуру, а затем ещё месяц работал в Южно-узбекском этнографическом отряде в Кошкопырском и Ханкинском районах Хорезмской области Узбекской ССР. Знание узбекского языка помогли ему собрать материалы по темам «Семья», «Свадьба», «Праздники», «Сельское хозяйство».

В 1950 г. Нурджанов начал собирать материалы к своей диссертации. По совету опытного этнографа Е.М.Пещеровой он составил опросник и приобрёл фотоаппарат. Добившись двухнедельной командировки в Кулябскую область, он пробыл здесь два месяца. За всё это время у него не было возможности дать о себе знать и его посчитали погибшим.

Длительная поездка по горным районам, увлечённые поиски, вдохновение после нахождения интересных фактов, обогащение опытом процесса работы увенчались успехом. Нурджанов привёз шестнадцать исписанных общих тетрадей с полевыми материалами и объёмный фотоматериал. Н.А.Кисляков, находившийся в это время в Сталинабаде и познакомившись с тем, что собрал Нурджанов, сказал, что этого материала хватит на три диссертации.

В работе над диссертацией Нурджанов искал истоки народного театра в обрядах зазывания весны, приготовления «сумальяка», встреч Нового года «Наврুза», празднования на Тамошо-тепе (Холме зрелищ), свадебных церемониях и народных играх, развлечениях. Истоки были выявлены и в богатой танцевальной культуре, его жанрах, а также в народных театрализованных представлениях. В главе диссертации давались полные сведения о площадных актёрах – масхарабозах, их репертуаре. Подробно рассматривались народные устные драмы, их специфика, правдивость и условность игры актёров, костюмов, грима, декораций, бутафории. В заключительной главе работы отражалось развитие традиций народного театра в советское время. В заключении диссертации были даны в качестве примера тексты лучших народных пьес на таджикском и русском языках, прилагался альбом иллюстрированных материалов.

Первую исследовательскую работу Нурджанова, представленную в качестве кандидатской диссертации «Истоки таджикского народного театра» официально оппонировали член-корреспондент АН СССР профессор Е.Э. Бертельс и кандидат филологических наук А.З.Розенфельд. Они «указав на имеющиеся в диссертации погрешности, дали ей высокую общую оценку и выра-

зили пожелание об её опубликовании»². Бертельс отмечал: «Нужно сказать, что работа от начала до конца читается с большим интересом и почти на каждой странице сообщается что-нибудь новое и своеобразное... Для меня нет никаких сомнений в том, что тов. Н.Нурджанов вполне доказал свою способность к самостоятельной научной работе и внёс ею существенный новый вклад в советскую науку, а потому можно, не колеблясь, присудить ему искомую ученую степень кандидата наук»³.

В 1956 году диссертация в полном объёме и с добавлением новых материалов была опубликована в Москве в издательстве АН СССР под названием «Таджикский народный театр».

В середине января 1952 г. Н.Нурджанов возвратился в Сталинабад и приступил к своим обязанностям в качестве младшего научного сотрудника на полставки он был зачислен в Институт истории, археологии и этнографии АН республики ещё в октябре 1951 г. В то время сектором этнографии руководила А.К.Писарчик. Она направила мысли на изучение быта рабочих. С этой целью Н.Нурджанов был командирован в Ленинабад, на шелкомотальную фабрику. Это предприятие в то время считалось одним из лучших производственных коллективов республики. Но работа, написанная Нурджановым, не представила научного интереса и не была опубликована.

В 1953 г. Нурджанов был назначен начальником отряда Гармской этнографической экспедиции. Его членами Н.Нурджановым, М. Рахимовым, Р.Л.Неменовой и другими были проведены этнографические исследования по всей территории Каратегина и Дарваза. На основе богатого материала был создан коллективный труд в трёх томах «Таджики Каратегина и Дарваза». Нурджанову принадлежат в нём главы: «Семья», «Свадьба», «Охота», «Игры», «Развлечения и народный театр» (эта глава была опубликована в третьем искусствоведческом сборнике «Искусство таджикского народа», Душанбе, «Дониш» 1965, вып. 3, с. 113-173). Он же был автором многочисленных фотоснимков.

Научные интересы Нурджанова с каждым годом получают большую разносторонность. Появляются статьи по этнографии, современному театру, хореографии. Он тяготеет к искусствоведческому исследованию, написанию капитальных трудов по истории театра, созданию отдельных монографий о выдающихся таджикских актерах, хотя в душе оставался этнографом. Эта специфика ощущалась даже при написании фундаментальной истории профессионального театра, в тщательном сборе материала, выявлении всех сторон деятельности его творческого коллектива, в подробном

анализе крупных явлений искусства, деяниях строителей сценического искусства и т.д.

В зрелые годы Нурджанов создал свои крупные работы «Таджикская народная драма» («Драмаи халқии тоҷик»), «Театральная и музыкальная жизнь столицы государства Саманидов», «Большой мир таджикского танца» («Олами беканори ракси тоҷик»), двухтомный капитальный труд «Традиционный театр таджиков». За последнюю работу он был награждён Международной премией Исламской Республики Иран «Книга года». Каждая из этих работ открывала новые страницы в неизвестной до сих пор этнографии и художественной культуре прошлого таджикского народа.

Таджикская народная драма была восстановлена Н. Нурджановым в ходе сбора материала. Драму исполняли площадные актёры – масхарабозы, артисты кукольного театра, а в Бадахшане – простые дехкане, широко используя в ней песни и танец. Исполнители руководствовались сплошной импровизацией: устно производили реплики, развивали действие в придуманном сюжете, конфликте. Нурджанов, видя представления вживую, описал в ремарках ход спектакля и зафиксировал разговорную часть на диалекте той местности, где исполнялась пьеса. Им были опубликованы больше ста народных драм с многочисленными вариантами.

Книга «Театральная и музыкальная жизнь столицы государства Саманидов» – уникальное явление в науке Таджикистана. «Бухара в течение многих веков, невзирая на все беды и несчастья, настойчиво развивала свои прогрессивные художественные традиции, бережно сохраняя собственный стиль – стиль древнего города и центра таджикской культуры. Стиль этот выражался в развитии профессионального направления в искусстве, в расширении круга его видов и жанров, их взаимодействия и совершенствования».

В Бухаре народное профессиональное искусство, по сравнению с другими районами было очень развито, каждая категория исполнителей чётко определена. Так, бухарские танцовщицы и певицы, называемые созанда, создали свою самостоятельную труппу в составе четырёх человек и развивали циклическую профессиональную хореографию. Они выступали только в женских аудиториях и имели огромный успех.

Монументальная монография в двух томах «Традиционный театр таджиков» была создана на основе постоянных поисков и 38-летнего сбора материала на всей территории Таджикистана и Узбекистана с таджикским населением. В неё вошла часть материалов из Кулябской области, опубликованная в работе «Таджикский народный театр».

Скрупулёзно собирая материалы из разных регионов, Нурджанов создал общую интересную картину постепенного формирования и развития традиционного театра. Он кропотливо искал и находил древние истоки традиционного театра в наскальных изображениях, древних верованиях, культах и церемониях, земледельческих праздниках, старинных обрядах, играх, развлечениях, больших уличных шествиях с чучелами старинных сказочных героев, многочисленных археологических находках. Открытые им театральные элементы способствовали созданию отдельных самостоятельных видов и жанров театра.

В их числе пантомимы, изображающие демонические существа, а также животных и птиц, в маске и без маски; развитый театр танца – женский, народный и профессиональный; театр народной музыкальной драмы; театр песни; кукольный театр с объединением музыкантов и танцоров в одну труппу; высокоразвитый площадный театр масхрабозов (комедиантов). Дополнял собранные учёным уникальные сведения большой иллюстративный материал, зафиксированный Н.Нурджановым.

Во время сбора материалов для фундаментальной монографии «Большой мир таджикского танца» («Олами беканори рақси тоҷик») Нурджанов обратил серьёзное внимание на один из основных источников традиционного искусства – танец. Он зафиксировал множество женских и мужских плясок, их жанры и время бытования.

Нурджанов, как этнограф, проявил свои способности и заинтересованность также в сборе музыкального фольклора. Под его руководством проводились искусствоведческие экспедиции в Зеравшанскую долину (трижды), Бухарскую область (четыре раза), на Памир (семь раз), в Ленинабадскую область (четырежды), Сурхандарьинскую и Ферганскую область (четырежды). В этих поездках учёный собрал уникальный музыкальный фольклор с различными его жанрами, условиями бытования. Этнографический подход учёного, навыки, эрудиция позволили ему охватить все сферы жизни и деятельности таджикского народа, его художественную культуру.

Н.Х.Нурджанов, как первый таджикский этнограф, способствовал развитию лучших традиций русских этнографов-таджиковедов в восстановлении важных сторон жизни и быта таджиков, их духовной культуры. Став искусствоведом, он не отрывался от первой своей специальности, наоборот, использовал богатый опыт в углубленном сборе материала, а целый ряд крупных работ создал на стыке большой этнографии и определённого театроведения. Это расширило и обогатило созданные его монографии.

Низам Хабибуллаевич Нурджанов как-то сказал: «Я считаю, что творческая зрелость пришла ко мне после 75 лет». Список его изданных с 1999 года и по настоящее время, поразителен как в количественном отношении, так и в содержательном – все они разножанровы и разноплавны и кроме, того – масштабны. Ученый и сегодня, будучи в преклонном возрасте, энергичен, полон сил, неутомим в работе, готов к реализации новых творческих замыслов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Писарчик, А. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.) [Текст]. – Душанбе, 2002. – С. 31.
2. Корьбе О. Защита диссертации в Институте этнографии АН СССР [Текст] // Советская этнография. – 1952, – №3. – С.212.
3. Бертельс, Е.С. Отзыв на кандидатскую диссертацию Н. Нурджанова на тему «Истоки народного театра у таджиков (по материалам Кулябской области) [Текст]. – Вечерняя Москва. – 1951 г., 4 декабря. Архив Н.Нурджанова.

FIRST TAJIK ETNOETHNOGRAPHER

Nigora Juraeva

Junior researcher

A.Donish Institute of History, archeology and ethnography
Academy of Science of the Republic of Tajikistan

This article is dedicated to the first Tajik ethnographer Nizam Habibullaevich Nurdjanov. His contribution to the development of Tajik ethnography is huge. Ethnography and art history are connected in Nurdjanov's works.

Key words: ethnography, expeditions, customs, art history.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р.Масов.</i> К вопросу о консолидации таджикского народа и таджикистанцев	3
<i>З.Акрами.</i> Бори дигар оид ба қаҳрамони академик Бобочон Ғафуров.....	9
<i>Р.Абулхаев.</i> Социально-экономические причины трудовой миграции.....	18
<i>Л. Додхудоева.</i> Диаспора казахов Хатлона в первой половине XX века.....	25
<i>Р.Мукимов.</i> Определение путей дальнейшего развития национального зодчества Таджикистана	31
<i>Б.Кабилова.</i> Исследователь таджикской музыки.....	39
<i>Ф. Абдурашитов.</i> Аграрные преобразования в Таджикистане в конце XX – начале XXI вв.	44
<i>Д.Мирсаидова. М.Табарова.</i> История создания личных архивных фондов ЦГА Республики Таджикистан.....	52
<i>С.Мукимова.</i> Процесс формирования теоретических концепций реставрации	59
<i>А. Назаров.</i> Особые формы проявления религиозности в Таджикистане в советский период.....	71
<i>Б.Азимова.</i> Источники по истории Кокандскодского ханства	79
<i>Қ.Аламиоев.</i> Парастии шуғли шикор ва суннати шикорӣ дар Помир.....	86
<i>С. Туйчиева.</i> Историческая трансформация городской среды Центральной Азии	95
<i>М. Хасанова.</i> Музыкальная жизнь Таджикистана в 2001-2011гг.....	102
<i>М. Шовалиева.</i> Знаковая символика похоронно-поминальной пицци таджиков	110
<i>Б.Бобомуллоев.</i> Вклад В.А. Ранова в изучение наскального искусства Таджикистана.....	118
<i>Т. Ашурмадова.</i> Народное искусство таджиков и казахов: параллели и семантика.....	131
<i>Н. Джураева.</i> Первый таджикский этнограф.....	136

**МУАРИХ
ИСТОРИК**
(Научный журнал)

№ 3

Художественный редактор Р.Шерали
Технический редактор А.Камолов

Подписано к печати 06.11.2015

Формат 70x100 1/16.

Печ.л. 9,0. Тираж 150 экз.

Отпечатано в ООО «Нашри мубориз»